

Троицкие листки

(духовно-нравственное чтение для народа,
публикуемое в конце 19 века)

№ 451-500

Содержание

451. Праздник Крещения Господня в Церковных песнопениях	2
452. Чему учит нас Предтеча Христов.....	5
453. Доброе слово наемному человеку	8
454. До чего доводит пьянство! (Письмо к слабому человеку)	10
455. Богомладенец Иисус в храме Иерусалимском.....	13
456. Мой неизбежный путь (Размышление о загробных мытарствах).....	16
457. На русском месте горы Елеонской.....	19
458. Причастникам – пред Святым Причащением	21
459. Духовная ночь и благодатный день (Обретохом Иисуса! (Ин. 1; 35)).....	24
460. «Закланная» икона Богоматери	27
461. Четыредесятъ проповедников.....	30
462. Грех – наш губитель. (Великопостное поучение).....	33
463. Вспомни, грешник, Страшный Суд!	35
464. «Иди за Мною!»	38
465. Слово Кирилла философа о хмельном питии ко всем людям.....	41
466. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы в Церковных песнопениях	44
467. Праздник воскрешения Лазаря в Церковных песнопениях.....	47
468. Беседа в неделю ваий в святой земле.....	50
469. Божественный Крестоносец.....	52
470. Из записок инока Киприана	55
471. Красота пасхального богослужения (Беседа на вечерни в день Святой Пасхи)	58
472. Чему учат нас святые мироносицы	61
473. Святая подвижница Павла.....	64
474. Святой инок – труженик для отечества	67
475. Слово любви старца святителя (к называющим себя старообрядцами)	70
476. Чему учит нас святой апостол и евангелист Иоанн Богослов.....	73
477. Что такое уния	76
478. Торжество православия над унией.....	79

479. Духовные сокровища народной мудрости	82
480. Без священноначалия нет и Церкви	85
481. Благодатный отрок	89
482. Праздник Вознесения Господня в Церковных песнопениях.....	91
483. Праздник сошествия Святого Духа в Церковных песнопениях	94
484. Грех кощунства	96
485. У гроба Богородицы.....	99
486. Страждущая добродетель.....	102
487. Ничто не наше на земле.....	105
488. Духовные сокровища народной мудрости	108
489. Знаю, что умру, но когда – не ведаю.....	111
490. Счастье родителей.....	114
491. Праздник введения во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы в Церковных песнопениях.....	116
492. Как помочь нашему общерусскому горю?	119
493. Что такое просфора?	122
494. «Я не твой брат...»	125
Плоды гордости.....	126
495. Молитесь, матери, за детей своих!	128
496. Святая икона Божией Матери «Троеручица»	131
497. Забудь свои добрые дела	134
498. Чему учат нас пастыри Вифлеемские	136
499. Праздник Рождества Христова в Церковных песнопениях.....	139
500. Черниговская икона Богородицы	142

451. Праздник Крещения Господня в Церковных песнопениях

Листок первый

Предтеча Христов на Иордане. — Явление Спасителя. — Беседа Его с Предтечей. — Крещение Господне.

«От Вифлееме на Иордан преидем, — зовет нас Святая Церковь в своих песнопениях, — тамо бо Свет сушим во тме озаряти уже начинает (3 января). Ведый Господне пришествие, из пустыни приходит Божественный Предтеча, вопия светло: приближися, явися избавление: покайтесь и водою очиститесь (2). Яко ластовица пречестная (как чистая ласточка), провозвещающая весну мысленную (духовную), предста Креститель, сушим в зиме прегрешений (2). Глас Словесе, светильник Света, денница Солнца (Христа) Предтеча в пустыни всем вопиет людем: покайтесь и предочиститесь: се бо предстоит Христос, от тли (тления) мир избавляти (6). Велиим гласом в пустыни вопиет

Предтеча: Христу уготовайте пути, и стези Богу нашему правы соделайте (6). Явился Христос, сresti Сего потщимся, чистыми помышлении просвещаемы (2). Сшедшимся без числа людем от Иоанна креститися, Сам посреде их ста, провозгласи же предстоящим: кто показа вам, непокоривии, уклонитися (бежати от) гнева хотящаго быти? Плоды достойны Христу сотворите, Предстояй бо (явившийся) ныне мир дарует (6). Се Агнец, взявляй прегрешения человечества, прииде к рабу, прося Крещения, —раболепно предстоит, ищай (желая) свободити порабощенныя ны (нас) от лъстивого и доброту первую (красоту первобытнующую) погубившии (3). — Егда к себе грядуща Господа Славы Предтеча узре, вопиаше: Сей прииде избавляяй мир от истления; Сей избавляет нас от скорби; Сей согрешений оставление дарует яко Бог и вместо рабов сыни Божия соделоваеши, вместо же тмы просвещает человечество водою Божественного Крещения Его. Прочее (итак) приидите, согласно Того да славословим, со Отцем и со Святым Духом! (5). Видев Тя Иоанн к себе Благодетеля грядуща и просяща от него смиренном Крещением, удивлься, ужасеся, никакоже рукою прикоснутися смея Того, Иже коснется горам — и воздыматся! (2)».

Так церковные песнопения изображают благоговение Крестителя пред крещаемым Господом; трогательно изображают они далее смирение Самого Господа и Его Предтечи в виде такой беседы. Иоанн говорит Господу: «Что сие, Христе, многое Твое, еже к нам, смотрение (о нас попечение)? Что нищета? Что неизреченное и паче ума снитие (снисхождение)? (2). Господь отвечает: Иоанне Крестителю, во утробе (матери твоей) познавый Мя Агнца, нареце Мне послужи, со Ангелы Мне службу принеси, простер коснися дланию верху Моему Пречистому (2). Иоанн: Боже мой, Содетельмой! како Тя крещу Нескверного?»(3). Како простру руку и прикоснуся верху Держащаго всяческая? Аще и от Марии еси Младенец, но вем Тя Бога Превечного: по земли ходиши певаемый от Серафим, и раб Владыку крещати не научихся. Непостижиме Господи, слава Тебе! (6). Господь: Не убойся крестити Мя, спасти бо приидох Адама первоизданного (2). Иоанн: яко Солнце крыющееся во облацех познах Тя, Более мой, покровенна плотию: како убо нага Тя, водами ныне одеянна, зрю?(2). — Господь: Явихся весь человек ныне, приступен (доступен) тебе бых, естеством неприступный; приступи, крести Неподлежащего тлению, и мир от тления Изымающаго! (7). —Иоанн: Что ми повелеваеши яже паче (выше моя) силы совершити, о всесильне Господи! Како рукою коснуся Тебе, рукою вся Содержащаго? Ты мя паче крести раба Твоего! (7). — Господь: Гряди ко Мне, таинство совершающему спасительное, со страхом послужи и не ужасайся, Адама бо, сокрушенного грехом, обновляя, крещаюся яко человек (7). — Иоанн: не смею сено прикоснутися Огню; Тымя освяти, Владыко, Божественным явлением Твоим! (2).— Господь: Что недомышляеши (не постигаешь), Крестителю, смотрения, еже совершаю за спасение всех? Веруй Богу сошедшему, и приступив Мне послужи: Бог бо приидох за благоутробие, Адама очистити от падения (5). — Иоанн: странная и ужасная зрю днесь,

ныне бо Источник бессмертия прииде, — от малые капли (от меня) просит Крещения! (2). — Господь: стояща в водах сих волею зря Мя ныне, приступи, о Иоанне, и крести, яко да водою благодать человеческому роду соделаю (2). Иоанн: Возмляй наша грехи на рамена пришел еси, Иисусе, к струям иорданским; аз же ужасохся Твоего страшного пришествия. Сам мя очистити пришел еси, и како Крещения от Мене просиши, всех Очищение? {5}. — Господь: Неистязуя тя, Крестителю, пределы преходити (не требую от тебя, чтобы ты преступал закон), — точною крести Мя молча, и чая (ожидаю) яже от Крещения: примемши бо сего ради достоинство, еже не бысть Ангелом (чего не удостоились даже Ангелы), ибо всех Пророков большея ты сотворю: от оных убо ни един яви Мя виде, но (только) во образах, и снех, и гаданиях; ты же пред тобою стояща (Меня) видел еси, спасти бо приидох Адама первозданного (2). Иоанн: сый (будучи) Огонь нестерпимый, Христе мой, брению и сему мне сущу, что святую Твою преклоняеши главу, еяже Ангельская трепещут множества? Велико есть, благоутробне Жизнодавче, Твое нисшествие (снисхождение)! (4). — Господь: Видел еси, како паче ума смирився, обложихся твоим образом (облекся в естество человеческое): что убо странно, друже, аще и подклоняюся деснице твоей, как един от твоих клевет (из подобных тебе)? (11). Иоанн: Высоты небесные никакоже изследих (не исследовал я), звезд число (не знаю), ниже землю измерих (не измерил), и како верху Твоему коснуся рукою? Какое крещу Носящаго горстию тварь? — Господь: естества Моего непостижимое Слово, (однако же) в рабий зрак одеявся приидох на Иордан; гряди, не бойся, приближися ко Мне, десницу на верх Мой положив (5). — Иоанн: Солнце очищаемо кто от земнородных виде? (Кто видел, чтобы солнце было очищаемо?) и Одевающего небо облаки (кто видел) обнажаема всего? и источники и реки Содевающего (кто видел) в воды входяща? Дивлюся несказанному смотрению Твоему, Владыко; не отягчи раба Твоего страшными повелениями (7). Господь: да исполнится Отчее благоволение (воля Отца Небесного), приидох на землю; Небо Мне престол, земля же подножие; тебе же выю преклоняю, на сие бо приидох; крести Мене, очищающего прегрешения человек (4). — Иоанн: Моисей из крупини Тя возгласивши разумев, абие отврати лице: аз же како Тя увижу ясно? Или како руку положу на Тя? Ты бо еси Христос, Божия мудрость и сила! (6). — Господь: отложи страх весь, Мне же повинися яко благому, Мне приступи, Моим повелением покорися и крести Мя (6). — Иоанн: Христе Боже, что к рабу пришел еси, скверны не имый, Господи? Во имя же чье Тя крещу? Отца? но Того носиши в Себе. Сына? Но Сам еси воплотивыйся. Духа Святаго? Но и Сего веси даяти верным усты... (6) — Господь: Пророче, гряди крестити Мене, тебе создаващаго; прикоснися Божественному Моему верху и не усумнися: прочее остави ныне, ибо исполнити приидох правду всякую (6).

И вот, Иоанн повинуется Господу и крещает Его. Предтечи, и Крестителя и Пророка, воспеваает Церковь, и паче всех превышша Пророк (почтена) трепеташе ныне рука десная, егда виде Тебе, Агнца Божия,

очищающего мира согрешения (5). Ужас бе видети небесе и земли Творца на реце обнажшагося и крещение от раба за наше спасение приемлющаго яко раба, и лица Ангельстии дивляхуся страхом и радостию, с нимиже покланяемся Тебе: спаси нас, Господи! (5). — Избавителю нашему от раба крещаему и Духа пришествием свидетельству ему, ужасошася, зряще Ангельская воинства, глас же с Небесе принесется от Отца: Сей Егоже Предтеча рукою крещает, Сын Мой есть возлюбленный, о Нем же благоволих... (6). Крещается Христос и восходит от воды, и зрит разводящаяся Небеса, яже Адам затвори себе и сущим с ним, и Дух свидетельствует Божество... (6). — Слава Пришествию Твоему, Христе, слава Царствию Твоему, слава смотрению (промышлению) Твоему, едине Человеколюбче!».

452. Чему учит нас Предтеча Христов

«Не воста в рожденных женами болий Иоанна Крестителя» (Мф. 11; 11), — сказал Сам Господь наш Иисус Христос о Своем Предтече, и Святая Церковь, следуя сим словам Христовым, с особенным благоговением почитает память святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. В каждом православном храме находится изображение Господа Вседержителя, сидящего на Престоле, и по обе стороны сего Престола обыкновенно изображаются: Вышшая Небес, Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим — Пресвятая Дева Богородица, и святой Иоанн, Предтеча и Креститель Господень. Таким изображением Православная Церковь наглядно показывает, что после Пречистой Матери Божией из всех святых угодников Божиих нет никого, кто был бы так близок к Престолу Царя Небесного и имел бы столь великое к Нему дерзновение, как святой Иоанн Предтеча. Вот почему Святая Церковь особенно часто собирает чад своих для прославления его памяти: не только семь раз в продолжение года она нарочито празднует его, но и молитвенно воспоминает его в третий день каждой седмицы (вторник). Вот и сегодня, на другой день после праздника Крещения Господня, Святая Церковь установила праздник в честь святого Иоанна Предтечи Господня. Этот праздник именуется «Собором святого Иоанна Предтечи» — именуется так потому, что мудрая Мать наша, Церковь, ныне собирает нас особенно почитать Крестителя за то, что он послужил при Крещении Спасителя нашего.

Как же нам, братие, достойно почитать ныне того, кто удостоился возложить руку свою на главу Самого безгрешного Сына Божия? Чем почитать память его? Похвалами? — Но что все наши человеческие похвалы для того, кого Сам Господь возвеличил яко большего из всех рожденных женами? Приношениями? — Но что принесем тому, кто после Пресвятой Матери Божией ближе всех из людей стоит у Престола Царя Небесного? — И то, и другое, и похвалы наши, и наши приношения только тогда будут

приятны Предтече Господню, когда они будут от чистого сердца, любовью согретого, а закон любви таков: кто кого любит, тот того и слушает...

Итак, братие, послушаем проповеди Предтечи Господня, приклоним ухо сердечное к его поучению, и это будет для него приятнее всяких наших похвал. Что за чудная сила этой проповеди! Она и теперь также грозно гремит против зла и порока, как гремела во дни оны на берегах Иордана, она и нам также нужна, как нужна была тогдашним грешникам. «Покайтесь, — взывает Предтеча Христов, — покайтесь, уготовайте путь Господень!» Для грешника — что нужнее покаяния? Итак, к покаянию зовет нас Господень Предтеча; проснись, грешная душа, отряси сон от очей, взгляни к Солнцу правды — Христу! Господь всем хочет спастись, так открой же Ему свое сердце, уготовай путь, не препятствуй своим грехолюбием благодати Его устроить твое спасение! Отстань от худых дел, покажи дела добрые, «сотвори плоды, достойные покаяния!»

"Как нам сотворить их?" — вопрошает святитель Златоуст и отвечает: "Ты похищал чужое? Теперь отдавай и свое. Ты оскорблял ближнего? Теперь благословляй и того, кто тебя обижает, люби его, твори ему всякое добро. Ты предавался доселе сластолюбию и пьянству? Отныне постись и пей одну воду, старайся истребить зло, какое прежде делал. Ты засматривался грешными очами на чужую красоту? Отныне совсем не смотри на нее... Уклонись от зла и сотвори благо. Удержи язык от зла и уста, чтобы не говорить лести. Мало того — говори одно доброе. Взыщи мира и с Богом, и с людьми". Так уготовляй путь Господу в твое сердце. «Не начинайте глаголати в себе: отца имама Авраама», — взывал Господень Предтеча гордым лицемерам фарисеям. Не найдется и ты, христианин, только на то, что носишь имя христианское: одно имя, без дел христианских, не спасет тебя! Не суди в гордости своей, в своей мнимой праведности того, кого считаешь ты грешнее себя: «может Бог и от камня воздвигнуть чада Аврааму!» Он и каменное сердце силен умягчить, и ожесточение всякое может сокрушить, только бы сам грешник пожелал себе спасения, только бы не отгонял от себя всемогущей благодати Его.

Нет греха, побеждающего Божие милосердие: и мытари, и блудницы, может быть, впереди тебя пойдут в Царство Небесное, а ты, судия чужих грехов, позади их останешься! Убойся лучше сам Суда Божия, смотри: «уже и секира при корены древа лежит», уже правда Божия готова совершить свой суд и над тобою, и только неизреченное милосердие Божие еще удерживает карающую десницу Божию, ожидая твоего покаяния... Секира уже при корени лежит, и кто знает? — может быть близок твой конец... Поспеш же принести плоды покаяния, ибо «всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огонь вметаемо». А ты — не бездушное дерево; для дерева нужны времена и сроки, чтобы оно плоды приносило, а тебе стоит только захотеть, стоит только вздохнуть ко Господу, и Господь готов помочь тебе. Он всемогущ и милосерд. «Грядый же по мне, — глаголет Предтеча Христов, — крепкий мене есть», кроткий и безгрешный, Он берет на Себя

грехи всего мира: «се Агнец Божий, взявляй грехи мира!» Он возьмет на Себя и твои грехи. Он ждет твоего покаяния, спешите же, спешите к Нему, как овца заблудшее к своему доброму Пастырю, как кающийся сын к своему Отцу... Брось свою греховную жизнь, отложи хоть на время свои житейские попечения, перестань собирать богатства на богатства и думать только о стяжаниях; делись, чем можешь, с ближним своим. «Имеяй две ризе да подаст неимущему, — учит Предтеча Господень, — и имеяй брашна такожде да творит! Никого же обидите, не оклеветовайте, и довольны будьте оброки вашими», — увещевает великий проповедник покаяния. Спешите же принести плоды, достойные покаяния, будьте чистою пшеницею на гумне Христовом! Помните, что «уже и лопата в руку Его», и настанет день, когда Он «отгребит» — очистит «гумно Свое», ответ на нем пшеницу от плевел, и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому и плевелы «сожжет огнем неугасающим!» — Вот, братие, чему поучал Предтеча Христов своих слушателей — иудеев, вот чему учит он и каждого из нас!

«Тогда, — повествует святое Евангелие, — исхождаше к нему из Иерусалима и вся Иудея, и вся страна Иорданская, и крещахуся во Иордане от него, исповедающе грехи своя». Чудное время было тогда! Толпами спешил народ на берега Иордана, спешил к Иоанну, сыну Захариину, и с благоговением внимал его дивной проповеди о грядущем Спасителе, о покаянии, о Царстве Небесном. И видно было, что его слово благодатное добрым семенем ложилось на сердца простых людей; и обращались к Богу, по слову его, и мытари корыстолюбивые, и воины жестокосердые, и смиренно его спрашивали: что же нам делать? Только гордые фарисеи и книжники уходили от него без пользы для души: не за тем они приходили сюда, чтобы слушать проповедь о покаянии; они приходили и разве только затем, чтобы полюбопытствовать: что это за новый проповедник явился, который не хочет знать их синедриона, не просит у них разрешения на свою проповедь? И не трогало их жестоких сердец грозное слово сурового обличителя... Так опасна гордость! Так она ослепляет и ожесточает сердце человека! Не напрасно у святых Отцов сказано: "Блудных могут исправлять люди, лукавых Ангелы, а гордых только Сам Бог" (Лествица. 26; 180).

Братие, почтим память великого проповедника покаяния хотя началом нашего покаяния! К нему приходили исповедовать грехи свои. Что препятствует и нам начать свое исправление с того же? Он проповедывал еще до явления Христа Спасителя в мире и потому не мог сам разрешать от грехов, а только указывал всем на грядущего Христа — Агнца Божия, взявляющего грехи всего мира. А мы живем в благодатные времена; Христос Спаситель дал власть Своим святым Апостолам, а чрез них и всем их преемникам разрешать от грехов истинно кающихся. Итак, хочешь очиститься от проказы греховной? Пойди к иерею Божию и исповедуй пред ним грехи свои, получишь разрешение. А когда получишь разрешение, то дай себе слово всячески противиться греху. Трудно? — Проси помощи у Пречистой Матери Божией, у Предтечи Господня, у всех святых Божиих.

Предстоя Престолу Божию, они испросят и мне, и тебе, и всем нам благодатную помощь от Господа. И Предтеча Господень, коего память мы ныне празднуем, прострет нам десницу свою, коснувшуюся «верху Владычнему». Аминь.

(Поучение на праздник Собора Иоанна Предтечи)

453. Доброе слово наемному человеку

Если обедняешь, сын мой, и не в силах будешь сам себя пропитать, то и тогда не унывай, не отчаивайся и никакого несправедного дела не касайся, с негодными людьми знакомства не заводи, а возложи надежду свою на Бога, иди к кому-нибудь в наемники и служи ему - работай всюю правдою без лени и лукавства. Не день к вечеру гони, а дело к концу приводи, работай так, как работал бы на себя. Если хозяин и ничего тебе против других не прибавит за твое усердие, — зато Бог тебе воздаст и на сем, и на том свете. Знай, сын мой, если и до поту лица будешь работать, от этого не умрешь, но еще и здоровее будешь, и суровая пища тебе покажется сладкою. А когда придет праздник Господень, то отнюдь не занимайся работою, а иди в церковь Божию; и если бы тебе за работу лишнюю плату обещали, не слушай, не меняй дела Божия на деньги. Праздник — Божий день, Богу и надо в оный поработать: в церковь Божию сходить, святую книгу почитать, а если что и поработать, то отнюдь не за деньги, а ради Бога, по необходимой нужде, по любви к ближнему. Если и будут тебе за это деньги давать, — ты не бери, не пойдут они тебе впрок. А в пьянство, в картежную или другую какую игру отнюдь не вдавайся. И если кто из сторонних людей или из товарищей твоих тебя бранить станет — молчи, будто не слышишь, ни худого, ни доброго ответа ему не давай. Даже если кто скажет: что ж ты молчишь? — отвечай ему: "Это он себя только тешит; что мне за дело до его забавы? Бог с ним, пусть его утешается, как знает".

А если увидишь, что товарищ-работник ленится, скажи ему по-дружески: "Что ж ты, брат, лениво дело делаешь? Грех тебе будет за это. Нанялись мы с тобой работать, а не гулять. Бог с нас взыщет, если мы деньги возьмем не по совести. Это все равно, что украсть. Надо, брат, трудиться по совести". Если он тебя будет бранить за эти слова, то не обижайся на него, а скажи: "Хочешь ты — бранись, хочешь — не бранись, а надо работать по совести. Будешь делать по совести — тебе же будет хорошо, а не мне. Будешь и худо делать, тебе же будет худо, а не другому кому". А при хозяине его не обличай, и своего усердия не выставляй перед хозяином. Кто бы ни был твой хозяин — барин или простой крестьянин — служи ему как Богу Самому, без всякой лени, безобманно. Как на глазах у него, так и заочно работай по совести, как на себя, береги всякую вещицу хозяйскую паче своей собственной. Во всем будь вежлив с хозяином, и если он посадит тебя с собою за стол, не начинай есть прежде его, не выбирай себе лучшие куски. С

товарищами-работниками живи мирно, не спорь, и если обидят чем — потерпи. Сказано в Писании: «претерпевый до конца, той спасен будет». И во время работы, и без работы никакого сквернословия, пустословия и пересудов себе не позволяй, за что полюбят тебя и Бог, и добрые люди. За такую твою жизнь Бог благословит всяким изобилием и дом твоего хозяина, как благословил Он дом Лавана — ради Иакова, и дом Пентефрия — ради Иосифа. Если случится, что твой хозяин, несмотря на твое усердие, будет к тебе немилостив, то ты не только людям, но и Богу на него не жалуйся. Мало того — радуйся, ведь если хозяин за твое усердие расплатится с тобою, как следует, то не будет тебе за то от Бога особой награды, потому что ты получил заслуженное в сей жизни; если же хозяин ни во что поставит твое усердие, а ты за это не будешь роптать на него и перенесешь это благодушно, то знай, сын мой, что вместо него Сам Господь Бог воздаст тебе за твое терпение и смиренные труды и воздаст сторицею. А о том не размышляй, что ты смолоду жил в довольстве или, может быть, был сыном богатого и знатного отца, а от всего сердца говори ко Господу: «благо мне, яко смирил мя еси, Господи!» Возьми себе в пример Иосифа Прекрасного: у его прадеда, Авраама, у деда его, Исаака, и у отца его, Иакова, много было и рабов, и рабынь, и всякого богатства; их почитали даже соседние цари; а когда продали Иосифа в Египет, в рабы Пентефрию, он стал трудиться со всем усердием, как один из последних бедняков. Даже тогда, когда по клевете злой египтянки посадили его в темницу, он был как кроткий агнец незлобивый: не стал оправдываться, ни словом не обличил клеветницу свою и целых два года просидел в темнице. За то Бог и наградил его: он стал господином не только своему прежнему господину Пентефрию, но и целому Египетскому царству. Но и тогда он не изменил своего кроткого и святого нрава, он даже и словом не напоминал Пентефрию и жене его их неправды противу него. И за такое его кроткое смирение, и за целомудрие, и за незлобие Бог не лишил его Царства Небесного. Так и ты, сын мой, не скорби в злключениях: без воли Божией никто тебе не повредит, только сам ты будь Божиим человеком, живи во всем по-Божии, ни на кого, даже на самого злодея — врага своего, не ропщи и помни, что нищета и богатство — все от Господа: Бог богатит и убожит, кого Он Сам хочет, и во всяком деле, во всех людях да будет Его Святая воля, а не наша.

Если твой товарищ загуляет, ты на него не смотри, с ним себя не равняй, не считайся. Что тебе велят работать, — то и работай, куда посылают, — туда и иди, будет ли грязь и непогода — ничем не отговаривайся, во всем будь услужлив и безответен. В одном будь не послушен: если будут тебя посылать на какое дело грешное, Богу противное и людям вредное, тогда откажись, скажи хозяину: "Как я решусь на такое грешное дело? Да Господь нас обоих накажет, — пожалей и себя, хозяин, и меня". Если другие гуляют — ты себя знай, чтобы тебе даром времени не потерять, чтобы ты был постоянно в трудах, а до других тебе дела нет. То помни, сын мой: от лишней работы греха на наживешь, а вот в гулянье без греха не обойдешься. От

гулянья не только в грех впадешь, но и душу свою погубишь: ведь от праздности всякое зло бывает — и пьянство, и нищета, а люди трудолюбивые всегда живут безбедно. Нет ничего приятнее, как трудиться и потом плодами трудов своих утешаться. Сохрани тебя Бог делать и говорить, как делают и говорят люди недобросовестные: "Лишь бы с рук дело сошло", — а старайся все делать по совести, как пред Богом, за что и люди будут тебя добрым, честным человеком считать, и Бог тебя благословит во всем. Бог Сам правда — Он и в нас правду любит. Если хозяин и другого кого будет наряжать на работу, ты скажи ему: позволь, это я сделаю, — и сделай. И что увидишь в доме без порядка, то, не ожидая приказания, поправь, и если будешь так поступать, то это и Богу будет приятно, и твоему хозяину, и тебе самому будет весело. А если твой хозяин будет пьяница или расточительный человек, ты не поноси его и береги его. Если он иной раз и обидит тебя чем, не гневайся, и не только людям, но и Богу не жалуйся на него, и никому о нем худого слова не говори. И если договорился с ним служить ему на какой-нибудь срок, на год или два, а тебе будет тяжело у него жить, не моги ты раньше срока уходить от него, или, живя у него, нерадиво служить, или — сохрани Боже — что-нибудь воровать у него. Смотри, сын мой, у кого бы ты ни жил, у доброго или злого человека, бойся и всячески берегись, чтобы не быть тебе вором.

Если у иноверного будешь служить, и там живи верно, по совести, и там себя береги от воровства. И если случится найти тебе что-нибудь затерянное в саду или на дворе, или еще где, не моги ты взять себе: все отдай хозяину или хозяйке. Никому ни на кого не жалуйся, а говори сам себе: за грехи мои Бог послал мне такого хозяина или товарищей, надо терпеть. За такое твое терпение, за твое незлобие и кротость Бог тебя не оставит и, имиже ведает судьбами, выведет тебя из твоей нужды — не твоим смышлением, а Своим Божественным промыслом, и не только наделит тебя здешним земным богатством, но не лишит тебя и будущего Царствия Небесного. И какие бы ты ни понес труды и лишения ради душевной пользы твоей, ты тех трудов и болезней своих не воспоминай — не только пред Богом или пред людьми, но и перед самим собою, — так, как будто их и не бывало. Об одном помышляй и заботься: как бы тебе еще в чем-нибудь потрудиться, какое-нибудь доброе дело сделать и как бы в праздности времени не потерять...

(Из "Завещания отеческого " крестьянина Ивана Посошкова)

454. До чего доводит пьянство! (Письмо к слабому человеку)

Жаль мне тебя, брат возлюбленный, от души жаль! Хотелось бы сказать тебе доброе слово, слово от сердца, хотелось бы, чтобы и твое бедное, измученное сердце не отвернулось от слова братской любви... Не хочу, не буду бранить тебя, обзывать позорным именем "пьяницы"; знаю, брат, что и самому тебе не сладко, знаю, что и сам ты себе не рад, особенно, когда

совесть начнет укорять тебя, когда Ангел хранитель твой внятно для сердца скажет: пожалей себя, погибающий человек!

И в самом деле, посмотри, брат, на себя, подумай: на кого ты стал похож? До чего ты дошел? Вот и праздники Господни для тебя — ничто: православные в храм Божий к обедне, а ты — в корчемницу; они Богу молиться, а ты — кому идешь служить? На что ты променял церковь Божию? Будет ли Божие благословение на доме твоём, когда ты сам бежишь от дома Божия? И вот, сколько горя бывает семье от твоей слабости, сколько слез прольет о тебе старушка-мать твоя, или бедная жена, Богом данная тебе в жизни помощница! Тебе бы утешать свою мать на старости, быть для нее подпорою, а ты только огорчаешь ее. Кто знает, может быть она, глядя на тебя, горько плачет и жалеет, что Господь раньше не прибрал костей ее, не видала бы она такой скорби и печали, — может быть она с этою печалью о тебе и в могилу сойдет... Оставит ли она тебе свое родительское благословение, навеки нерушимое? Не ответишь ли ты Господу Богу, что огорчил ее последние дни?.. Страшно подумать, если она на тебя Богу пожалуется! А жена-то, а дети? Тебе бы учить их уму-разуму, страху Божию, доброму хозяйству и христианской жизни; тебе бы надо быть для них во всем добрым примером, держать свой дом в порядке и чистоте, всех кормить и одевать, для дома добро наживать; а ты, друг мой, какой ты отец детям, какой советник и друг своей жене?! Какой пример взять им с тебя? Как им любить и почитать тебя, когда ты часто на виду у них уподобляешься скоту несмысленному? — Ты говоришь, что любишь их; но что это за любовь, когда и любишь, и губишь, и мучишь всю семью!

Подумай, друг мой: вот ты сидишь в недобром месте и пропиваешь последнюю копейку, тобою добытую, а, может быть, недобрый человек и в долг тебе отпустил хмельного питья; ты сидишь и пьешь это питье с приятелями, а дома у тебя горе и слезы: малытки-дети плачут — есть просят, а хлеба нет; им холодно, изба нетоплена, одежда изнасилась, а тебе и горя нет; лишь бы тебе было тепло да весело, — это ли любовь родительская? Жена из сил выбивается, чтобы достать как-нибудь ломоть хлеба или кувшин молока для малыток твоих, работает в людях с утра до вечера, мерзнет на реке с чужим бельем, просит дровец у добрых людей или сама на своих плечах несет вязанку хвороста из леса, чтобы избу согреть, а ты и забыл, и знать не хочешь обо всем этом, — это ли любовь к жене-труженице? А с каким страхом и трепетом ждут тебя все твои домашние, когда, наконец, ты вернешься к ним из недоброго места, вернешься — сам не свой, едва передвигая ноги, едва произнося слова, но гневный, грозный для всех... О, как ноет сердце, когда только со стороны помотришь на твою несчастную семью, а что же она-то испытывает? Брат мой, друг мой! ужели в тебе нет никакой жалости к бедной жене, к несчастным детям? Нет! Я знаю, я уверен, что и ты их жалеешь в душе, да вот несчастье: никак с собою-то не совладеешь... Не правда ли — так?

"Что делать, — говоришь ты, — вот, Бог даст, брошу пить — поправлюсь, буду работать, все пойдет хорошо". Ах, если бы было так на деле, а не на словах! Но когда же это будет? С каждым днем ты все слабеешь и слабеешь, все глубже втягиваешься в это погибельное болото, а время все идет да идет — смотри, не поздно бы было исправляться! Бог милостив, говоришь ты; но знай, друг мой, что Бог милостив, но и правосуден; Он милостив к тому, кто сам милостив к другим, а ты и своей души не жалеешь, и своих детей губишь. Суди ты сам: будут ли они добрыми христианами, будут ли они почитать тебя, как подобает почитать родителя, будут ли они хорошими хозяевами, когда ты об этом сам не думаешь, не учишь их, когда они видят в тебе только одно худое? Что если и они будут такими же несчастными, как ты? За что же после этого Бог к тебе будет милостив? Посмотри ты на добрых людей, и они от тебя уж сторонятся. Кто с тобою захочет дело иметь? Разве такие же, как ты, несчастные, а люди добрые, люди честные смотрят на тебя, как на ту овцу, которую надобно выгнать вон из стада, чтобы других овец не перепортила. А себя-то, свое тело, свою душу-то как ты губишь! Посмотри на себя: каков ты стал? Где твои крепкие силы? Куда делось цветущее здоровье? И то болит, и другое болит, голова как в тумане, пища на ум не идет... И дойдет до того, что или с ума сойдешь, или прежде времени Богу душу отдашь, а старуха-мать, если доживет до этой беды, а жена и дети — идите все по миру! И добро еще, если Господь христианскую кончину пошлет, а то — чего не бывает? — пожалуй, без покаяния умрешь, там где-нибудь за углом, в канаве, а то и в любимой тобою корчемнице... И пойдет твоя душа грешная в муку вечную, ибо нет для нее в Царстве Небесном места: «пьяницы, — сказано в Слове Божиим, — Царствия Божия не наследят!» И будешь ты мучиться во аде во веки веков! Этого ли желаешь ты? О, конечно, нет!

Я уверен, что душа твоя исстрадалась, измучилась от несчастной твоей слабости... Так что же? Зачем дело стало? — "Не слажу с собою — вот моя беда!.. И рад бы бросить, да не могу себя одолеть: так и тянет пить...", — так говоришь ты. И верно говоришь. Сам Господь сказал: кто творит грех — тот раб греха. Так, друг мой, своими силами нам со грехом, конечно, не справиться. Но зачем же мы забываем, что у нас есть всемогущий помощник — Господь наш; Он Сам сказал: «без Мене не можете творить ничесоже»; — но — «просите и дастся вам, ищите и обрящете, толщайте» в двери милосердия Моего и «отверзется» вам! Он расслабленных исцелял — тебя ли не укрепит? Он мертвых воскрешал — тебя ли не исцелит? Он только ждет твоего покаяния, Он Сам стоит у дверей сердца твоего: «се стою, — говорит Он, — се стою при дверех и толку!» Вспомни, кто из грешников прибежал к Нему с покаянием и не был прощен и помилован? И мытаря Он оправдал, и блудницу помиловал, и блудного сына приял в отеческие объятия, и разбойнику сказал: «днесь со Мною будеши в раи!» Что же ты один медлишь, брат мой? Пойдем к Нему, припадем к Пречистым стопам Его, как некогда блудница, восплачемся пред Ним, как она плакала, пожалуемся Ему

на свои немощи, скажем Ему Милосердому в детской простоте: "Господи наш, Господи! Никак мы с собою не сладим, чего не хотим, то творим! Одолел нас грех, одолели наши слабости — страсти наши! Милосердый и всемогущий! Коснись наших сердец Твоею благодатию, дай силы бороться со грехом, прогони диавола искушителя, пошли нам Ангела хранителя! Ими же веси судьбами, спаси нас! Ты Сам сказал, Господи, что пришел Ты грешников спасти, Ты Сам сказал, Милосердный, что не хочешь Ты смерти грешника, а ждешь его покаяния, Ты Сам изрек Пречистыми Твоими устами: «грядущаго ко Мне не изжену вон!» И вот, мы пришли к Тебе, надежда наша; мы плачем у ног Твоих, Владыко наш, Господи! Не отврати лица Твоего от созданий Твоих! Хоть мы и грешники, но все же — Твои, дай же нам крепость и силу бросить нашу злую греховную привычку!"

Так молись, возлюбленный, молись и надейся на Господа. А чтобы все намерение было прочнее, поди к отцу твоему духовному, покайся пред ним во всех грехах твоих, а наипаче в винопитии; попроси у него епитимью себе, потом соединишься со Христом Господом в Пречистых и Животворящих Таинах Тела и Крови Его, и с сего времени положи себе за правило: отнюдь не касаться водки, никогда, ни под каким предлогом! А если будет тянуть к ней — возьми Святое Евангелие и читай его дотолы, пока пройдет худое желание; или твори молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго!» И молись так дотолы, пока пройдет искушение. Помоги тебе Бог положить начало благое на радость матери твоей, на счастье семье и спасение твоей душе!

455. Богомладенец Иисус в храме Иерусалимском

«Радуйся зело дщи Сиона, проповедуй радость дщи Иерусалимля» (Зах. 9; 9), ликуй народ града Божия! Веселитесь врата и стены Сиона! Да совокупятся ныне небесная с земная и да прославят песнями Небесный Иерусалим вместе с земным, Христа в нем — Небесного и земного. Он — Небесный, да возликуют о Нем бесплотные Силы; Он и земный, да воспоют Его земнородные с Ангелами. Ныне «явится Бог богов в Сионе» (Пс. 83; 8). Граде Божий Иерусалиме, «град Царя Великаго» (Пс. 47; 3). Отверзи врата Тому, Кто отверз всем двери гробов, Кто сокрушил вечные врата ада. Тот, Кто древле на горе Синайской как Бог беседовал с Моисеем, ныне как раб исполняет закон, подчинившись закону (Гал. 4; 4). Ныне Небесный Жених приходит в храм. Дщери Иерусалимские! Соберемся во храм; воскликнем Ему песнь Ангельскую с Ангелами: «Свят, свят, свят Господь Саваоф! Исполнь вся земля славы Его» (Ис. 6; 3), полны концы мира благодати Его; полна вся тварь хвалы Его; полно все человечество снисхождения Его; полны небесная, земная и преисподняя милосердия Его — полны Его милости, Его щедрости, Его даров, Его благодеяний. Итак, «еси языцы воспещите руками» (Пс. 46; 2); все пределы земли «приидите и видите дела Божия» (Пс.

45; 9); «всякое дыхание да хвалит Господа» (Пс. 150; 6); вся земля да поклонится Ему (Пс. 65; 4); всякий язык да поет, да славит, да прославляет Бога Младенца čtyредесятидневного и Предвечного, Младенца малого и ветхого деньми (Дан. 7; 9), Младенца, млеко питаемого и веки сотворившего (Евр. 1; 2). Вижу Младенца и узнаю в Нем Бога, вижу Младенца, млеко питаемого и мир питающего, Младенца плачущего и дарующего миру жизнь и радость, Младенца, пеленами повиваемого и разрешающего меня от уз греха, Младенца, Который один и тот же и на земли — в объятиях Матери по плоти истинно и совершенно, и на небеси — в лоне Отца истинного и совершенного. Вижу Младенца, идущего из Вифлеема в Иерусалим и не отлучившегося от горняго Иерусалима. Вижу Младенца, по закону принесшего жертву во храм на земли, и в то же время приемлющего благочестивые жертвы от всех на Небеси. Се — один и тот же и в объятиях старца по человечеству, и на престолах херувимских по Божеству; один и тот же — приносящий приношение за мир; пастырь и овца, — и приносимый в жертву, и приемлющий жертву, и законодатель и подзаконный.

Но послушаем, что о настоящем празднестве говорит Святое Евангелие. Чудный Лука повествует о Христе, что «егда исполнишася дние очищения ею, по закону Моисеову, вознесоста Иисуса во Иерусалим, поставити Его пред Господем, как есть писано в законе Господни: яко всяк младенец мужеска полу, разверзая ложесна, свято Господеви наречется... И се, бе человек во Иерусалиме, ему же имя Симеон: и человек сей праведен и благочестив, чая утехи Израилевы, и Дух бе Свят в нем. И бе ему обещанно Духом Святым, не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня. И прииде Духом в церковь: и егда введоста родителя Отроча Иисуса, сотворити има по обычаю законному о Нем: И Симеон прием Его на руку своею, и благослови Бога, и рече: Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром: яко видесте очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей: свет во откровение языком, и славу людей Твоих Израиля» (Лк. 2; 22-23, 25-34). «Кто возглаголет силы Господни? Слышаны сотворит вся хвалы Его?» (Пс. 105; 2). Дланию содержащий землю объемлется объятиями старца, и носится «Носий всяческая глаголом силы Своя» (Евр. 1; 3). Да торжествует Адам, взывая ко Христу словами Симеона: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром». Ты ныне разрешаешь меня от вечных уз, от тления, от смерти, и отъемлешь мою печаль. О мой сын и Бог! Его-то Симеон в храме приял в свои объятия и, возвещая всем народам и иудеям чудное таинство, восторжествовал, и светлым и громким гласом воскликнул, говоря: Сей есть Сый, прежде Сый и присно Сый, Отцу соприисносущный, единосущный, единопредстольный, единославный, едино-сильный, равномошный, безначальный, несозданный, неизменный, неописанный, невидимый, неизреченный, необъятный, неизмеримый, непостижимый, неисследимый. Сей есть «сияние славы» Отчей (Евр. 1; 3). Сей есть свет светов, из Отчих недр воссиявший. Сей есть

вода жизни, дарующая жизнь миру. Сей есть Бог Слово, единым словом все из небытия в бытие приведший. Сей есть Тот, Который един простер небо (Пс. 103; 2) и по морю ходит, как по суше. Сей есть Тот, Который утвердил землю на водах (Пс. 135; 6). Сей есть Тот, Который оградил море песком как стеною. Сей есть Тот, Который отделил свет от тьмы (Быт. 1; 4). Сей есть Тот, Который устроил звездный круг. Сей есть Тот, Который премудро создал весь мир, видимый и невидимый. Сей есть Тот, Который нерукотворенными руками от персти составил и образовал человека. Сей Тот, Который создал нас по образу Божию, ныне Сам сделался человеком по образу нашему, и есть Человек, но вместе и Бог. Пребывая Богом, Он освятил наше естество; один и тот же по всему и на небе, и на земле познаваемый; на небе — Творец, как Бог, на земле — тварь, как человек.

«Услышите сия еси языцы!» (Пс. 48; 1). Слушай, Израиль: Тот, Которого я, твой священный Симеон, в объятиях ношу и великим гласом в храме народу проповедую и свидетельствую, есть Господь Бог твой. Итак, «внемлите, людие мои, закону моему, приклоните ухо ваше во глаголы уст моих» (Пс. 77; 1). Се-то Отроче, о Котором предрек Исаия, говоря: «Отроча родися нам, Сын, и дадеся нам; и нарицается имя Его великого совета (Отчего). Ангел, Чуден, Советник, Бог крепкий, Князь мира, Отец будущего века» (Ис. 9; 6). Если же сие Отроча — Бог крепкий, то ясно, что об Нем сказал Давид: «явится Бог богов в Сионе» (Пс. 83; 8). О сем Отроке взывает и Варух: «Бог явился на земли, и с человеки поживе» (Вар. 3; 38). Сей-то Отрок древле рассек море Израилю и потопил фараона (Исх. 14; 21-23); дал закон израильтянам, одождил манну, руководил в пустыне огненным столпом народу еврейскому. Сей-то Отрок Моисея укрепил на четырехдесятидневный пост, равно как и Сам Отрок сей четырехдесять дней постился после Крещения, а спустя четырехдесять дней после рождения от Девы ныне пришел в Иерусалим земный. О сем Отроке предвозвестил Аваакум, говоря, что Бог от юга приидет (Авв. 3; 3), ибо с южной стороны Иерусалима, из Вифлеема Он пришел ныне в Сион. О сем Отроке свидетельствовал Моисей, говоря: «Пророка вам восставит Господь Бог из братьий ваших; и всяк, кто не послушает Его, потребится душа того» (Втор. 18; 15). К сему Отроку молился пророк Давид, говоря: «седяй на Херувимех, явися,... воздвигни силу Твою, и прииди во еже спасти нас» (Пс. 79; 2, 3); и в другом месте: «Господи, приклони небеса Твои, и сними» (Пс. 143; 5). — Видите и веруйте, иудеи: сего Отрока песнославят Ангелы, Ему поклоняются Архангелы, Его трепещут Власти, Его славят Силы, Ему служат Херувимы, Его богословят Серафимы, Ему работает солнце, Ему служит луна, Его слушают стихии, Ему повинуются источники. При виде сего Отрока врата адовы сокрушились, врата небесные разверзлись, и ад, узрев Его, вострепетал. Сей Отрок истребил смерть, посрамил диавола, разрушил клятву, прекратил печаль, стер главу змия, раздрал враждебное рукописание грехов, поправ грех, разрушил заблуждение, восставил тварь. Сей Отрок спас Адама, воздвиг Еву, призвал народ, просветил мир. Итак, приидите, христороубцы и боголюбцы, изыдем в

сретение Господу Владыке все в радости и чистоте, — не пресыщая чрево, но ликуя сердцем, не упиваясь вином, но кипя духом. Радуюсь ныне так светло, все ныне и повсюду восторжествуем и воспразднуем: с Ангелами возликуем и с Девою возвеличим и возрадуемся, с Иосифом принесем, как две горлицы, душу и тело, с Симеоном приимем Христа в объятия, и с Анною повторим исповедание, да и соделаемся причастниками вечных благ по благодати, милосердию и человеколюбию Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава, с Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

(Из "Слова" на Сретение Господне святителя Кирилла Иерусалимского)

456. Мой неизбежный путь (Размышление о загробных мытарствах)

Страшный и прискорбный путь предлежит мне по смерти... «К Судии бо отхожду, идеже несть лицеприятия!» Когда настанет для меня последний час смертный, тогда бедная душа моя увидит около себя Ангелов добрых и злых. О, коль мерзостно будет увидеть тогда лица демонские! И что если придут они ко мне ранее святых Ангелов? Горе мне, бедному! Смутится душа моя грешная и обратит взоры свои к добрым Ангелам Божиим: Святии Ангели! будьте тогда отрадою и утешением для меня, покройте светлыми крылами своими притрепетную душу мою!

Великая скорбь и болезнь обымет меня, и одна минута таких страданий покажется для меня бесконечно долгим временем... Точно звери хищные, будто волки лютые, будут рыкать и вопить вокруг меня демоны; все грехи мои, все слова греховные, все помыслы нечистые будут они показывать мне на темных хартиях своих. О, как горько буду я жалеть тогда о своем нерадении, как жестоко буду упрекать себя в лености и нерадивой жизни! Как дорога тогда покажется и одна минута жизни сей для покаяния, а сколько дней и годов проведено мною в беспечности, отдано греху и самоугождению! Чего бы не дал тогда за одну минуту жизни, только позволено было бы принести покаяние! Но — увы, покаяния двери заключились уже, жизнь окончена, времени более нет — настала вечность, требуют отчета за всю жизнь прошедшую... И воскорбит душа скорбию безутешною, и восплачется слезами горячими! О, если бы, братие, мы постоянно внимали себе, если бы сей грозный час всегда памятовали! И увижу я тогда слезы ближних моих, увижу их скорбь и стенания, но ни слова им не смогу вымолвить... Тяжело будет мне самому до себя! Только молитва их, молитва слезная, молитва горячо любящих сердец может облегчить мои страдания.

Но вот и смерть придет, сия царица ужасов; она расслабит все члены мои, все составы мои; напоит меня горькой желчью, и покинет душа тело бренное, будто одежду ветхую. Как птичка беззащитная, видя кругом себя толпы ловцов, устремится она к светлым Ангелам и благо ей, если они не отринут ее за греховный смрад... Затем откроется предо мною далекий и

трудный путь от земли до неба — путь страшных мытарств воздушных. На каждом мытарстве будут обличать меня злые мытари — демоны; они напомнят мне все мои дела и слова, и помышления греховные; они будут взводить на меня и такие вины, о которых не имею я и понятия (см. Иоанна Лествичника, статья 7-я).

Первые встретят меня мытари празднословия; в руках у них свитки длинные, все сплошь мелко исписанные. Сколько там записано моих праздных речей: и бесполезное пустословие, и постыдное сквернословие, и насмешки над ближними, и кощунство богопротивное, и песни страстные, и смех неподобный, и даже мысли праздные! Не счесть никому песчинок на берегах морских — так не исчислить и моих словесных и мысленных грехов! И во всем этом потребуют у меня отчета на первом мытарстве воздушном, по слову непреложному Самого Господа: «всяко слово праздное, еще еще рекут человецы, воздадут о нем слово в день Судный».

Потом встретят мытари — истязатели всякой лжи, клятвы нарушенной, обетов неисполненных, грехов, от духовного отца утаенных... Здесь удерживают всякого, кто всеу призывал великое и страшное имя Божие, кто напрасно и без благоговения призывал Бога во свидетели... Здесь удерживается всяк любяй и творяй лжу! Это второе мытарство.

Затем выйдут, как бы из некоей засады, мытари клеветы и осуждения, унижения и бесчестия ближнего, и горе мне, грешному, толико осуждающему братии моих! «Ты кто еси, судяй чуждему рабу?»— Блажен, воистину блажен, братие, тот, кто возможет на сем мытарстве защищать себя, словами Спасителя: «не судите, да не судими будете!»

Далее ждут меня мытари «чревоугодия». Они исчислят предо мною все виды угождения чреву, все роды сего моего идолослужения: и объедение, и пьянство, и нарушение постов, и то, что я ел и пил не вовремя и тайно от других, ел и пил без молитвы, без страха Божия, для услаждения, без меры, до пресыщения. Тяжело будет мне на сем четвертом мытарстве, ибо по всему вижу себя преступником заповеди Божией о воздержании.

Но не менее трудный подвиг предстоит мне и на следующем пятом мытарстве. Здесь истязуют подобных мне ленивых и нерадивых грешников; здесь останавливают тунеядцев и наемников, исполнявших небрежно свои обязанности, здесь удерживают тех, кои теряли время в играх и забавах и не радели о молитве, не ходили в церковь Божию по лености, оставляли и домашнюю молитву в небрежении. Здесь гремит непрестанно грозное слово Пророка: «проклят всяк творяй дело Божие с небрежением!» Блажен, кто может сказать с Давидом: «возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем/Зело возлюбих закон Твой, Господи, весь день поучение мое есть».

На шестом мытарстве истязатели обличают всякого рода присвоение чужой собственности: воровство явное и тайное, святокупство и святотатство. На седьмом стоят мытари сребролюбия и скупости; на восьмом — истязатели лихоимцев и ростовщиков. Девятое мытарство обличает

неправедный суд, неправую меру и вес, десятое — злую зависть к счастью ближнего.

Страшусь при мысли об одиннадцатом мытарстве: здесь истязуют корень всех грехов — гордость, со всеми ее исчадиями: тщеславием, самомнением, презорством, превозношением; здесь скоро отделяется лицемерие от истинного смирения, притворство от простоты сердечной; здесь ждет великое горе всех, кто не воздает должной чести родителям, не повинуется властям духовным и гражданским. Боюсь, чтобы и мои все мнимые добродетели не потеряли цену на этом мытарстве: ведь так часто я делаю добро из одного тщеславия, ищу лишь одной похвалы людской! Повинен я и в гордости, и в превозношении; повинен и в преслушании, и в ропоте на начальство, и какой вид тщеславия не нашел себе уголка в моем грешном сердце?

На двенадцатом мытарстве истязуется ярость и гнев. На тринадцатом мытарстве — памятозлобие и всякое мщение ближнему, всякое воздаяние злом за зло. Блажен, кто с чистою совестью может повторить слова молитвы Господней: «остави нам долги наша, как и мы оставляем должником нашим!» Четырнадцатое мытарство истязует убийство, притом не по букве ветхозаветной заповеди, и по духу новозаветной любви; пятнадцатое — всякое волхвование и призывание бесов.

Трепещи, душа моя страстная, мытарства шестнадцатого блудного, здесь покажут тебе все нечистые дела твои, все слова, все мечтания и нечистые пожелания! О, сколь многие души, безбедно прошедшие прочие мытарства, бывают здесь уловляемы и низвергаются в пропасти адовы! Затем (семнадцатое) являются истязатели греха прелюбодеяния, нарушения обетного целомудрия. Потом — (на восемнадцатом) истязуются страшные грехи содомские. Мытари девятнадцатой стадии истязуют ереси и всякие лжемудрования безбожные, расколы и отделения от Церкви Божией. Истязатели двадцатого мытарства низвлекают в бездну немилосердых притеснителей вдов и сирот и всех тех, кто затыкает уши и отвращает лицо, чтобы не видеть нищего и убогого! Суд, в виду самых райских врат, «суд без милости несотворшему милости!»

Но дойду ли я до последних мытарств? Не буду ли удержан и в бездну повержен еще на первых мытарствах? Увижу ли врата райские? Или еще близ земли поразит меня, грешного, грозный приговор Господа: «да возмется нечестивый и да не узрит славы Господни!» Содрогаюсь, помышляя, что бывали примеры, когда попущением Божиим злые демоны исторгали душу грешную прямо из тела и влекли ее во дно адово... Кто знает, не принадлежу ли я к числу таких несчастных грешников? Кто знает все нечистоты души своей? «Кто чист от греховой скверны, аще и един день жития его будет на земли?» У вы мне, грешному! «В беззакониих зачат есмь и во гресех роди мя мати моя! Беззакония моя превзыдоша главу мою», бездна последняя грехов обыде мя, «яко бремя тяжкое отяготеша на мне», и исчезает дух мой... «И аще праведник едва спасается, аз же нечестивый и грешный где явлюся?»

Аще и «во Ангелах Своих Бог нечто стропотно усмотре» — то чего ожидать мне? «Господи, не вниди убо в суд с рабом Твоим», с сыном рабыни Твоея! «Нищ и убог есмь аз: не отвержи мене от лица Твоего! У Тебе очищение есть», на Тебя упование мое, «Бог мой еси Ты, и не постыжуся!»

457. На русском месте горы Елеонской

На западном склоне горы Елеонской, близ того места, где, по преданию, Господь наш Иисус Христос научил Апостолов Своей Божественной молитве «Отче наш», теперь красуется величественный пятиглавный русский храм в честь святой равноапостольной Марии Магдалины. Он построен на средства благочестивейшего нашего Государя Императора Александра Александровича и его августейших братьев — Великих князей в память в Бозе почившей их благочестивейшей матери, Государыни Императрицы Марии Александровны. Освящение храма (1 октября 1888 г.) совершал сам блаженнейший патриарх Иерусалимский Никодим. На торжество прибыли из России их императорские высочества Великие князья Сергей и Павел Александровичи с Великой княгиней Елизаветой Феодоровной.

Прекрасный вид открывается отсюда на весь Иерусалим, и предание говорит, что на этом месте Спаситель изрек Свое Божественное пророчество о разорении Иерусалима, о кончине мира и о Страшном Суде. Поучительно для паломника, пришедшего издалека, на этом месте раскрыть Святое Евангелие и прочитав в виду Иерусалима сии поразительные пророчества Христовы. «Сядящу Ему на горе Елеонстей, — повествует святой евангелист Матфей, приступиша к Нему ученицы наедине, глаголюще: рцы нам, когда сия будут; и что есть знамение Твоего пришествия, и кончины века?» (Мф. 24; 3). Видно, Апостолам глубоко запало в душу только что сказанное им в Иерусалимском храме слово Христово: «Аминь глаголю вам, не имать остати zde камень на камени, иже не разорится» (Мф. 24; 2). Жаль им было этого великолепного храма, который возвышался пред ними как гора из белого мрамора, богато украшенный по крыше, по карнизам и дверям — золотом и серебром. Им казалось, что эта святыня будет существовать до скончания мира, и вот они слышат из уст своего Божественного Учителя, что от этого величественного храма, от этого прекрасного города не останется камня на камне! Может ли это быть? Когда это будет? Отвечая на этот вопрос, Господь раскрывает пред ними судьбу, ожидающую Иерусалим, а потом — и весь мир... Эта пророческая беседа Спасителя заключается в 24 и 25 главах Евангелия от Матфея, в 13 главе Евангелия от Марка и в 21 главе Евангелия от Луки. Как всеведущий Владыка мира, Он предсказывает подробно грядущие бедствия, говорит о будущем так ясно, как бы говорил о событиях прошедших. И с какою поразительной точностью сбылись эти пророчества на Иерусалиме и на всем народе иудейском! «Будет бо тогда, — говорил

Господь, — будет скорбь велия, якоже не была от начала мира доселе, ниже имать бытии» (Мф. 24; 21).

И действительно, что за ужасные скорби постигли богоотступный народ спустя 36 лет после Вознесения Христова! Сердце содрогается, когда читаешь описание войны иудейской, написанное не христианином, а иудеем же, Иосифом Флавием, которому не было нужды преувеличивать бедствия своего народа. "Все несчастья от начала мира, — говорит он, — были ничто, сравнительно с теми, какие обрушились на иудеев". Во время осады погибло более миллиона иудеев; из них великое множество было распято на крестах, и римские солдаты до того были ожесточены против иудеев, что ради зверской потехи пригвождали одного иудея к другому. Не доставало места, где ставить кресты... Во время осады Иерусалима жители употребляли в пищу то, к чему не хотели прикасаться даже самые неразборчивые на пищу животные. Одна женщина, доведенная до отчаяния, убила и съела собственное свое дитя! Ворвавшись в город, римские солдаты убивали всякого встречного и жгли все, что им попадалось на пути; они находили дома, полные трупами умерших от голода; кровь лилась рекою, и от нее во многих местах погасало даже пламя пожара. Так исполнилась на иудейском народе клятва, им же самим на себя произнесенная: «Кровь Его — Кровь Христова — на нас и на чадах наших!» Но народ иудейский, призывая на свою преступную голову эту страшную клятву, конечно, не думал, что она обратится на него с такой ужасной силой, а всеведущий Господь знал это и еще раньше, в день Своего торжественного входа в Иерусалим, почти на этом же спуске с горы Елеонской оплакал горькую судьбу несчастного города: «И яко приближися, видевав град, плакася о нем, Глаголя: яко аще бы разумел и ты (о, если бы ты уразумел), в день сей твой (хотя бы теперь), еже к смирению твоему (что служит к миру твоему): ныне же скрыся (сокрыто сие) от очию твоею. Яко приидут дние на тя, и обложат врази твои острог о тебе (окопают тебя), и обыдут тя, и обымут тя отвсюду. И разбьют тя и чада твоя в тебе,... понеже не разумел еси време посещения твоего»(Лк. 19; 41-44).

Но все эти бедствия, постигшие Иерусалим, служат только преобразованием бедствий, грядущих на всю вселенную. Слово Христово о судьбе Иерусалима сбылось во всей точности. Также точно сбудется Его непреложное слово и о кончине мира. Голод, мор, землетрясение, явление антихриста, неслыханные утеснения, затмения солнца и луны, падение звезд — вот грозные предвестники кончины мира, с наступлением которых люди будут изнывать от страха! Тогда явится знамение Сына Человеческого, то есть Крест Христов явится на небе, и как молния, мгновенно пролетающая от востока до запада, явится и Сам Господь наш, Судия праведный, грядущий на облаках небесных, со славою и силою многою... И восплачутся тогда все племена земные от страха Суда Божия. И пошлет Господь Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут они всех людей, от Адама до последнего земнородного, со всех стран, от края до края... И сядет Он на Престоле славы

Своей, и поставит добрых — одесную Себя, а злых — ошуюю, и возгремит тогда приговор Его неизменный на веки вечные!

"Читая все сие подробно во Святом Евангелии, — говорит один путешественник, — и сидя на том самом месте, где изречены Господом все сии предсказания, невольно чувствуешь трепет, тайную тревогу и смотришь вокруг: уж не появились ли на небе и на земле эти грозные знамения, ибо, по слову Самого Христа, небо и земля прейдут, а Его слово не пройдет, не останется без исполнения никогда!" Но когда же все сие будет? Этот вопрос предлагали Господу и Его ученики — Апостолы, и Он отвечал им: «О дни же том и часе никтоже весть, ни Ангели небеснии, токмо Отец Мой един» (Мф. 24; 36). Если же и Ангелы не знают, то тем более не должны испытывать люди. «Несть ваше — не ваше дело — разумети времена и лета, яже Отец положи во своей власти» (Деян. 1; 7), — сказал Господь Апостолам при своем Вознесении. Ваше дело — быть всегда готовыми к встрече сих великих событий. «Блюдите, да никтоже вас прелстит» (Мф. 24; 4), — берегитесь, чтобы кто не отклонил вас от истинной веры во Христа. «Бдите — (бодрствуйте), ибо не ведаете когда Господь ваш приидет. Будите готови: яко, в онъже час не мните, Сын Человеческий придет» (Мф. 28; 44). И чтобы научить нас осторожности, Господь тут же рассказывает притчи о рабах, ожидающих господина своего, о десяти девах, о приемших таланты, и, наконец, предостерегает: «внемлите же себе (смотрите за собою), да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печалми житейскими, найдет на выи внезапно — (вдруг, неожиданно) — день той... Бдите убо (бодрствуйте) на всяко время молящееся» (Лк. 21; 34, 36). «Сия глаголя возгласи: имеяй уши слышати, да слышит» (Мф. 25; 30).

458. Причастникам – пред Святым Причащением

Братие, христиане! Я нарочно выхожу сказать несколько слов вам, именно тем из вас, кои ныне готовились приступить ко Святым Таинам Христовым. Вот Господь сподобил вас еще раз встретить день Святого Причащения; но пред вами еще целая обедня, еще час, который нужно провести как можно достойнее. Побеседуем же теперь, братие, как бы это сделать.

Знаете ли вы, возлюбленные, что причащающийся Тела и Крови Христовой «должен быть чище солнечного луча», как учит святитель Златоуст? А таковы ли мы, грешные?! Итак, что же нам делать? Будем, други, молиться и каяться до самой минуты Причащения: «Боже, милостив буди нам, грешным!» Смири свою душу пред Богом, всякий человек, — и Он Своею благодатию восполнит недостающее. Вы исповедовались, но разве на исповеди все сказано? То-то и горе наше, что мы не вполне очищаем свою душу! Слушайте же: если за обедней кто-нибудь из вас вспомнит, что он не совсем по-христиански приготовился, например, забыл с кем-либо далеким

примириться, не отдал чужой вещи, оклеветал, огорчил, осмеял кого-нибудь напрасно, неблагоговейно теперь стоял в церкви — и прочее, если вспомнил какой-нибудь грех, в котором не принес полного раскаяния, то, по крайней мере теперь, спешి исправиться: молись, как только можешь, усерднее, проси у Господа умиления, проси слез, омывающих грехи, кайся Ему в своем недостойнстве; обещай в своем сердце исправить хотя после свой грех добродетелью, испросить прощения у того, кого обидел, возратить чужое тому, у кого взял, и подобное. Моли Господа всем сердцем, чтобы Он сподобил тебя принять Святые Таины, — и с верою и смирением ожидай великой минуты Причащения. А с грехом, нарочно утаенным на исповеди, не смей и подходить, иначе Святое Причастие будет тебе не во спасение, а в тяжкое осуждение, и Господь непременно накажет тебя рано или поздно. Лучше отложи Причащение до завтра, дополни свою исповедь — и тогда приступай к Пречистым Таинам.

Далее. В некоторых местах есть добрый обычай, что во время причастного стиха говельщики подходят к святым иконам, прикладываются и потом, положа три поклона пред алтарем, кланяются до земли обоим ликам и всем предстоящим в храме. Вы понимаете, что этими поклонами они молча испрашивают себе прощения. Зачем же так открыто? Почему не наедине? Могло случиться, что кто-нибудь из них обидел кого-либо неведомо, невзначай, мимолетным словом, а тот, не показавши виду, мог затаить в себе вражду. Бывает это. Так вот, чтобы в полном душевном спокойствии приступить к Святым Таинам, они кланяются на все стороны, прося прощения своим грехам невольным и неведомым. И конечно, каждый тронется пред этим смирением и простит брата в своем сердце! Глядя на это, и вы умиляетесь, и тут же подражаете этому обычаю. Что ж, дело хорошее. И у вас могут быть какие-нибудь люди, недовольные вами. Вспомните о них в эти минуты и, кланяясь на все стороны, представьте себе, что вы стоите пред ними и просите у них прощения. Господь примет эту вашу просьбу; Ангел хранитель обрадуется вашему смирению и заочно расположит к вам сердце того, кто на вас гневается. Но некоторые из вас при этих поклонах крестятся. Это зачем? Ведь вы тогда кланяетесь не Богу, а людям. Как же пред ними креститься?! Не делайте этого.

Потом. Вы, конечно, знаете, что самые важные минуты за обедней те, когда поют "Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молимтися, Боже наш". В эти минуты на Престоле силою Святаго Духа Честные Дары становятся истинным Телом Господа и честною Кровью Его. Берегите эти минуты во всякую обедню, а тем более теперь, когда готовитесь приобщиться, молитесь с особенною силою, преклоняя колена, чтобы Господь ниспослал Святаго Духа и на вас самих.

Затем после «Достойно есть», когда священник в алтаре поминает живых и усопших, и на клиросе поют "И всех и вся", — вспомните в эту минуту и вы своих близких, помяните пред Господом имена их, помяните особенно тех, с кем нет у вас мира, научите этому и своих близких. Тогда вы

и в разлуке с ними будете им полезны, и друг друга будете вспоминать пред Господом почти в одно время, и Господь тогда вас скорее услышит за любовь вашу друг к другу. — Наконец, подходя к Святым Таинам, не спешите, не опережайте друг друга, Бога ради — не теснитесь, не толкайтесь, не кладите земных поклонов прямо пред Чашею — их нужно раньше полагать, слагайте руки на груди крестообразно, сказывайте диакону свое имя, открывайте уста, приклоняйтесь главою так, чтобы священник мог свободно преподать вам Частицу Святынь великих. А то иной старается, как бы ему прежде прочих причаститься. Бедный! он и в эти минуты гордо думает о себе, а не Господе смиренном! А иного из вас Бог одарил ростом немалым, а он и головы не клонит перед Чашею, и священник с опасением поднимает руку, чтобы бережно подать ему Святые Таины. Долго ли уронить частицу или каплю? Сохрани Боже!

Но вот вас сподобил Господь принять Пречистые Таины. Поцелуйте же край Святой Чаши, как бы Пречистое ребро Самого Господа, но отнюдь не целуйте при этом руку священника. Отойдя, перекреститесь благоговейно пред Святыми Таинами, но не кланяйтесь в землю. Слышите? Поклона земного не кладите по Причащении! Спросите, почему? Потому что вы сию минуту приняли в себя Самого Господа. Как же вы с Ним-то на землю падете? перед кем? Наконец, своими поклонами вы мешаете и другим проходить. Идите с миром, не делайте в этот день земных поклонов ни иконам, ни мощам до часа вечернего. Идите, радуясь со страхом, что к вам пришел Небесный Гость, Сам Господь Иисус Христос. Иногда случается, что в храме, где вы приобщаетесь, нужно еще после обедни служить молебен или панихиду, а причастников много, а обедня затянулась, а священник приобщающий изнемог — ведь он такой же человек, как и все, иногда еще и слабее; — и вот по этим причинам некоторых из вас отсылают в другой придел храма, чтобы скорее всех приобщить. Не смущайтесь этим. Сохрани вас Бог думать, что есть какая-нибудь разница, если в одном храме, например, приобщает архиерей, а в другом — простой священник: «езде одна святыня, едино Тело Христово, един Господь»; везде чрез того или другого священнослужителя приобщает Сам Христос. Веруйте сему и идите, а за то, что вы слушаетесь безропотно и мирно, Господь встретит вас с любовью, исполнит вас Духом Святым.

После Причащения вы, по церковному обычаю, принимаете еще несколько капель вина и вкушаете часть просфоры. А чрез несколько минут, когда священник раздает просфору неприобщавшимся, и некоторые из вас тоже подходят. Зачем? Ведь вы только что приняли Тело Христово, а идете еще за кусочком освященного хлеба?! Вы приняли несравненно больший дар, о нем и думайте, за него и благодарите, когда священник трижды возгласит: «Слава Тебе, Боже», — начнутся благодарственные молитвы.

Самое важное, самое главное тогда помнить, что с вами ближайшим образом пребывает Сам Господь; помните и берегитесь всячески греха. Забредет ли в душу мысль пустая, желание глупое, шутка недостойная —

гоните их, говорите им: "Мне не до вас, со мной Господь, Он хочет, чтобы я Его любил, Его слушался. Господь даровал мне Свою животворящую Плоть и Кровь, Он за меня страдал и умер. Я ли оставлю Его без внимания?" — Задумаете ли какое дело, спросите сначала мысленно: "Угодно ли это Тебе, Господи?" — и прислушайтесь, что Он вам скажет в совести вашей, — так и поступите, непременно послушайтесь Его! Если Он не благословит — не будет ни добра, ни проку, а грех один. Помните: с вами Господь не только Плотию и Кровию Своею, но и Духом Своим. Значит, надо не только с любовью хранить Его Пречистые Тайны, но и слушаться Его, соблюдать Его заповеди. Все их можно на сей раз в трех словах сказать: «любите Бога и друг друга». Вспомните, Господь, прощаясь с учениками пред смертью, три раза повторял: «Да любите друг друга: заповедь новую даю вам: да любите друг друга... Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга... Сие заповедую вам: да любите друг друга». Дело очевидное, если будете любить друг друга, то конечно, не станете обижать, и будет всюду с вами Бог!

Вот, братие и друзья, что надо помнить вам и соблюдать, готовясь ныне предстать пред Самого Господа в Его Святейших Тайнах. Приготовьтесь же достойно. Знайте, Он ждет вас, Он выйдет к вам. Сам Он да благословит вас, да уготовит радостно пойти к Нему навстречу! Аминь.

(Беседа пред литургией. "Киевские епархиальные ведомости", 1879)

459. Духовная ночь и благодатный день (Обретохом Иисуса! (Ин. 1; 35))

«Обретохом Иисуса!» (Ин. 1; 35)

С каким восторгом первые ученики Господа Иисуса делились с своими близкими радостной вестью, что пришел, наконец, обетованный Спаситель мира! Вот Андрей Первозванный встречает своего брата Симона радостным приветом: «обретохом Мессию» — желанного Христа! И ведет брата к Иисусу Христу. Вот Филипп находит своего друга Нафанаила и с святым восторгом возвещает ему: «егоже писа Моисей в законе, и пророцы, обретохом Иисуса Сына Иосифова, иже от Назарета» (Ин. 1; 35). Ты не веришь мне? — Прииди и виждь. Сам посмотри и убедись. — Так радовались первые ученики Господа, познав в Нем желанного и давножданного Христа Спасителя.

И в самом деле, было чему радоваться. Темная, непроглядная ночь идолопоклонства облегла все народы земли, кроме народа, Богом избранного, до пришествия в мир Спасителя! Прекрасно изображает эту ночь Богодухновенный пророк Исаия, когда говорит о бедственном положении потомков Исава: «Кричат мне с Сеира: сторож: сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож: (сам Пророк) отвечает: приближается утро, но еще ночь» (Ис. 21; 11,12). Не слышится ли в этом нетерпеливом вопросе обитателей горы Сеира томительное желание всего рода человеческого, всех,

седающих во тьме и сени смертной (Мф. 4; 16), скорее узреть Солнца правды Христа, скорее видеть обетованного Примирителя, вождьеленное чаяние всех народов земных? (Быт. 49; 10).

Братие! Для нас это Солнце незаходимое воссияло раньше, чем мы явились на свет Божий. Счастливы мы, что родились от православных родителей, что нас от рождения восприяла в свои благодатные объятия Святая Матерь наша, Церковь Православная, что от самой колыбели мы научились произносить превозделенное имя Небесного Бога и Отца. Но сколько еще миллионов людей томится во мраке идолопоклонства, сколько миллионов еще блуждает во тьме и сени смертной, почитает Будду, верит Магомету, поклоняется бурханам, Керемети и другим идолам, обожает огонь и даже самого злого духа — дьявола! И миллионы этих людей живут не только где-нибудь в Китае, Индии, Японии или в отдаленнейших от нас странах Америки, Африки и Австралии, но и в нашем Отечестве, в нашей Сибири и Туркестане и даже ближе — в наших восточных губерниях: Пермской, Оренбургской, Уфимской, Казанской, Астраханской и других. Поистине, это жалкие люди! Поистине, еще не прошла для них темная ночь языческих заблуждений, не воссиял для них благодатный свет Христова Евангелия! Что ж? Когда мы размышляем об этом в духе любви христианской, не слышится ли и нам в нашей совести, в чувстве нашего христианского сердца, не слышится ли со стороны этих, пребывающих в глубоком мраке неведения наших соотечественников — инородцев, тот же жалобный вопрос, какой слышал пророк Исаия: «сторож, сколько ночи? сторож, сколько ночи?» Долго ли нам бродить в этой непроглядной тьме и сени смертной? Скоро ли возсияет и для нас светлый день христианской жизни? Что ж? Ужели и мы ответим им, что еще не настало для них утро — радостное утро просвещения светом веры Христовой? Но ведь для нас, братие, оно уже настало, мы наслаждаемся этим светом, мало того, мы можем, мы должны, обязаны распространять этот благодатный свет по всей земле, просвещать его животворящими лучами всех людей...

«И видение в нощи явился Павлу, — так читаем в книге Деяний Апостольских, — муж: некий бе македонянин, стоя, моля его и глаголя: пришед в Македонию, и помоги нам» (Деян. 16; 9). Так, Ангел страны Македонской призывал великого Апостола языков на проповедь в Македонию. Значит, были алчущие и жаждущие слова спасения в этой стране, были люди, которые хотя смутно понимали или, по крайней мере, чувствовали, в какой теме неведения они находятся; их душа томилась исканием света Божия, и вот, Промысл Божий таинственным видением зовет к ним Апостола, и Апостол спешит в Македонию, обильно сеет святое семя проповеди Евангельской и собирает там обильную жатву. Есть, братие, есть и теперь эта жажда слышания Слова Божия в лучших людях языческого мира. Послушайте, почитайте, с какой ненасытимой жаждой слушают проповедь Евангелия Христова язычники — японцы! Как они просят, умоляют прислать к ним проповедников веры Христовой! Подумайте только,

что ведь если все эти, теперь нам совсем чужие люди, примут нашу веру православную, то будут нашими братьями во Христе, нашими лучшими друзьями. А эти полудикие кочевники наших сибирских тундр и степей, — калмыки, башкиры, тунгузы, якуты, буряты, камчадалы и множество других племен — разве они не могут, приняв веру Православную, и сами переродиться в православных русских людей, как переродились и совершенно слились с русским народом древние племена чудь, меря, вятичи и многие другие? Кто из нас, братие, не порадовался бы такому великому торжеству нашей веры святой? Кто от всей души не пожелал бы сего торжества? А если оно так вожделенно, то что ж мешает каждому из нас, по мере сил и средств, содействовать осуществлению этого заветного желания всех русских людей?

Было время, братие, когда многие, многие из нас могли сказать: "И рад бы помочь, да не знаю, как и чем помогу". Слава Богу, теперь этого сказать нельзя. Есть люди, которые беззаветно посвятили себя великому подвигу проповеди Евангельской. Они живут там, среди всех этих полудиких инородцев, учат их вере Христовой, крестят их, путешествуя для сего из края в край по обширной нашей Сибири, перенося всякие скорби и лишения, теряя силы и здоровье в этом воистину апостольском подвиге...

Одним из великих тружеников в сем святом деле был в Бозе почивший Московский святитель, митрополит Иннокентий. Целых 45 лет он неустанно трудился в проповедании веры Христовой полудиким племенам Восточной Сибири и Северной Америки; на себе он изведal все скорби и невзгоды, неразлучные с сим великим подвигом. Он много плавал по морям и рекам, исходил и изъездил десятки тысяч верст и на оленях, и на собаках, и верхом на коне; и вот, когда судьбами Божиими он возведен был на святительскую кафедру первопрестольной столицы, то принял к сердцу все нужды и скорби проповедников Евангелия в далеких краях Сибирских, и пригласил добрых людей соединиться в особое общество для помощи этим смиренным труженикам веры Христовой. Так основалось Православное Миссионерское общество. Сама благочестивейшая Государыня Императрица взяла его под свое покровительство, многие члены царской семьи, почти все наши архипастыри стали его членами, а Московский первосвятитель — его председателем. И вот уже 20 лет неустанно трудится это общество, оно собирает пожертвования на святое дело распространения веры Православной, избирает способных людей и отправляет их в отдаленную Сибирь и Японию для проповеди, помогает им всем, чем может: строит там церкви, школы, больницы, посылает туда иконы, книги, церковную утварь и даже одежду для новокрещеных бедняков инородцев... Дело воистину великое, но и многотрудное! И как отрадно быть участником в этом святом деле! А чтобы каждый православный хотя однажды в год мог принести свою лепту на это дело, наша высшая церковная власть постановила делать сбор во всех церквах на распространение Православия в нашем Отечестве сегодня, в

первое воскресенье Великого поста, когда воспоминается торжество святой веры Православной над всеми ересями и лжеучениями.

Возлюбленные о Христе братья! Сам апостол Павел не стыдился собирать пожертвования на такое святое дело, он не раз с благодарностью говорит об этих жертвованиях в своих посланиях (Рим. 15; 26, 27. 1 Кор. 16; 1-3. 2 Кор. 9; 1-7. Флп. 4; 10-15 и др.) и видит в них доказательство истинной христианской любви (2 Кор. 8; 24). Ужели же мы не пожелаем быть участниками в этих жертвованиях? Принесем каждый свою лепту, пожертвуем каждый, кому сколько Бог на сердце положит: «доброхотна бо дателя любит Бог», — говорит Апостол святой. Не имеешь многого, подай, сколько можешь, но подай, не упускай случая помочь инородцу обрести Христа Спасителя. Подашь ты свою лепту, подам я, подаст другой, третий — и из наших лепт составятся рубли, десятки рублей; и пойдут эти приношения во славу Божию, и благословят своих неведомых благодетелей проповедники-грузеники, благословят их и новокрещенные братья наши о Христе... И тем, и другим будет дорога жертва ваша, и те, и другие — все люди бедные, но еще дороже им будет ваша братская любовь, ваше усердие к делу их спасения. Вспомните слово брата Господня Иакова: «обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти, и покрывает множество грехов» (Иак. 5; 20), а вы своей лептой поможете сему обращению грешника-идолопоклонника ко Христу Спасителю. Вспомните, что, по слову Самого Господа, велика бывает радость на небесах у Ангелов и святых Божиих ради и одного покаявшегося грешника; а вы своими приношениями поможете святому делу обращения к вере Христовой, может быть, не одного язычника...

Недавно одна киргизка-христианка, не имея, что пожертвовать новокрещеным, сняла с головы свой платок, а с своего грудного младенца рубашечку, и отдала их новокрещеным киргизам-беднякам. Вот, поистине, жертва Евангельской вдовицы! И не стыдно ли будет нам пред этой доброй женщиной на Страшном Суде Божиим, если ничего не дадим на такое святое дело? Не поскупимся же, возлюбленные, вспомним слова того же апостола Павла: «сеяй скудость, скудость и пожнет, а сеяй о благословении, о благословении и пожнет!» Аминь.

460. «Закланная» икона Богоматери

До какого ужасного безумия может дойти человек, если вовремя не опомнится, не овладеет собой, если даст волю своему гневу, своей злости, которая как дикий зверь живет в глубине нашего грешного сердца, зараженного и оскверненного страстями! Как часто приходится читать в газетах или слышать, что один в ссоре и озлоблении убил кого-нибудь, другой в исступлении от злобы наложил руки на самого себя или сошел с ума; и гибнут люди сами, губят и других... Озлобленный человек ни пред чем

не останавливается, в своем безумном раздражении он доходит скоро до отчаяния, до ужасного богохульства, до поругания святыни. Вот тому разительный пример.

На святой горе Афонской, в монастыре Ватопедском, был один экклесиарх, по-нашему церковник или пономарь, имевший сан диакона. Занятый приведением всего в церкви в должный порядок, он часто опаздывал к общей трапезе и приходил, когда уже братия оканчивала обед. Раз приходит он к трапезарю после всех и просит пообедать. Усталый трапезарь с сердцем замечает ему, что надобно ходить в трапезу в свое время, а не как вздумается. Экклесиарх оскорбился и стал еще настоятельнее требовать себе обеда, а тот отвечал ему, что у него нет ни куска хлеба. Голодный и раздраженный экклесиарх вышел из трапезы; в его душе кипела досада и негодование на трапезаря. Он пошел опять в церковь, чтобы чем-нибудь заняться, но гневные помыслы не утихали и еще более волновали его пылкое сердце, он был сам не свой... Бедный монах! Молитва не шла ему на ум, он роптал и сердился, и тем еще более раздражал себя. В таком расстройстве духа подходит он к иконе Богоматери, становится пред нею и начинает с укоризною говорить: "Доколе же я буду служить Тебе, Богородица? Трудись, трудись, а за все труды мне и куска хлеба нет в подкрепление усталых сил моих!" — И при этих словах он безумно хватает нож, которым сейчас отчищал воск от лампад, с размаху ударяет им в ланиту Богоматери на святой иконе Ее и пронзает ее насквозь... (Икона была изображена на холсте).

Дивны дела милосердия Твоего, Владычице! Ты не оставила несчастного безумца без вразумления. Из раны на пречистой ланите брызнула кровь и Божественный лик Приснодевы покрылся бледностью, как лицо умирающего от смертельной раны. В ужасе иконоубийца затрепетал, упал на помост пред иконою и лишился чувств. Он трясся всем телом, как преступный Каин и убийца. Скоро в монастыре узнали о случившемся. Игумен и братия собрались в церковь и с изумлением заметили, что кровь, струившаяся из ланиты Богоматерней, еще не засохла на ней. Несчастный монах тогда же ослеп и помешался в рассудке. Из сострадания к нему добрый игумен со всею братией совершил целонощное моление о спасении и помиловании его. Однако ж целых три года он оставался помешанным слепцом и трепетал всеми членами.

Наконец, Матерь является в сонном видении игумену и объявляет ему, что ради молитв всей братии Она прощает преступника и дарует ему исцеление. "Впрочем, — сказала Она, — рука его за дерзость и святотатственный поступок будет осуждена на втором пришествии Христовом". И действительно, наутро помешанный инок пришел в себя, прозрел глазами и оправился совершенно от трепетания членов. Долго и горько рыдал он, оплакивая свой безумный поступок, называл себя убийцею и, устроив пред «Закланною» им иконою место, всю свою жизнь в искреннем покаянии становился тут, не переставая укорять себя за святотатственную дерзость и безумство. И Матерь Божия, надежда кающихся грешников, не

лишила и его благодатного утешения: Она явилась ему за несколько времени до смерти, обрадовала его прощением, но повторила при этом то же, что раньше сказала игумену, то есть что дерзкая рука его должна испытать грозный Суд Божий.

Мирно почил сном смерти кающийся инок-экклесиарх, его похоронили, прошло три года, и вот, когда, по обычаю Афонскому, открыли его кости, страшное зрелище поразило всех бывших при этом... Кости покаявшегося грешника были светлы, чисты и носили на себе как бы знамение милости Божией, а рука его, дерзнувшая на страшный поступок, оказалась нерастленной и почерневшей... Такой она остается и до сего времени: пальцы целы и черны, как уголь. И теперь ее показывают в Ватопеде паломникам в поучение и в память о чудесном событии, которое так много говорит и о нашей немощи человеческой, способной дойти до ужасного оскорбления святости, и о неизреченной благодати и любви к нам Матери Божией, готовой всех прощать в наносимых Ей оскорблениях, вольных и невольных. А самая та икона и поныне называется "Закланной" и находится в Ватопедской обители, имея на себе неизгладимые следы раны и истекавшей из нее Крови.

Грозно вразумила Матерь Божия дерзновенного инока за его безумный поступок. Она благоволила показать ему, да и не ему только, а и всем нам, грешным, что и честь, и бесчестие, какое люди оказывают Ее святым иконам, Она относит к Себе Самой, что Она с любовью взирает на нас, когда мы благоговейно склоняем главу и колена свои пред Ее святым образом и с сердечным умилением целуем на святой иконе Ее пречистые длани, держащие в объятиях Предвечного Богомладенца, — но во гневе отвращает лицо Свое от тех, кто не хочет почитать с любовью Ее Пречистого образа...

Как же после этого тяжко согрешают те несчастные наши братья, которые, самовольно отделившись от Святой Церкви, не хотят почитать никаких святых икон! Гордость отделила их от Церкви, гордость заставляет их упорно держаться своего мудрования. Они считают себя умнее всех святых Божиих, мудрее самых Соборов Вселенских, на которые собирались со всей вселенной богомудрые святители и учителя Церкви, утвердившие иконопочитание... Воистину, несчастные, ослепленные люди! Хотя бы они то подумали: да неужели древние христиане, от самых первых веков, не могли додуматься до того, до чего дошли своим гордым умом они, наши штундисты, молокане и им подобные хулители святых икон? Ужели все эти святые, Богом прославленные мужи и жены, так и не понимали, и не знали второй заповеди Божией — и только теперь они, наши русские простецы, первые и узнали, и поняли ее как следует? Просто не верится, чтобы можно было дойти до такого самомнения, самообольщения, гордости! В том-то и горе, что эти штундисты и молокане не захотели узнать получше, как издревле, от времен апостольских, Святая Церковь понимала вторую заповедь Божию. Как она учит о святых иконах? Не захотели они спросить об этом законных пастырей и учителей своих и принялись сами толковать Слово Божие, — а если сказать правду, то и не сами, а послушали немецких

лжеучителей, — ибо кто ж не знает, что штунда — вера немецкая? И вот, за такую гордость Бог поразил их слепотою душевною — яснее солнца сияет истина почитания святых икон, обильным потоком истекают от святых икон чудеса милости Божией, укрепляя веру смиренных и послушных чад Церкви Православной, — а они, видя, ничего не видят, и слыша, не слышат... Или и они, ругаясь над святыней, ждут такого же грозного вразумления, какое постигло упомянутого дерзновенного инока? Этого ли желают? Тогда пусть прочтут в духовных журналах за 1887 г. ("Воскресный день" и др.) рассказ, как грозно Господь покарал одного раскольника за поругание над Святым Крестом, стоявшим на перекрестке дорог. Раскольник бил Святой Крест кнутом, сквернословил и, несмотря на увещевания товарищей, нарочно отстал от них, чтобы осквернить Святой Крест. Отойдя с полверсты, товарищи остановились и долго ждали его; наконец, вернулись на перекресток и пришли в ужас от того, что увидели... Товарищ их, полуобнаженный, сидел у подножия Креста, повесив голову и раскинув ноги по земле, синебагровое лицо было ужасно искажено, страшные глаза выскочили из своих мест... Он был уже не живой человек, а отвратительный труп. Не говорит ли этот поразительный случай Суда Божия над дерзким кресторугателем всем подобным ему хулителям святыни: «аще не покаетесь, еси такожде погибнете?»

461. Четыредесятать проповедников

Жалуются иногда на недостаток в Церкви проповедников. А мне кажется, что у нас меньше слушателей, нежели проповедников. Ибо, верно, немало таких церквей, в коих сегодня не найдется и по десяти слушателей, а проповедников ныне в каждой церкви по четыредесяти. Так называю я празднуемых ныне святых Мучеников; и верно - никто не лишит их сего священного титула. Ибо, если по слову Писания, не мал уже и тот, кто возвещает истину словом и устами, то на какую высоту должно поставить того, кто за истину проповеди Евангельской пролил свою кровь и претерпел смерть мученическую? Не такая ли проповедь сокрушила идолов и привлекла ко Христу вселенную?

У первобытных христиан, гонимых неверующими, самое богослужение и Таинства совершались тайно, под землею, среди безмолвия полунощного. Но глас Евангельской проповеди гремел неумолчно во все концы земли, привлекая всех и каждого ко Христу. Откуда исходил он? Из мрачных темниц, наполненных христианами, из раскаленных печей и котлов, в кои повергали их, с пылающих костров и крестов, облитых кровию свидетелей истины. Является на позор среди града или веси исповедник Христов, и начинается проповедь! Ему предлагают прощение и свободу, богатства и чести, иногда цветущую красотою невесту, — да только поклонится идолам. Но он возводит очи горе и вместо ответа знаменует себя Крестом! Его

подвергают мукам, бичуют, жгут различными огнями, рвут тело клещами, лишают очей и уст — он терпит без ропота и молится о самых мучителях! Его предают на растерзание лютым зверям или пригвождают ко кресту, или повергают с камнем на шею в море — он встречает смерть с таким светлым лицом, с каким редкие идут под венец брачный. Удивительно ли после сего, что самые грубые толпы народа, пораженные величием души страдальца, пришед сами в умиление, восклицали: "Велик Бог Христианский!" — Этой-то проповедью, братие мои, побежден мир. Не оружием, не красноречием, не мудростью земною!

И вот, подобные проповедникам являются ныне пред нами, — не один, не два, не десять — а сорок, как бы по числу дней святого Великого поста. Что же они нам проповедают? Проповедают любить Христа до смерти, не бояться на земле ничего, кроме Бога, пренебрегать всеми благами мира, веровать в жизнь будущую так, как бы она была пред очами нашими. Ибо, что заставило их претерпеть мороз всеобщего пребывания в озере зимнем, сокрушение ног и голеней молотом, как не любовь ко Христу? "Не точию честь воинскую, но и самые тела наши возьми от нас: ничтоже бо нам есть дражае, ничтоже честнее, паче Христа Бога нашего", — так отвечали мученики на угрозы мучителя. Что же мучитель? Кипя гневом и пользуясь временем года, он повелевает их, связанных и обнаженных, повергнуть в озеро, да погибнут от мороза. В то же время, злохитрый, велит устроить на берегу баню, дабы желающий избежать смерти нашел себе в ней жизнь. Таким образом, и мороз, и теплота равно служат злобе мучителя и во искушение подвижников. Но кто и что может разлучить истинно верующих от любви Христовой? Павел давно за всех них дал ответ, что сего не могут сделать ни живот, ни смерть, ничто — ни настоящее, ни грядущее.

Как бы вы думали, братие мои, проведут святые подвижники ночь в озере? Они совершали там всеобщее богослужение. Слышите ли, как начинают раздаваться по воздуху псалмы Давидовы? Слышите ли целый хор гласов, призывающих небо и землю, мороз, снег и дух бурен хвалить имя Господне? Это гласы святых страдальцев. Тело их покрывается льдом, а сердце разгорается любовью Христовою; уста от мраза цепенеют, а дух парит как пламень горе, к Богу Крепкому и Живому. О озеро, не водами, а молитвами наполненное! Не ветром, а Духом Божиим колеблемое! Не безгласных рыб, а как бы Ангелов бесплотных вмещающее!

Но вот, среди мрака полуночного внезапно разверзнутся небеса, являются венцы небесные и сходят на главы страстотерпцев. Но что значит, что сих венцов только тридцать девять? где же сорок? Увы, один из страждущих, не стерпев мук, обратился к бане, устроенной мучителем; но где думал несчастный обрести спасение, там внезапно испустил дух. Но его место не остается праздным, не нарушается святое число страстотерпцев. В самом деле, кто это, без судей и мучителей, бежит к озеру, свергает с себя одежду, и с словами: "Я — христианин", — становится рядом со святыми Мучениками? Это один из их же стражей, который не предался сну, подобно

собратиям своим, видел все терпение и всю веру слуг Христовых, зрел венцы, на них сходящие с неба, и, уразумев недостающее число их, спешит восполнить собою недостаток и принять тот венец, от коего уклонился маловерный собрат их. Итак, опять совершенная победа над диаволом! Четыредесятъ вошло в озеро, четыредесятъ и выйдет, да не будет ни малейшей радости врагу Божию!

Видите ли, что каждый мученик есть проповедник? Чем привлечен сей новый подвижник? Не проповедью с кафедры церковной, а венцом святых исповедников, стоявших за Христа всю ночь в хладном озере. Так действовал некогда пример святых Мучеников! Над нами, кажется, и он потерял всю силу. Когда проповедник ли или какая книга расскажет нам о подвигах мученических, мы изумляемся величию души их, не думая, однако же, нисколько о том, чтобы взять с них пример для себя, засветить от их небесного огня в своем сердце веру, устремиться по следам их любви к Богу. Даже те из нас, кои носят имена святых Мучеников, часто вовсе не знают, кто был тот, коего имя они носят со дня своего рождения.

Но обратимся к нашим проповедникам. Итак, озеро не потопило их, мраз зимний не погасил в них пламени веры и любви. Что же делает мучитель? Осуждает их на перебиение голеней и сим, не ведая сам, уготовляет им новый венец на небе. Мог ли после сего оставить их без подкрепления на сей подвиг Тот, Кто Сам в вертограде Гефсиманском благоволил быть укрепляем от Ангела? И вот, в час полунощи, которую святые Мученики проводили в молитве и песнопении, ожидая наутро смерти, темница их исполняется светом небесным, и они слышат глас глаголющий: "Веруй в Мя, аще и умрет, оживет; дерзайте, мужайтесь, стойте: побеждающий примет венец жизни!" — Ободренные сим гласом, Стратотерпцы наутро шли на смерть, как мы возвращаемся после долговременного отсутствия в дом отеческий. Итак, душа их уже воспарила на небо, но святые тела оставались еще во власти мучителей. Что же делают слуги сатаны? Зная, что христиане дорожат останками святых Мучеников и чтут с благоговением их, яко святыню, они предают тела пламени, и потом самые останки, после сожжения, изсыпают в реку. Но не напрасно написано: «хранит Господь вся кости их и ни единая от них сокрушится» (Пс. 33; 21). В постыждение злобы и лукавства сатаны, Мученики являются в сновидении епископу и повелевают ему именем Божиим взять из реки то, что осталось от телес их. Повеление радостное, но как исполнить его? как приступить к реке пред глазами мучителей? И как найти то, что поглощено водою? Но для веры и упования нет неисполнимого. Святитель с малым числом верующих идет к реке ночью, без всяких светильников, не ведая сам, как обретется сокровище. И вот, кости Мучеников сами собою являются тотчас как звезды на дне потока, блистая сиянием небесным, и верующие без всякого усилия собирают их, яко драгоценное сокровище, яко ободрение для самих себя на подвиг мученический. — Да, братие мои, на подобный же подвиг мученический.

Тогда было не то, что ныне, — нельзя было, подобно нам, быть христианами по одному имени. Исповедовать Христа значило в то время быть готовым на все: ныне лишиться имущества, завтра подвергнуться ссылке, послезавтра идти на костер или на борьбу со львами и тиграми...

Взглянем еще раз на светоносный лик наших нынешних проповедников. Что же они вещают нам? Все вещают одно и то же, то есть любить Господа Иисуса до смерти, не менять заповедей Его ни на что в мире, все терпеть и переносить для сохранения драгоценного залога веры и любви, не почитать ничего страшным, кроме Суда и гнева Божия, жить на земли для Неба и презирать, где нужно, не только землю и все земное, но самое тело, самую жизнь свою. Аминь.

(Из сочинений Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического)

462. Грех – наш губитель. (Великопостное поучение)

«Да не царствует убо грех в мертвенном вашем теле» (Рим. 6; 12)

«Творяй грех, раб есть греха» (Ин. 8; 34)

О грехе сегодня будет слово мое, возлюбленные о Господе братья! "О грехе?" — подумает, может быть, иной. "Как тяжело слушать о грехе!" — подумает так и пойдет вон из храма Божия. Но подожди, дорогой брат мой, не спеши отвращать слух свой от слова моего. Где тот счастливец, который был бы свободен от греха, которому не тягостно было бы говорить о грехе, которого совесть была бы спокойна при воспоминании об этой ужасной язве, поразившей всех без исключения смертных потомков Адамовых? Все мы — грешники, а грешник — что больной: не любит больной горьких лекарств, больно ему, когда врач его раны касается, но и то, и другое необходимо для врачевания. Послушай же и ты, друг мой, слово о грехе, может быть, оно коснется сердца твоего бедного, и ты задумаешься о своем положении, о ранах своей души. Может быть, голос совести скажет тебе что-нибудь спасительное, и ты хотя вздохнешь с раскаянием и оградишь себя крестным знаменем. А у Бога и это движение души твоей не пропадет: Он пошлет к тебе Своего Ангела с благодатною помощью, с ободрением, с милостью... Поразмыслим же вместе о том, как ужасен грех сам по себе, и к чему ведет он своего пленника.

Как больно думать о глубоком нравственном падении рода человеческого! Больно и страшно! Вот уже девятнадцать веков вера христианская разливает непрестанно Божественный свет свой среди людей, и однако какая тьма греховная покрывает нас еще и теперь, сколько ужасов влечет за собой грех, содеянный нами однажды! Увы, мир лежал и доселе лежит во зле! И в какое странное и вместе ужасное положение ставят человека и ныне его грехи, его страсти и греховные привычки! И никакое высокое положение, никакое блестящее образование — ничто не спасает человека от опасности грехопадений. На жизненном пути каждый день,

каждый час мы легко можем забытья, уклониться с пути Божия и согрешить. О, как слаб сам по себе человек! При всем богатстве света Христова и спасающей благодати, в нас живет и доселе семя греховное. И для того, чтобы это семя пустило ростки от себя, оно не нуждается ни в чем — ни в науке, ни в уходе за ним; оно рождается вместе с нами, живет в нас и растет, растет до гроба. Это наше наследственное расположение ко греху. "Лета прибавляются, — говорит Черниговский святитель Филарет, — лета приближают ко гробу, а душа не лучше, несмотря на приближение грозного отчета. Опытность научает многому для житейского обихода, а для душевного спасения и она, без благодатной Божией помощи, не прибавляет ничего. Человек был грешником, — грешник и теперь. Страсти владеют всем по-прежнему: одни засыпают, другие пробуждаются, одни слабеют, другие становятся сильнее. Что это за странное явление — человек!"

Да, не напрасно Святая Церковь, чтобы сохранить нас от греха, так часто возглашает при каждом богослужении: "Дне сего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим", — не напрасно просит она своим чадам и безгрешного дня, и безгрешного вечера. Достаточно бывает иногда одной минуты, одного неосторожного взгляда или шага, чтобы грех вошел в твою душу, внес туда свой мрак и расстроил твою духовную жизнь. И не заметишь, как перейдешь от света к мраку и от дня Господня к ночи греховной. На минуту забудешься ты, послабеешь вниманием к себе, — и ты не тот уже, не чувствуешь уже себя в том свете, в котором был дотол. Свет Христов как бы меркнет в твоём сердце и помышлениях; вокруг тебя или, вернее сказать — в тебе самом, появляется какой-то мрак, ослабляющий твоё духовное зрение. Стезя жизненная, по которой доселе шел ты доброю и твердою стопою, начинает казаться тебе трудною, колебаться под тобою от возникающих в душе твоей мрачных помышлений и сомнений. И горе тебе, если вскорости не пробудится твоя совесть, если в сердце не услышишь ты голос ее: "Како сотворю глагол сей злый и согрешу пред Богом?" — Темное облако в твоём сердце превращается в грозную тучу, и какой мрак обнимет тебя, какое расстройство почувствуешь ты, если искушающий помысл перейдет в похоть и, наконец, в грех!

Грех! Что такое он для души нашей? Что такое он и для тела нашего? Увы, это страшная сила, всегда губительно действующая на нас! Как стрела грех язвит душу, как яд он отравляет тело... «Господи! исцели душу мою, яко согреших Тебе... Господи! возсмердеша и согниша» — смердят и гниют «раны моя от лица безумия моего» — от безумных деяний моих, и «несть мира в костех моих от лица грех моих!» — так отзывался по собственному опыту пророк Давид о пагубных действиях греха на душу и тело наше. Грех — это не что-нибудь одиночное, нет, он как семя носит в себе и будущее потомство свое, и потомство бесчисленное, бесконечное... Один грех рождает из себя множество других грехов по тесной связи их между собою. Кому неизвестно, что все грехи мира — дети одной матери, одного греха наших прародителей?

Горе тому, кто позволит вырасти в себе греху, то есть обратиться ему в страсть и привычку! Поработив себе силы души и тела, грех плодится свободно; скоро заявляет душе свои преступные требования как властелин, мало-помалу закрывает пред нею мир духовный, подобно тому, как темная ночь закрывает от нас предметы мира видимого. Ослабляя душу в добре, грех в той же мере возбуждает ее ко злу, и она незаметно для самой себя становится сама как бы плотию, по выражению Священного Писания, и привыкает смотреть на все глазами греха. Прежде, бывало, она чувствовала присутствие Божие и в природе, и в собственной совести; теперь она уже не замечает присутствия Божия ни в себе, ни в мире. Наконец, по мере того, как в душе укрепляется греховная привычка, а вместе с тем затемняется и образ Божий, получает доступ к ней диавол, мало-помалу забирает ее в свои руки и распоряжается ею, как своею пленницей и рабой. Этот отец мрака, этот человекоубийца заставляет несчастную душу творить его волю, повергает ее из одного падения в другое, более глубокое, и радуется ее унижению, как враг Бога и человека. Вот до чего доводит нас грех, если мы не будем искоренять его из сердца и позволим ему свободно расти в нашей душе!

Что же тут делать? Что делать в таком ужасном положении? Кто изведет из мрачной темницы душу омраченную? Кто угасит пламень страстей ее? Кто пробудит спящую совесть? Кто умягчит жестокость сердца, окаменевшего от греховных навыков и привычек? Кто, наконец, поставит нас на иной путь жизни? Ответ на это дает нам Святая Церковь, эта хранительница света Христова. Она указывает нам на святейшие, благодатные Таинства Покаяния и Причащения, она говорит неумолчно, что на пути покаяния у нас нет иной помощи более твердой и нет иной надежды более непостыжной, как Матерь Света, Матерь Победителя греха, ада и диавола. На пути покаяния, на пути обращения к Спасителю Матерь Божия не только наша Заступница, но и всегдашняя Помощница... К Ней прежде всего и обратимся, братие, с горячею сердечною мольбою: "К Богородице прилежно ныне притецем, грешнии и смиреннии, и припадем, в покаянии зовуще из глубины души: Владычице, помози, на ны милосердовавши, потщися, погибаем от множества прегрешений, не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо и едину надежду имамы! Многая множества моих, Богородице, прегрешений, к Тебе прибегах, Чистая, спасения требуя; посети немоществующую мою душу, и моли Сына Твоего и Бога нашего — дати ми оставление, яже содеях лютых, Едина благословенная!"

463. Вспомни, грешник, Страшный Суд!

Можно думать, что когда люди в первый раз увидели молнию и услышали гром, то так напугались, что едва не умерли от страха. А теперь и молнию видят, и гром слышат, и несколько не боятся их, потому что привыкли к этим страшным явлениям природы. Многие даже спокойно спят

в то время, когда сверкают молнии, когда от страшных ударов грома стонут горы с такою силою, будто небо готово обрушиться на землю. Вот так же, думаю я, бывает и с грешными людьми: когда они впервые слышат грозное слово о Страшном Суде, то содрогаются от страха, а потом так прислушиваются к нему, что и слыша не слышат, и будто спят сном непробудным.

Но пробудись, бедный грешник! Представь себе, что уже настал этот грозный час, что ты предстоишь уже пред Судом Божиим... Не возводи очей своих туда, где предстоят со страхом и ужасом тысячи тысяч Архангелов и тьмы тем Ангелов; не опускай очей и долу, где течет от пламенного Престола Судии страшная река огненная; не озирайся ни направо, ни налево, где предстоит бесчисленное множество людей праведных и грешных, с трепетом ожидающих в глубоком безмолвии решения своей участи... Нет! Взгляни только на Того, Кто судит, а потом обрати взор на себя самого, как на подсудимого — ведь Тот, Кто судит, есть Бог, а тот, кто судится — ты, грешник безответный!

Показал некогда Христос на Фаворе только один луч славы Божества Своего, и Его ученики не выдержали блистания сей славы и пали ниц. Сошел некогда Господь на гору Синайскую только прикровенно, в громах и молнии, а весь народ израильский вострепетал от страха... Каково же будет явление Господа в тот страшный день, когда Он приидет во всей славе Своей, во всем величии Божества Своего судить преступников Его закона?! И какими очами возришь ты, грешник, на сего Праведного Судию? Страшен Он во всей славе Своей, а наипаче страшен во гневе Своем... «Кто весть державу гнева Твоего? И от страха Твоего ярость Твою исчести?» (Пс. 89; 11). Так взывал к Богу некогда Давид. Но в сей жизни временной Он еще не являет всего Своего правосудия, Он долготерпелив, и Свою правду срастворяет ныне милосердием Своим.

Ныне время благоприятно, — говорит Апостол Христов; ныне мы легко можем умилостивить Бога молитвами, слезами, покаянием, ходатайством за нас святых Божиих. А время Его второго пришествия есть время Страшного Суда. Днем гнева и откровения называет сей день Апостол святой (Рим. 2; 5). Это значит, что в сей день Бог покажет весь гнев Свой на грешниках нераскаянных. И святой Иоанн Богослов говорит, что бедные грешники, чтобы укрыться им от гнева сего, возопиют горам и камням: «падите на ны и покройте ны от лица Седящаго на Престоле и от гнева Его» (Откр. 6; 16). А праведный Иов желал бы сокрыться от сего гнева даже в глубинах адовых (Иов. 14; 13). Гнев сей, по слову царя Давида, есть «чаша в руке Господни вина нерасворенна» — вина цельного, без примеси воды, — одна правда, без милости, — и сию-то чашу «испийют еси грешнии земли». Не помогут там ни ходатайства, ни молитвы, ни слезы раскаяния; тогда Господь наш явится не Богом милости и щедрот, а Богом отмщений (Пс. 93; 1). И воистину страшен будет Суд Его на грешников нераскаянных! "Неблагодарный! — как бы так скажет Он тогда всякому грешнику, — Моя жизнь бесценнее всех

жизней человеческих и ангельских, а Я предал Себя на смерть — ради тебя. Моя Кровь дороже всех сокровищ райских, а Я пролил ее всю — за тебя. Ужели этого было для тебя недостаточно, чтобы видеть, как ненавистен Мне грех? И с этим-то грехом ты не захотел расстаться, не захотел покаяться?! Теперь поздно уже каяться, Я сужу тебя всею правдою Моею. «Иди от Мене, проклятый, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его!» — Таков гнев Судии Праведного на грешника. Я говорю о нем, братие, и сам трепещу... чувствую, что слово мое изнемогает. Я не могу словом изобразить сей гнев во всем его величии.

Ах, душа грешная! О, праведный Суд Божий! И на сем-то суде мы должны будем дать ответ за все наши грехи, за все, в чем согрешили делом, словом или помышлением... Все обнаружится тогда, что и как было, все тогда ясно и открыто будет пред очами Судии, пред нашею совестью, пред всеми Ангелами и человеками! Подумай же, грешный человек, можешь ли ты в чем оправдаться пред Богом? Вот Бог дал тебе в сей жизни самое простое средство к очищению твоих грехов — Таинство Покаяния. Знал ты это средство, но не воспользовался им! Жил столько-то лет, имел время, но не позаботился о покаянии... Итак, спрашиваю тебя: имеешь ли теперь какое-либо оправдание пред Богом? Что будешь отвечать на Суде Его? Или вот ты соблазнял других на грехи: не хотел тот человек лгать, ты склонил его ко лжи; не знало это дитя ничего худого, а твои слова, твои разговоры отравили его слух, соблазнили его душу; был ты отец, но сделался для своих детей учителем зла. Брат мой! Если б ты захотел загубить только свою душу — то пусть так, ты волен в своей душе. Но зачем же тебе было губить других советом своим, соблазном своим, примером своим? Спрашиваю тебя: имеешь ли в том оправдание пред Богом, Судиею Праведным?

Бог дал тебе много благ в жизни сей. Был ты от природы добр, и мог бы быть для других примером мудрости и добродетели, а ты сам пошел по пути погибели. Был ты богат, много мог бы добра сделать бедным беспомощным вдовам и сиротам, но до этого не допустила тебя скупость твоя. По своим способностям ты мог бы быть украшением Церкви Божией, но ты служил плоти, миру или диаволу... Увидишь ты там сонмы многих угодников Божиих, коих освятила Божия благодать, а сия благодать и для тебя не оскудела бы, если бы в тебе не оскудело доброе произволение. Столько времени, столько бесценного времени тобою или на зло потрачено, или напрасно потеряно, а в это время ты мог бы сделать премногое множество добра, но не сделал ничего... Спрашиваю тебя: что ж, имеешь ли в том какое оправдание пред Богом? Но и этого мало. Ты и другим препятствовал делать добрые дела. Вот этот человек хотел идти в церковь помолиться, поговорить, — но ему помешала корысть твоя. Тот хотел сделать доброе дело на пользу общую, но ему воспрепятствовала зависть твоя. Что же? Какой ответ дашь во всем этом пред Господом Богом?

Но закроем эту книгу, книгу грехов твоих. Раскроем другую — книгу твоих добродетелей. Посмотрим, что за добро было у тебя. Вот молился ты,

но когда молился, то где бродил ум твой? Подавал ты милостыню, но какую? не самую ли малую, да и то лишь ради похвалы людской, а не ради Господней заповеди? Постился ты, но когда воздерживался от мяса и рыбы, то воздерживал ли себя от греховных страстей? Бывал ты на исповеди, но часто ли? Каялся ты, но исправился ли? И это ли твои добрые дела? Ими ли ты думаешь оправдаться пред Богом? Ах, брат мой! Покажи мне хоть одно твое доброе дело — чистое, со всех сторон доброе! Из пятидесяти, шестидесяти или ста лет жизни твоей выбери, укажи хотя один день, один час, который бы ты весь отдал Богу! Где такое добро? Где такой час? А когда так, когда нет у тебя оправдания, то какое же будет тебе решение? Я содрогаюсь, повторяя слова Праведного Судии: «иди от Мене, проклятый, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его!» О Суд Божий Страшный! О ужасное решение! Откуда и куда же ты пойдешь? От Рая — в ад, от света славы — в огонь вечный, от жизни вечной в вечную муку, от Бога — к диаволу... О Суд Божий Страшный! О ужасное решение!

Брат мой возлюбленный! Советую тебе, умоляю тебя, заклинаю тебя — пока можешь, беги от такого Суда! А это еще можно, еще не поздно, для всех наших грехов Бог два суда определил: один здесь, на земле, в настоящей нашей жизни, а другой там, во второе Свое Пришествие. Там Судия Бог — весь во гневе без милости, здесь судия — слугитель Божий, отец твой духовный, имеющий от Бога власть прощать грехи без гнева, в милости. Кто здесь от духовника будет сужден и прощен, тот и там от Бога судится и прощается. Кто здесь покается, там оправдается. Вот тебе — вода и огонь, выбирай, что хочешь!

(Из "Поучительного слова " святителя Илии Минятия на 3-ю неделю Великого поста)

464. «Иди за Мною!»

Христос Господь всякому из нас говорит: «иди за Мною!» Читай святое Евангелие и внимай тому, и услышишь сладчайший Его глас сей: иди за Мною! Я Создатель твой, ты создание Мое: иди за Мною! Я Господь твой, ты раб Мой: иди за Мною! Я Царь твой, ты подданный Мой: иди за Мною! Я Бог твой: иди за Мною! Я в мир ради тебя пришел: иди за Мною, Который к тебе и ради тебя пришел! Я, невидимый, на земли явился ради тебя: иди за Мною! Я, непреступный Херувимам и Серафимам, стал доступен грешникам и тебе: иди за Мною! Я, Царь Небесный, на земли пожил ради тебя: иди за Мною! Я, всесильный и всемогущий, немощным стал ради тебя: иди за Мною! Я, богат сый, тебя ради обнищал, чтобы ты нищетою Моею обогатился: иди за Мною! Я, Господь славы, поруган и обесчещен ради тебя: иди за Мною! Я, живот вечный и присносущный, вкусил смерти ради тебя, смерти же крестныя: иди за Мною! Я, на Престоле славы сидящий и от Ангелов покланяемый и славимый, от грешников похулен был ради тебя: иди

за Мною! Я, един имеющий бессмертие и во Свете живущий неприступном, в мертвые вменен и в темном гробе положен был ради тебя: иди за Мною! Я — твой Искупитель, твой Избавитель, твой Спаситель, Который тебя не серебром и золотом, но Своею Кровию от диавола, смерти и ада искупил: иди за Мною! Видишь Мою к тебе любовь, покажи и ты Любителю твоему свою любовь, и с любовью иди за Мною! Любовь твоя тебе же пользу принесет, а не Мне; и нелюбовь тебе же повредит, а не Мне: иди за Мною! — «Господи, что есть человек, яко познался еси ему? Или сын человек, яко вменявши его? Человек суете уподобися» (Пс. 143; 3, 4).

Пою Тя, слухом бо, Господи, услышах и ужасохся. До мене бо пришел еси, мене ища заблуждшаго. Посему многое Твое снисхождение, ради меня, прославляю, Многомилостиве! Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое. Помози мне, Господи Боже мой, и спаси меня по милости Твоей.

Итак, что же, брат христианин, ужели ты захочешь отказаться от такового милосердного Господа твоего и Благодетеля, Который за Собою зовет тебя, и не пойдешь за Ним? — Страшно это было бы и бесстыдно! Страшно, чтобы не подвигнуть Его на праведный гнев и не подпасть Суду Его праведному, а чрез то не погибнуть. Бесстыдно, ибо Он — высочайший твой Любитель и Благодетель. Скажи, пожалуй, ежели бы царь земной позвал тебя за собою, не бросил ли бы ты все и с радостью не поспешил ли бы за ним? А вот Царь царствующих и Господь господствующих, Царь Небесный зовет тебя за Собою: «иди за Мною» — и зовет не к временной чести и славе, но к вечной жизни, к Царству Небесному и славе вечной.

Иди за Мною, иди за Мною, и Я приведу тебя в вечное Мое Царство, к Вечному и Небесному Моему Отцу: «никтоже бо приидет ко Отцу, токмо Мною» (Ин. 14; 6). Блудник, прелюбодей и нечистоты любитель! Услышь глас Господень, покайся и иди за Мною! Злобный мститель и убийца! Услышь глас Господень, покайся и иди за Мною! Тать, хищник, грабитель и лихоимец! Услышь глас Господень: покайся и иди за Мною! Укоритель, ругатель, клеветник и всяк злоречивый! Услышь глас Господень: покайся и иди за Мною! Лжец, обманщик и лицемер! Услышь глас Господень: покайся, и иди за Мною! Всякий грешник, в нераскаянии живущий! Услышь глас Господень: покайся и иди за Мною! Услышь глас Господень, зовущий тебя, услышь глас Того, Который так тебя возлюбил и так милостив к тебе, услышь глас Его: покайся и иди за Мною! Человеке, любимое Мое создание! Я сошел с небес, чтобы тебя на небо возвести: иди за Мною! Я на земли пожил, чтобы тебя соделать жителем Неба: иди за Мною! Я не имел, где головы приклонить, чтобы тебя в дом Отца Моего Небесного привести: иди за Мною! Я трудился, чтобы тебя в вечный покой ввести: иди за Мною! Я обнищал, чтобы тебя обогатить: иди за Мною! Я плакал, болел, скорбел и тужил, чтобы тебе подать истинное утешение, радость и веселие: иди за Мною! Я похулен, поруган и обещен был, чтобы тебя, обещенное Мое создание, прославить: иди за Мною! Я связан был, чтобы тебя от уз греховных разрешить: иди за Мною! Я, Судия живых и мертвых, судим был

и осужден, чтобы тебя вечного Суда избавить: иди за Мною! Я со незаконным именем был, чтобы тебя оправдать: иди за Мною! Я вкусил смерти, смерти же крестныя, чтобы тебя, создание Мое, ядом змииным умерщвленное, оживить: иди за Мною! Я восстал из мертвых, чтобы и ты душою и телом воскрес: иди за Мною! Я вознесся на небо, чтобы и тебя туда вознести: иди за Мною! Я сел одесную Бога и Отца, чтобы и ты прославился: иди за Мною! Я во всем уподобился тебе, кроме греха, чтобы и ты стал подобен Мне: иди за Мною! Я образ твой на Себя восприял, чтобы и ты Мне сообразен стал: иди за Мною! Я пришел к тебе, чтобы привлечь тебя к Себе, тебя, любезное Мое создание отпадшее: иди за Мною! Видишь, человече, любовь Мою к тебе, видишь и Промысл Мой о тебе. За сие ничего от тебя не требую, как только того, чтобы ты Мне благодарен был и шел за Мною, и чрез то спасение со славой вечной получил. Сего я от тебя хочу, да будет убо и твое хотение. Иди убо за Мною, Который алчет и жаждет спасения твоего, и подаст тебе спасение Мое! Возлюби Мою нищету, и будешь истинно богат! Возлюби Мое смирение, и будешь истинно славен и велик! Возлюби Мою кротость и терпение, и будешь истинно тих, покоен и мирен! Оставь землю, и будешь иметь небо! Оставь мир, и будешь иметь в себе Бога! Отрекись себя, и будешь истинно обладать собою! Оставь утеху плоти и мира, и будешь иметь истинное утешение! Оставь богатство тленное, и будешь иметь нетленное! Оставь честь и славу земную, и будешь иметь небесную! Иди за Мною, и будешь иметь все, чего желает душа твоя, но истинное, несравненное лучшее паче всего, что ни оставишь!

Слыши убо и внимай, душа грешная, глас Искупителя твоего Иисуса, иди за Ним. Поспешай, поспешай, возлюбленный, пока зовет, и двери отверсты. Небо отверсто, и входят туда мытари, прелюбодеи и всякие грешники кающиеся; поспешай и ты, бедный грешник, туда же, чтобы получить Царство Небесное. Туда вошли Апостолы, мученики, святители, преподобные и все святые Божии и живут ныне во обителях Небесного Отца; идут туда и ныне многие, и приходят, но только те, кои идут за Пресладким своим Иисусом и благодатию Его вселяются в покое вечном. Душе моя, услышь и ты глас Господень, и прилепись к святой дружине той, и с ними иди за Иисусом, верным вождем, да и в час исхода твоего услышишь глас Его: «в путь узкий хождшии прискорбный, еси в житии крест яко ярем взявшии, и Мне последовавшии верою, приидите, насладитесь, ихже уготовах вам почестей и венцов небесных. — Аще кто Мне служит, Мне да последует: и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет» (Ин. 12; 26). «Иже не пришлет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин» (Мф. 10; 38). «Аз есмь свет миру: ходяй по Мне, не имать ходити в тме, но имать свет животный» (Ин. 8; 12), — глаголет Господь.

Так Христос Господь всякому христианину глаголет: иди за Мною. Но сатана, враг рода человеческого, шепчет во уши человека и отзывает к себе, глаголя: иди за мною. Слышит человек злые шептания его, то есть злые и богопротивные помыслы. О человече! Кого же тебе лучше послушать?

Христа ли Господа твоего, Который хочет тебя спасти и в вечное Свое привести Царствие, — или злого шепотника-диавола, который хочет тебя от Христа Спасителя твоего отвести и в вечную погибель вринуть? Христос есть свет — диавол есть тьма. Христос есть живот — диавол есть смерть. Христос есть истина — диавол есть ложь и отец лжи. Христос есть любитель твой — диавол есть враг твой. Христос есть благодетель твой — диавол есть злотворитель твой. Христос есть истинное и высочайшее добро — диавол крайнее зло. Христос есть Спаситель твой — диавол губитель твой. Христос хочет навеки спасти тебя, на сие бо и в мир пришел ради тебя - диавол хочет навеки погубить тебя. Христос хочет вечную жизнь подать тебе — диавол хочет навеки умертвить тебя. Христос хочет в вечное Свое Царство ввести тебя — диавол хочет в вечное мучение за собою увести тебя. Христос хочет навеки обогатить тебя — диавол хочет навеки нищим тебя сделать. Христос хочет вечно прославить тебя — диавол хочет посрамить тебя. Христос хочет вечно почтить тебя — диавол хочет навеки обесчестить тебя. Видишь, что есть Христос, и что есть диавол, и ради чего шепчет он тебе и отзывает от Христа Господа твоего вслед за собою? Хочет он тебя навеки погубить, как и сам в погибели находится. Вот хитрость его, вот злой умысел его на нас!

Итак, отрекись, отрекись, возлюбленный, злого шепотника того, плюнь на него, как и в Святом Крещении сделал ты, и обратись ко Христу Господу твоему, и последуй Ему верою и правдою, как и обещался Ему в Крещении. Бог твой Он есть, Господь твой, благодетель твой; прилепись же Господу Богу твоему: «мне же прилепятся Богови благо есть». — Но несмотря на то, что диавол — губитель наш, как много людей, которые его слушают и за ним идут! Идут за ним блудники, прелюбодеи и все любители нечистоты. Идут злопамятные, ненавистники, убийцы. Идут непослушные родителям своим, идут воры, грабители, мздоимцы; идут клеветники и все, ближнего своего языком уязвляющие. Идут пьяницы и сластолюбцы, обманщики и все, нерадеющие о своем спасении. Все таковые идут вслед сатаны. А за кем кто идет в сей жизни, с тем он будет и в будущем веке. Вспомни же, человек, который носит на себе имя Христово, а идет за сатаною! Вспомни, как ты отрицался в Крещении от сатаны и от всех дел его, как обещался верою и правдою работать Христу и идти за Ним. Где ныне обеты твои? Богу солгал ты, а не человеку. Вспомни это и обратись ко Христу Спасителю твоему. Он с радостью ждет тебя, ведь Он умер за тебя и готов обнять тебя, как блудного сына! И возрадуются тогда о тебе все Ангелы Божии.

(Из "Сокровища духовного" святителя Тихона Задонского)

465. Слово Кирилла философа о хмельном питии ко всем людям

Так вещает хмель всякому человеку, не токмо простому, но и инокам, и священникам, царям и князьям, богатым и нищим, и убогим, и женам, старым и молодым: "Я, хмель, силен на свете более всех плодов земных от

корня высокого и от племени сильного, и от благородной матери моей сотворен Богом. У меня ноги долги, но не особо крепки, утроба же необъятна, руки мои держат всю землю, а главу свою высоко же поднимаю; ум мой ни единому же неравен и неустроен, языком я многоглаголив, очами срамен. Если кто сдружится со мной и своим меня сотворит, то я, во-первых, сотворю его блудником и Богу немольщимся, во всем безумным, на молитву не встающим и к ночи сонливым, и во зле со сна встающим, зевающим и рыгающим; и наложу ему печаль великую на сердце, а когда с похмелья встает, болезнь его ему главнее будет, ибо очи его света не будут видеть, ум его ни о чем добром помышлять не будет, сладко есть он не захочет, гортань его пересыхать будет, пить будет хотеть, а выпив чашу или другую с похмелья, также опять напьется и без памяти будет многие дни. И воздвигну в нем похоть плотскую на все злые помышления, на дела неподобные, а потом ввергну его в погибель великую, да будет он, человек тот, в безмерном пьянстве, в небрежении ко всем, и оставит он заповеди Божии".

Так вещает хмель: "А если спознается со мной князь, первее всего учиню его гордым и величавым, а затем безумным и несмысленным, лютым особо и немилосердным к людям. И начнет пить он всю ночь с молодыми советниками своими, спать начнет до полудня, перестанет давать людям своим суд правый, а приспешники же его начнут у сирот взятки брать и суд неправый творить: сироты же и убогие вдовицы горько восплачутся и возрыдают о земном своем неустроении. И от всех будет тот князь в поругании и небрежении. Тогда понимает он о своей гибели и горько восплачет о своем безумии, но не будет ему никакой пользы от плача его". Так вещает хмель: "Если спознается со мной игумен или священник, или диакон, или монах, — будет ни Божий, ни людской, и всему миру станет он в ненависть, и сан свой погубит". Так вещает хмель: "А если спознается со мной боярин в сане великом, сотворю его озлобленным и немилостивым, сребролюбивым, и, увидев его таковым, царь или князь извержет того боярина из его сана, а напоследок возрыдает тогда тот о своей гибели". Так вещает хмель: "Если спознается со мной купец, доведу его до убогости и нищеты, и скорбен он будет всем; будет ходить в ризе ветхой и разодранной, и в сапогах утлых; начнет у людей добрых заимовать золото и серебро, закладывать жену и детей. А с подворья ему ничего давать не будут, и никто ему ничего в заем давать не будет, видя его запойным, убогим и во всем неустроенным". Так вещает хмель: "Если спознается со мной селянин, начнет он ходить по пирам, и сотворю его дом пуст, самого его — в долгах, жена и дети его пойдут по людям работы искать". Так вещает хмель: "Если спознается со мной слуга царев или князев, сотворю его князю ненавистным, и будет он ни дворянин, ни селянин, и умрет он в болезни за свое же нестроение". Так вещает хмель: "Если спознается со мной ремесленный (мастерской) человек, как бы ни был он мудр, отниму у него разум и молодость его погублю, и сотворю его злым пьяницей, горше всех людей, и наведу не него дни злые, и рукоделием своим заниматься он не захочет,

только будет хотеть пить, не будет ему добра во всей его жизни". Так вещает хмель: "Если спознается со мной жена, как бы ни была мудра, начнет упиваться допьяна, учиню ее блудницей и воздвигну в ней похоть на блуд, а потом уж ввергну ее в кончину и в поругание, и всем она будет в укор: лучше бы ей не родиться".

Итак, кто не оставит пьянства и злого беснования, сотворит его хмель окаяннее и хуже идола, ибо идола не могут творить ни добра, ни зла, пьяный же человек все злое творит даже и в добром месте. Если бы пил он во славу Божию, ничто бы ему не вредило, так и пишет апостол Павел: «аще убо ясте или пиете, вся во славу Божию творите» (1 Кор. 10; 31). Пьяный же человек во умиление не придет, согрешив, ни в чем не покается и хуже бесного бывает, — бесный на время страждет поневоле, а когда от мучения своего в иной век придет, жизнь вечную примет. От трезвого ума согрешив, человек покается и молится Господу Богу о своем согрешении, и прощение восприимет, и в истине ходить будет. Пьяный же страдает по своей воле, уготовляя себе муку вечную.

Потому мою вас, братие, внимайте себе и трезвитесь, и избегайте безмерного пьянства. Пьяный хуже бесного бывает, ибо бесный хоть в новолуние в себя приходит, а пьяный, напиваясь, всегда беснуется. Пьяный применен только к свинье: свинья куда бы не вошла, ноздрями запах винограда ищет, а как учует его, так и идет к нему; так и пьяный, по улицам ходя, всякого двора двери открывает и слушает: где пьют? — А если где во двор не впустят его, скорбит и сетует, отходит от двора того и всех встречных спрашивает: где еще пиры дают? О заповедях же Божиих пьяный небрежет и о душе своей не радеет, о смерти не поминает, муки грозной и страшной не боится и ум свой тем губит. Молю вас, братие, и заповедаю, скольких многих людей погубило безмерное пьянство! Говорит апостол Павел, что пьяницы не наследуют Царствия Божия, но уготована им мука вечная с разбойниками и убийцами вовек мучиться, как явлено то было Богом еще в древних родах: великие мужи и угодники Божии погибали от пьянства, цари многие от царств своих изринуты были, святители многие святительство свое губили пьянством, сильные силу свою теряли, храбрых меч предавал, богатые нищали, многолетние, начав пить, скоро умирали, здоровые больными становились. Без Божия Суда пьяницы быстро умирают, как и удавленники-самоубийцы. А если кто в пьянстве умрет, тот сам себе врагом и убийцей будет, и сотворит себе другом диавола, пред Богом же в ненависть Его впадет. И подобает нам всячески хранить себя от великого и злого пьянства, ибо в сем великом пьянстве совершается все злое беззаконие: пьянство губит ум, сокрушает здоровье, от него все прибыли теряются. Безмерное пьянство князю сотворит землю его пустой; людей достаточных по миру в работу пускает; простым людям долги соделывает; мудрым художникам ум губит и искусство их портит, ибо не могут они тогда разуметь своего рукоделия; простым ремесленникам соделывает непрестанное воздыхание и горькое рыдание, и убожество. Злое пьянство

братий сваживает в свары и тяжбы. Злое пьянство жен от мужей разлучает, детей в работу отдает. Злое пьянство болезнь и срамоту, и убожество за собой приводит, ногам болезнь дает, рукам дрожание творит и зрение в очах отупляет. Злое пьянство молиться не дает, книг Божественного Писания читать не велит, в умиление не приводит и страх Божий изгоняет, предаёт смерти и в огонь вечный посылает. Пьянство красоту лица губит, даёт случай трезвым к насмешке.

От кого молва, сплетни и скаредство? — От пьяницы. Кому блуд творить? — Пьянице. У кого очи багровы? — У пьяницы. У кого дикий взгляд? — У пьяницы. Кому горе, кому лютость в жизни, кому тяжкое "ох"? — Пьянице.

Не подобны пьяницы ни людям, ни скотам, — только одному диаволу. Ангелы отвращаются от пьяниц, людям они противны и постылы. У пьяницы язык долог, уста не затворены. Кто мерзок Богу, кто скареден? — Пьяница. На ком платье худое? — На пьянице. Кто по улицам ходит и вопит? — Пьяница. Кто нагим, людей не стыдясь, бегаёт? — Пьяница. Кто упивается, кто внезапно умирает? — Пьяница. Кто неподобнее всех, кого смолой обливают? — Пьяницу. Кого в огонь вталкивают? — Пьяницу. Кому чашу вина просить? — Пьянице. От кого смрад великий, кто рано ест? — Пьяница. Кто просыпает заутреню? — Пьяница. Кто постоянно в сварах, стыде и рабстве? — Пьяница. Кого разумными муками мучат? — Пьяницу. Кто в грязи валяется, кто упал и сломал голову? — Пьяница. Кто руку или ногу переломил? — Пьяница. Кто удавился? — Пьяница. Кто грязный, у кого очи подбиты? — У пьяницы.

Молю же вас всех, братие, бегите злого и лихого пьянства. Нехорошо без меры упиваться, помните, братие. Наподобного и злого пьянства избегайте вы, непокорные и грубые люди. Потребно и воду-то в меру пить, а вина же еще меньше принимать, а то лишь ради недомоганий телесных. Помните, что первая чаша идет во здравие, вторая в веселие, третья в пьянство, а четвертая в беснование. Братие, не упивайтесь вином, ибо если огонь искушает золото и серебро и железо твердое, то вино казнит сердце человека. Если и будешь пить, то в меру, тогда и трезв будешь, и мудр, ибо изначально вино сотворено к веселью, а не к безумному пьянству. Веселие души и сердцу — пить вино в меру, горесть же души и пагуба — винное питье многое.

466. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы в Церковных песнопениях

Листок первый.

Небесный вестник в Назарете. — Его благоговение к тайне Благовестия. — Беседа Архангела с Богоматерью.

«Послан бысть Архангел Гавриил с Небесе от Бога к Деве нескверней, во град Галилейский Назарет, благовестити Ей странного образа (неслыханное) зачатие; послан бысть раб бесплотен ко одушевленному граду и двери мысленней, возвестити Владычняго пришествия снитие (приближение); послан бысть воин Небесный к палате Пресвятыя Славы — проуготовати Зиждителю жилище неотъемлемо. — Послан бысть с Небесе Гавриил Архангел благовестити Деве зачатие, и пришед в Назарет, помышляше в себе, чудеси удивлялся: како в вышних Непостижим сый от Девы раждается? Имеяй Престол небо и подножие землю — во утробу вмещается Девичу? На Негоже шестокрилатии и многоочитии зрети не могут — Словом единым от Нея воплотится благоизволи! Божие есть Слово настоящее... Что у бо стою и не глаголю Деве: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! Радуйся, чистая Дево! Радуйся, Невесто Невестная! Радуйся, Мати Жизни! Благословен плод чрева Твоего! — Повеленное тайно (от Бога) прием в разуме, в крове (жилище) Иосифове тщанием (с усердием) предста бесплотный, глаголя Неиску собранней: приклонивши схождением Небеса вмещается неизменно весь в Тя, Егоже и видя в ложеснах Твоих приемша рабий зрак (образ раба) ужасаюся звати Тебе: радуйся, Невесто Невестная! — С небесных кругов слетев, Гавриил в Назарет прииде к Деве Марии, вопия Ей: Радуйся! Зачнеши Сына, Адама древнейшаго, Творца веков и Избавителя вопиющих Тебе: Радуйся, Чистая! — Радуйся, Благословенная! радуйся Препрославленная, Господь с Тобою!»

Далее в церковных песнопениях раскрывается тайна воплощения Христова в виде беседы Богоматери с Архангелом-благовестником. Архангел: «Радуйся, Невестная Мати и неискусобрачная! Не удивляйся странному моему зраку (виду): Архангел бо есмь. Змий прельсти Еву иногда, аз оке ныне благовествую Тебе радость, и пребудеши нетленна, и родиши Господа, Пречистая! — Богоматерь: Что твой вид огненный? Что твое достоинство (какое твое звание) и словес сила (значение)? Зачати Сына провещаваеши Ми, Аз же искуса мужеска не свем. Отъиди далече, да не прельстиши Мене. — Архангел: Божий предстатель (предстоящий пред Богом) есмь; поведаю Тебе Божественный совет (определение): что мене боишися, Всенепорочная, паче Тебе боящагося? Что благоговееши мне, Тебе честно благоговееющему?— Богоматерь: Моя прамати приемши разум змиин (поверив змию), изгнана бысть пищи Божественныя (райского блаженства): темже (посему) и Аз боюся целования (приветствия) странного твоего, стыдящися поползновения (опасаясь падения). — Архангел: Вопию Тебе веселяся, приклони ухо Твое и вонми ми, Божие возвещающу безсеменное зачатие: обрела бо еси благодать пред Богом, еяже никогда обрете другая, Всечистая! — Богоматерь: Дверей Моих отступи, не вещай глаголов, ихже сбытия никакоже можеши показати, Архистратиге. Что Мой ум и душу смущаеши, сия глаголя Ми? — Архангел: Яко многосветлую свещу и Богоделанен чертог вижу Тя; ныне, яко злат кивот, приими, Богоневесто, закона Подателя, благоизволившаго избавити Тобою тленное существо

человеческое. — Богоматерь: Странно есть слово твое; да не прельстиши Мене: Дева бо есмь, брака не знающи, и како вместит утроба Моя, Его же величества небесная (все небо) вместити не могут?—Архангел: Со страхом Тебе, яко раб Госпоже, предстою; с боязнию ныне смотри Ты, Отроковице: как бо дождь на руно (Гедеоново), снидет на Тя Слово Отчее, яко благоволи. — Богоматерь: Являешися яко человек, и како вещаеши глаголы паче человека? Со Мною бо, рекл еси, Богу быти и вселитися во утробу Мою! И како буду, глаголи Ми, вместилище пространное и место свещения Херувимы Превосходящаго? Да не прельстиши Мене лестью, не познах бо сласти, браку есмь непричастна: како убо Отроча рожду?—Архангел: Бог идеже хочет, побеждается естества чин (уступает закон природы), и яже паче человека содеваются, моим веруй истинным глаголом, Всесвятая, Пренепорочная! — Богоматерь: Разумети не могу твоих словес известия: чудеса бо быша множицею, Божественною силою чудодействуема, Дева же роди неискусомужне — никогдаже! — Архангел: Лестно мя вещати помытияеши (Ты думаешь, что я обманываю Тебя), и радуюся, зря Твое утверждение (осторожность). Дерзай, Владычице! Богу бо хотящу удобь скончаются и преславная. — Богоматерь: Обручена Иосифу бых Аз, (но) даже донныне несовокуплена, Архангеле; искуса убо не познавши мужеска, како рожду?— Архангел: Законам естества, Отроковице, не работает Иисус, содетель естества; и Тя да уверит жезл Ааронов, невлажно (без влаги) прорастиший, Тя образовавший, Всенепорочная! Пророческия трубы (святых Пророков) видети издалека сподобишася глубину таинства, егоже слуга есмь, пред дверьми Твоими предстою. — Богоматерь: Слышах Пророка древле прорекша священную некую Деву раждающую Еммануила; хошу же разумети, како естество человеческое претерпит Божества растворение! (соединение с Божеством) — Архангел: Не опалит, не ужасайся отнюдь, утробы Твоя Огонь Божества, Отроковице: купина бо древле Тя, воображаше (прообразовала), горящи, никакоже опаляема, Всечистая! — Богоматерь: Истины проповедниче, освещаем сиянием Бога Вседержителя, глаголи, Гаврииле, истиннейшая: како нетленной бывши чистоте Моей рожду с плотию Бесплотного Слова?— Архангел: Обещаем Бог Аврааму праотцу благословитися в семени его языком (что о семени его благословятся народы); Тобою же днесь обещание конец приемлет. — Богоматерь: Всеми Невместимый и всеми Невидимый, како Сей может вселитися во чрево девиче, еже Сам созда? Како Сего вместит Мое чрево, Егоже величества Небеса вместити не могут? — Архангел: Поведаю Тебе, о Всенепорочная, како иногда скиния Авраамова прият и вмести Бога, Пречистая! Темже (посему) не сумнися ныне, но любезно приими целование (благовестив), Радосте человеком! — Богоматерь: Оскуде князь от Иуды, время наста прочее, в неже явится Надежда языков — Христос; ты же скажи, како Сего рожду, дева сущи?— Архангел: Твоему праотцу Давиду обещаеся Бог посадити на престол царства его от плода Твоего чрева; Тя, Иаковлю доброту, едину избра в селение Слова. — Богоматерь: Дивлюся,

поразумеваючи сия страшные и честные глаголы твоя, и веровати хотящи, помышляю высоты величество, и стыжуся вся, Архистратиге! — Архангел: Дивит, Всенепорочная, и странно бо чудо Твое: едина бо Ты примешь всех Царя, вмещаема во утробе, и Тя прообразуют пророческая речения, и гадания, и законнии образы. — Богоматерь: Како будет, еже рекл еси? Глаголи явственнейше: како зачну, Дева сущи Отроковица? Како же и Мати буду Зиждителя Моего? — Архангел: Ищещи от мене уведети, Дево, образ зачатия Твоего? Но той несказанен есть; Дух же Святыи, зиждительною силою осенив Тя, совершит его. — Богоматерь: Понеже убо Всеблагий благоволи в Мя вселитися паче ума: се, и душою и телом, храм есмь чист и соблюден Ему. — Архангел: Дух Божий Пресвятыи приидет, Пречистая, на Тя, Боговместимая Владычице, и Сила Вышняго осенив Тя, и родиши Сына, соблюдающа Твое девство невреокденно. Сей Сын есть неродословим! Сей явлься спасет люди Своя, яко благоизволи. — Богоматерь: Глагол твоих, Гаврииле, глас радования приемши, веселия Божественного исполнихся.. По глаголу твоему буди Мне, да вселится в Мя Бог! — Архангел: Тебе дадеся радость, Богомати, Божественная: о Тебе еже радуется вся тварь вопиет, Богоневесто: Ты бо едина Мати Сына Божия нареклася еси, Чистая!»

467. Праздник воскрешения Лазаря в Церковных песнопениях

Христос за Иорданом. — Смерть Лазаря. — Дерзновение Фомы. — Господь на пути в Вифанию. — Ад содрогается. — Вопрос Всеведущего. — Слезы Жизнодавца. — "Лазаре, гряди вон!" — Ожесточение иудеев. — Поучительные уроки.

«Душеполезную совершивше (окончив) Четырдесятницу, возопиим (вернии): радуйся, граде Вифание, отечество Лазарево! Радуйтесь, Марфа и Мария, того сестры: завтра бо Христос приходит — гласом оживити умершаго (вашего) брата; Егоже глас услышав, горький и насытый ад, страхом вострепетав, и вельми (сильно) возстенав, отпустит Лазаря, укройми (пеленами) обвязана; Егоже чудеси собор еврейский удивився, с ваием и ветвьми Того срящут, и явятся похваляющии дети: благословен Грядый во имя Господне, Царь Израилев!» — Так поет Святая Церковь в пяток 6-й седмицы Великого поста, приглашая праздновать наутро величайшее чудо Христа Спасителя — воскрешение Лазаря. Но еще раньше, с самого понедельника сей седмицы, она подробно изображает в своих песнопениях сие великое чудо всемогущества Христова.

Так во вторник она поет: «Ныне мертвोगробная готови, Лазаре мудре, скончаешися бо от жизни, утро (завтра) умрети имый, гроб узри, в онъже (в который) вселишися, но тебе Христос паки оживит, воздвиг четверодневна. В среду: Обону (по ту) сторону Иордана плотию ходя, Иисусе с Тобою сущим глагола еси: друг Лазарь уже умре, и погребению ныне предадеся; темже (посему) радуюся, друзи Мои, вас ради, да весте (чтобы вы знали), яко вся

вем, Бог сый непреложный, аще и явлюся видимый человек. Идем убо оживити его! — Днесь Лазарь умерый погребается, и рыдание поют его сродницы. Ты же, яко Провидец и Бог учеником — провещал еси: Лазарь успе, но ныне иду воскресити егоже создал. — Во Иудею, Господи, паки иди рек (когда Ты сказал, что опять идешь во Иудею), ученики устрашил еси: но дерзостно (небоязненно) вопияше Фома: живот есть (Господь — наша жизнь), идем, аще убо и умрём, абие оживем! — На четверток: двоеденствует (второй день проводит) Лазарь во гробе, сущия от века видит умершия; тамо зрит страхи странные, множество неисчетное, держимое адовыми узами... Мария же и Марфа ныне рыдают, видяще во гробе лежаща Лазаря, и болезненно вопиют: аще бы был Христос zde, сродник наш не бы умерл! В пятницу: Что рыдаете горько, жены, имуще (во Христе) живот и воскресение любезное? Идет (Он) оживити ближнего друга, Своим воскресением востание (воскресение) всех (людей) предвозвещали, всех Благодетель. — Грядет Господь: отверзи твоя двери, Вифание! Приими верою Владыку, ибо грядет воскресити от гроба Лазаря, яко един всемогущ. — При дверех Христос, прочее, Вифание, не сетуй: в радость бо преложит плач твой, твое воспитание (твоего уроженца) Лазаря воздвиг из гроба. — Грядущу Ти (Господи) к Вифании, шествие Твоих ног враг ощущаше ад и ногами Лазаревыми прикасаешься, глаголя: аще восхочет звати тя Жизнь, не обленися, но изыди разумел бо (ибо я предчувствую) мое разрушение вскоре. — Молю тя, Лазаре, ад рече, — востани, изыди от заклепов моих скоро, отыди убо: добро бо мне единого отъемлема рыдати горце (оплакивать потерю одного), нежели всех, ихже прежде алча поглотих. Востани отсюда, послушав гласа, Друг бо твой вон приглашает тя. Сей есть прежде воскресивый мертвые! Илия убо воздвиже мертва и Елисей купно (так же), но Сей бе оными (ими) и глаголай, и действуй!»

Но вот Господь уже пришел в Вифанию. «Марфа Марии вопияше: Учитель предстоит и глашает тя, приступи! Она же, скоро пришедши, идеже бе стоя Господь, и видевши возопи, падши поклонися, Пречистые нозе Твои облобызаючи, глаголаше: Господи! аще бы еси zde был, не бы умерл брат наш! — Чудо странное и преславное, како Создатель всех, еже не неведяше, яко неведый вопрошаше: где лежит, егоже рыдаете? где погребеша Лазарь, егоже по мале (скоро) из мертвых жива вам воскрешу аз?»

Наконец Господь уже над гробом Лазаря, Он проливает слезы любви. — «Над мертвецем прослезился еси, Спасе, Человеколюбче, да покажеша всем людям, яко Бог сый, нас ради человек явился еси, и волею прослезился еси, образы нам предлагая сердечные любве. — Ужасошася еси, яко видеша Тя, Спасе, слезяща (при гробе) Лазаря умерша, и глаголаху народи: виждь, како его любяше. — Отцу соприсносущное Слово и Бог ныне яко человек молится, молитвы всех приемляй. — Призываеши убо яко человек Отца; яко Бог же Лазаря воздвизаеши. — Камень, егоже тебе (Лазарю) привалиша погребшия тя, сего взяти Иисус повелев, абие воскреси тя, возгласив тебе: Лазаре, востани, гряди ко Мне... — И послушав бездыханный дыхание

Дающего ему, Тебе, Спаса душам нашим, и востав, отложи тление повелением Твоим... и изыде словом, связанный укройми. Вся можеш, вся Тебе работают, Человеколюбче, вся повинуются Ти: Спасе наш, слава Тебе! Манию (мановению) Твоему, Господи, сопротивися никтоже: егда бо мертвого гласил еси Лазаря, абие бездыханный воставаше, и узы нося, ногами хождаше... и радуясь, еще вопияше: Ты Бог и Создатель мой, Тебе поклоняюся, и пою Воскресившаго мя. — Марфины слезы и Мариины утолил еси, Христе Боже, возгласив Лазаря самовластно, воздвигл еси гласом, и поклонися Тебе. — Гласом силы Христовы потрясошася врата, сокрушишася верей (столбы адовы), разрешишася узы мертвого и ад горько въздыхаше, рыдая, и своим вопияше: увы мне! Кий (какой это) и откуда глас, оживляй мертвые? — Людие видевше ходяща мертвеца четверодневна, удивившеся чудеси, вопияху Избавителю, Бога Тя в песнях величающе. — Ужасошася, Владыко, еврейстии народи, яко видеша воставша мертва из гроба Лазаря, со гласом Твоим, — и пребыша непокорнии чудесем Твоим. О, иудейское безумие! О, омрачение врагов! Кто виде, кто слыша, яко воста человек мертвый смердящий? Илия убо воздвиже, и Елиссеи, но не от гроба, но ниже четверодневна! — Слава Тебе, возгласившему токмо — и из гроба воздвигшему мертва четверодневна друга Лазаря! — Поем Твою, Спасе, непобедимую крепость: костями бо и жилами умерша воздвигл еси словом Твоим, яко всех Создатель, и сего воскресил еси, Спасе, от преисподних, как вдовья сына, суца на одре (погребальном). Общее воскресение прежде Твоея страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже; тем же (посему) и мы яко отроцы, победы знамения носяще, Тебе Победителю смерти вопием: Осанна в вышних! Благословен Грядый во имя Господне!»

Так в песнопениях Лазаревой субботы прославляется великое чудо воскрешения Лазаря. Святая Церковь в этом явлении силы Божией желает и нам дать спасительный урок: «Марфе и Марии подражающе, — говорит она, — вернии, ко Господу послем (впереди себя) божественные (Богу угодные) деяния яко (Марфа и Мария послали Ему) молитвы, да пришед (к нам) наш ум воскресит, мертв лежащий во гробе лености, люте нечувственный, страха божественного никакоже ощущающий и действ живоносных (дел жизни духовной) ныне неимуций, — зовуще: виждь, Господи, и как древле друга Твоего Лазаря, Щедре, предстанием (пришествием Твоим) воздвигле еси страшным, сице всех (нас) оживи, подаяй велию милость! — Лазаря воздвигл еси, Христе, Божественным глаголом, и мене, многими прегрешении умерша, восстави, молюся! — Камень ожесточения отвалилеси, Господи, от моего сердца, умерщвленную страстем воздвигни душу мою, Благий, принести Тебе во умилении ваша добродетелей, яко Победителю ада, сподоби, Владыко: яко да вечный живот улучу, песнослова Твою державу и благоутробие Твое, едина Человеколюбче! — Молитвами Лазаря, Марфы же и Марии нас сподоби зрителей быти Креста и страстей Твоих, Господи, и светоносицы дней и царицы Воскресения Твоего, Человеколюбче!»

468. Беседа в неделю ваий в святой земле

Каждому из вас, братие, известно, что есть страна — Палестина, или Святая земля, а в ней град Иерусалим, и что в той стране жил некогда Сам Господь наш Иисус Христос, принявший естество человеческое от Пресвятой Девы Марии, а во граде Иерусалиме пострадал и умер на Кресте грех ради наших, потом воскрес от гроба в третий день и вознесся на небо к Богу Отцу. Гроб, в котором лежало Пречистое Тело Его, от самых давних времен был благоговейно почитаем христианами, и с тех пор, как благочестивым царем греческим, равноапостольным Константином и матерью его Еленой над Гробом Господним устроен храм во имя Святого Христова Воскресения, туда постоянно стекались и поныне стекаются благоговейные поклонники со всех стран света. Когда Святая земля попала в руки неверных турок и с трудом можно было (а иногда и вовсе было невозможно) достигнуть Гроба Господня, — христиане двинулись на освобождение Святой земли из рук неверных, и целых 200 лет лилась кровь христианская. Святая земля, по неисповедимым судьбам Божиим, осталась по-прежнему во власти турок, но путь ко Гробу Господню стал безопаснее. И снова стали ходить благоговейные люди на поклонение Гробу Господню, и ходят доселе со всех концов света.

"Счастливы, — скажете, — те люди, которых Господь сподобляет поклониться Святому Гробу Христову!" И именно счастливые те люди! Отраднo ступить грешною ногою своею на ту землю, по которой некогда ходил Божественными стопами Своими Господь наш Иисус Христос; отраднo взглянуть на те места, в которых Он жил и учил, и которые освятил Своим пребыванием; отраднo облобызать недостойными своими устами то место, на котором лежало Пречистое Тело Господне, воскресшее и вознесшееся на Небеса со славою. Там молитва пламеннее, там душа легче возносится к Богу и плачет о грехах.

Что же и каждому из нас мешает испытать это действительно великое счастье? Многим, конечно, бедность и житейские заботы; но всякому — путь далекий, страна безвестная, народ неверный и чужой. "Если и достигну я Святой земли, где найду я себе спокойный приют? Кто признает меня и введет в дом? Кто приютит от зноя и жажды, невзгоды и болезни? Кто позаботится обо мне в случае недуга и призрит во время тяжкое? Кто закроет глаза мои навеки, если бы Господь судил мне во Святой земле сложить грешные кости мои?" — Так или почти так рассуждал, может быть, тот из вас, кому приходила когда-либо благая мысль идти во Святую землю на поклонение Гробу Господню. Так рассуждают в подобных случаях и другие; потому-то так мало людей, которые решаются путешествовать в Иерусалим, потому-то странники, бывавшие в Иерусалиме, кажутся нам необыкновенными подвижниками. И точно, до последних годов поклонники Гробу Господню из людей небогатых должны были терпеть всякую нужду в стране чужой, а иные, заболевая, и умирали без приюта.

Но вот нашлись добрые люди, которые взялись общими силами помочь в нужде путешествующим ко Гробу Господню. Составилось общество, которое приняло на себя заботу собирать от всяких доброхотных дателей пожертвованные деньги, устроить во Святой земле и святом граде пристанища для русских странников. Для сбора пожертвований на паломников Гробу Господню поставлены всюду по церквам особые кружки. Кто давал копейку, кто рубль, кто сто и более рублей, иные бросали деньги в кружку, иные прямо отсылали в столицу, в общество. На эти пожертвования до настоящего времени в Иерусалиме и других городах Святой земли — Яффе, Рамле, Кайфе и Назарете, частью построены, частью наняты дома для помещения русских странников и устроены больницы для болевающих, где все путешествующие во Святую Землю будут иметь помещение, а в случае болезни — лекарства и все нужное для больного. Кроме того, близ самого Иерусалима на купленной русскими земле построен собор во имя Святой Живоначальной Троицы, дом для проживающего там русского духовенства с домашней церковью во имя святой великомученицы царицы Александры и обширные здания для паломников. Много легче стало русскому богомольцу в Иерусалиме, и число странников увеличилось впятеро.

Православное Палестинское общество под председательством Великого князя Сергия Александровича, брата возлюбленного Государя нашего Императора Александра Александровича, на добровольные пожертвования купило по соседству с прежними нашими постройками землю для своего подворья, построило ряд новых помещений для паломников. Помещения эти — светлые, большие палаты, при них обширные столовые, кухня, пекарня и все необходимые удобства для паломников. Кроме того, общество это завело во Святой земле несколько школ для туземцев и намерено учреждать там больницы, оказывать помощь бедным жителям Святой земли, особенно тамошним церквам, монастырям и духовенству. Для богомольцев оно имеет уже провожатых, которые водят их по святым местам, значительно удешевило проезд, так что, например, от Москвы до берега Палестинского проедешь за 46 р. 50 к., туда и обратно.

С трудом верится всему тому, что успело сделать это Общество за какие-нибудь шесть лет! Слава Богу! Сердце радуется, когда подумаешь, как хорошо и удобно будет нашим странникам, когда все устроится как следует, от скольких нужд и печалей избавятся наши братья, путешествующие во Святую землю. Тут найдут они пристанище и покой, тут услышат они Божественную службу на родном языке, тут они встретят земляков, которые научат, как и где обращаться в чужой стороне, расскажут и укажут, в каких местах бывал Господь наш Иисус Христос, где именно родился, где жил в детстве с Пречистою Матерью Своею Девою Мариєю и Обручником Ее, праведным старцем Иосифом, где учил потом народ и творил чудеса, где страдал и умер за грехи наши, где погребен и воскрес, и вознесся со славою к Богу Отцу...

А скоро ли, спросите, будет устроено все, что задумали устроить добрые люди для странников наших во Святой Земле? И скоро и, может быть, не очень скоро, — смотря по деньгам. Православное Палестинское Общество, которое добровольно взяло на себя все хлопоты по этому делу, просит теперь всех, кому дорого воспоминание о Гробе Господнем и Святой земле, продолжить свои богоугодные жертвы на это человеколюбивое и богоугодное дело. А Святейший Синод благословил производить сбор по всем церквам раз в год, именно в Вербное Воскресенье, когда мы празднуем торжественный вход во Иерусалим Христа Спасителя. Не поскупимся же, возлюбленные, на жертвы для братьев, наших странствующих во Святой земле. Еще и еще продолжим наши жертвы и Богу угодное дело. Жертвуйте хотя по малой части, сколько кто может. Не говорите: мы бедные люди, что может значить наше малое приношение? Миром все можно сделать, хоть по нитке собирая; а для Бога все равно, что твоя копейка, что других рубли, только бы ты подал по своему состоянию и притом от чистого сердца. Когда Господь наш Иисус Христос жил на земле, сидел Он однажды во храме Иерусалимском близ дверей и видел, как люди, идущие во храм, бросают деньги в корвану, по-нашему в кружку церковную. Богатые бросали много, а одна бедная вдова бросила только две лепты, меньше наших копеек. Что же? Господь сказал тут ученикам Своим: "Эта больше всех подала, ибо все, что имела, отдала Богу". Видите, как много значит у Бога и самая малая жертва, если она подана от чистого сердца?

Не смущайтесь же тем, что ваши жертвы будут малы. Там, у Гроба Господня, поминают в молитвах всех доброхотных дателей, помянут и тебя, как бы ни было мало твое подаяние. А Господь являет Свою милость на всяком, кто любит Его и подает во имя Его. Святая Церковь в своих заповедях повелевает нам ввести странника в дом, подать нищему, неимущему, и вы охотно и с любовью принимаете странников, подаете нищим. Но не все ли равно, будет ли этот странник и нищий у нас пред глазами, или далеко от нас, за тысячи верст? «Милуяй нища взаим дает Богови», — где бы ни находился этот неимущий, требующий пособия. Жертвуйте же, братие, для странствующих на поклонение Гробу Господню. Быть может, кого-нибудь и из вас приведет Господь побывать во Святой земле, тогда и он найдет там пристанище и покой, и добрую помощь, и благословение Божие. Аминь.

469. Божественный Крестоносец

Вот, осужденного, приговоренного к смерти Христа Спасителя нашего, возложив на Него тяжелый Крест, выводят за городские ворота: «изыде нося крест Свой». Какое печальное, плачевное шествие! «Идяше же во след Его народ мног людей, и жены, яже и плакахуся и рыдаху Его» (Лк. 23; 27). И проливает Он Кровь по дороге, «яко да омочится нога Его в крови» (Пс. 67;

24). «Сеющий слезами, сказано, радостно пожнут» (Пс. 125; 5). Вот Христос Спаситель сеет Кровь Свою, чтобы мы могли пожать вечную радость на Небе. Посылал Он некогда слуг Своих на распутья, чтобы убедили нищих и убогих войти в дом Его (Лк. 14; 21), а теперь, вот, Сам выходит на распутье, чтобы нас, бедных и нищих, позвать на вечерю небесную. Покрыл Он некогда всю землю водами потопа, а теперь орошает ее Своею Кровью, чтобы потопить и омыть наши мерзости греховные. Недавно дети встречали Его в Иерусалиме радостным восклицанием: «Благословен Грядый во имя Господне!» А теперь отцы этих детей выводят Его с позором за город и зывают Ему: "Иди от нас, иди, муж беззаконный, ядца и винопийца, друг мытарей и грешников, разоритель нашего закона!"

Кто не пожалел бы сего Странника, с толиким бесчестием изгоняемого! Пришел Он к нам на землю, на время, как бы в гости, а мы первый ночлег Ему дали в вертепе, между животными; потом изгнали Его в Египет к идолопоклонникам. Он опять пришел к нам, а мы не дали Ему места, где главу приклонить: «Во своя прииде, и свои Его не прияша» (Ин. 1; 11). А теперь и совсем изгнали Его вон, да еще с тяжелым крестом на раменах; это мы возложили на Него тяжкое бремя грехов наших! И вот Он исходит, нося Крест Свой, Он, носящий все словом силы Своей (Евр. 1; 3). Идет Он, истинный Исаак, идет с дровом, на котором Он Сам Себя вознесет в жертву за спасение мира... Тяжелый Крест! Под ним падает на пути Тот, Кто яко сильный во бранех, являет силу мышцы Своей... Как было не плакать, при виде сего Страдальца? И действительно, плакали многие добрые сердцем женщины, но Сам же Страдалец и утешал их: не плачьте обо Мне, вам жаль, что Я несу такой тяжелый Крест? Но знайте, что этот Крест Мой есть ключ, которым отомкну Я двери ада и изведу оттуда узника Адама. Этот Крест есть Престол Мой, с которого Я буду благословлять простертыми руками всех людей: «И аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе» (Ин. 12; 32).

Но вот и Голгофа. И Он восходит на гору Голгофу, чтобы весь мир видел Его позорную и жестокую смерть. На Синайской горе дал Он Закон, а на Голгофе Он подписал его Кровию Своей. Там слышны были гласы трубные, — здесь слышатся насмешки и ругательства; там раздавались громы, — здесь раздаются удары от прибавания Христа ко Кресту, когда вонзали острые гвозди в Пресвятейшие руки и ноги Его. «...И распяша Его» (Лк. 23; 33). Обнаженный, простирал Он руки на Кресте, да «от восток солнца до запад будет хвалю имя Господне» (Пс. 112; 3). Простирал десницу и шуйцу Он, Который праведных любит и грешных милует. Простирал обе руки Свои, чтобы нам раздать все то, что Он держит в них: «долгота бо лет в деснице Его, в шуйце же Его богатство и слава» (Притч. 3; 16). Простирал Он руки, готовые обнять и приласкать каждого кающегося грешника и обращающегося к Нему блудного сына. И хотя мы всегда распинаем Его грехами своими, однако же Он, и умирая, не отвращает лица Своего от нас, но, преклонив главу, прощает нас и к Себе призывает... Кого

же призывает Он? Да всех грешников, даже и тех, которые теперь спешат одни перед другими пронзить Его стрелами ругательств и насмешек своих!

И вот, истомленный муками несносными, Он взывает: «Жажду!» Ты ли жаждешь, Иисусе мой? Ведь Ты Сам источник воды живой, Ты Сам призывал к Себе жаждущих: «аще кто жаждет, да придет ко Мне и пьет» (Ин. 7; 37). Ты Сам сказал самаряныне: «аще бы ведали еси дар Божий, и Кто есть глаголай ти: даждь Ми пити: ты бы сама просила у Него, и дал бы ти воду живу» (Ин. 4; 10). Недавно еще Ты молился Отцу Своему, да мимо идет от Тебя чаша сия, а теперь Ты жаждешь сей чаши — жаждешь крестов и поруганий, жаждешь нашего спасения, чтобы и мы с жаждою стремились к Тебе, источнику жизни! А люди напаяют Тебя оцтом и желчию, Тебя, Который напоил их медом из камня в пустыне. «И в жажду Мою напоиша Мя оцта» (Пс. 68; 22). И желчи вкушаешь Ты, Сладость церковная, чтобы напоить нас потоком сладости в Царствии Небесном. И сим-то горьким питием делишься Ты с возлюбленною Своею Матерью, которая стоит под Крестом, — даешь и Ей вкусить от горькой чаши страстей Своих! «Стояше при кресте Иисусове Мати Его» (Ин. 19; 25)! Вопросал некогда Премудрый Соломон: «жену мужественную кто обрящет?» (Притч. 31; 10). Но вот Пресвятая Дева стоит мужественно под Крестом, стоит, невыносимо страдая, и вспоминает пророческие слова старца Симеона: «И тебе же самой душу пройдет оружие» (Лк. 2; 35).

Заходит Солнце наше — Христос на Кресте, а Пречистая Дева как луна стоит под Крестом. Весь мир погружается во мрак; а Она как светоприемная свеча любовью пламенеет... О, Пресвятая Дева! Кому уподоблю Тебя? С чем сравню Твою теперешнюю болезнь, когда умножались печали Твои, как широкое и глубокое море?!

Между тем Христос, простертый на Кресте, молится за убивающих Его: «Отче Отпусти им: не ведят бо что творят» (Лк. 23; 34). Он обнадеживает разбойника: «Аминь глаголю тебе: днесь со Мною будеши в раи!» (Лк. 23; 43). Он поручает Иоанну Матерь Свою: «се Мати твоя!» (Ин. 19; 27). Он взывает Богу Отцу гласом велиим: «Боже Мой, Боже Мой, векую Мя еси оставил» (Мф. 27; 46). И земля сотрясается от гласа Его, и отверзаются гробы, и восстают умершие, и сокрушаются врата адовы... Настает конец Его страданиям: «Совершишася!» — взывает Он. «Дело соверших, еже дал еси Мне, да сотворю!» (Ин. 17; 4). Никто теперь не скажет: «сей нача здати и не возможе совершити. Совершишася!» И вот Он преклоняет главу, приклонивший некогда верх Свой Предтечи. И сим наклонением главы Он как бы благодарит Бога Отца за чашу страданий Своих: «И преклонь главу, предаде дух» (Ин. 19; 30). Дал Бог Отец все в руки Сыну, теперь Сын предает дух в руки Отца. «Жертва Богу — дух сокрушен!» За нас Он предал дух Свой в жертву... Закрывает Господь наш Свои очи, умирает на ложе крестном, а с Ним и небо закрывает свои светлые очи: солнце померкло, затмилось, луна сокрылась... Когда заходит Солнце правды, то настает ночь. Весь мир готов был разрушиться, видя неправду, учиненную Создателю своему. Весь мир

сокрушается, когда Владыка мира умирает. Плачет невеста Христова Церковь, раздирая одежду свою: «завеса церковная раздрася на двое»(Мф. 27; 51).

Раздери же и ты, человек грешный, не одежды, а сердце свое! Сокруши, разбей окаменение сердца твоего на сострадание убогим, выбрось мертвеца — грехи твои, из гроба совести твоей святою исповедью, закрой очи свои, чтобы не видеть прелестей мира сего, и спострадай Христу Спасителю, за нас пострадавшему! «Христу пострадавшу за ны плотию, и вы в ту же мысль вооружитесь» (1 Пет. 4; 1). Проводите день страданий Господних в посте, молитвах и слезах, представляйте себе пред очами душевными распятого за нас Господа. Вспоминайте, что Он претерпел за нас, грешных. «Не судих бо ино что ведети в вас точию» Господа нашего Иисуса «Христа, и Сего распята». Он и да будет в уме и сердце вашем всегда, ныне и во веки. Аминь.

(Из "Слова на Страсти Господни" святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

470. Из записок инока Киприана

Сто лет тому назад в обители Валаамской подвизался инок Киприан. Он был из крестьян, в юности отличался благочестием, потом совратился в раскол и многих православных увлек за собою в заблуждение. Спустя много лет, по молитвам святителя Божия, Новгородского митрополита Гавриила, он познал свое заблуждение, раскаялся, ушел на Валаам и здесь, пожив благочестно, принял схиму с именем Киприана и почил о Господе в 1798 году. Пред самой кончиной сей старец поднялся с постели и благодушно сказал: "Теперь слава Тебе, Господи!"

Он сам написал подробную исповедь о своей жизни в расколе и обращении от заблуждения. Предлагаем здесь в сокращении его поучительный рассказ из этой исповеди. Взятый под стражу за совращение православных в раскол, он не раз покушался на свою жизнь, думая, по внушению диавола, что такая смерть будет ему вменена в мученичество. Но невидимая сила Божия не допустила его до исполнения этого ужасного намерения. Тогда он решился дерзкими поступками добиться того, чтобы его замучили за веру. Вот что он сам рассказывает о себе.

"Меня мучили сомнения, я со всеми спорил, называл всех, убеждавших меня, еретиками и отступниками, а пастырей Церкви, епископов, — мучителями и волками. Но вместо ожидаемых мучений, которых я добивался, потребовал меня к себе высокопреосвященный митрополит Гавриил. Велено было мне обождать у келейника, отца Феофана. Наконец, мне говорят: "Ступай, митрополит тебя спрашивает". Я безумно отвечал: "Не пойду! Что мне делать у него; я его видел много раз, если же и надобен ему, то пусть сам ко приидет". И что же? Кроткий и смиренный святитель, услышав безумные слова мои, не замедлил придти ко мне. С кроткою

улыбкою приблизился он и, положив десницу свою на правое плечо мое, начал увещавать меня самыми кроткими, смиренными и умиленными словами. Я, окаянный, и не встал даже перед ним со стула, на котором сидел, и к этой дерзости прибавил новую. "Зачем долго меня держишь, — сказал я ему, — отсылай, куда надлежит!" — "Подумай-ка, Ксенофонт (так звали меня в миру), — говорил мне ласково владыка, — и рассуди своим умом, для чего я держу тебя. Доход ли какой получаю от тебя, или чести ищущу? Воистину, о душе твоей пекусь, дабы спасти ее от вечной гибели". Тут были священники и купцы, и другого звания люди. Потом святитель обратился к иконе Престой Богородицы, стоявшей на стене и, воздев руки свои, начал молиться: "О всемилостивая Госпоже, Дево, Владычице Богородице, Царице Небесная! Ты Рождеством Своим спасла род человеческий от вечного мучительства диавола, яко у Тебя родился Христос, Спаситель наш. Призри Своим милосердием и на сего, лишеного милости Божией и благодати, исходатайствуй матерним Своим дерзновением и Твоим молитвами у Сына Своего, Христа Бога нашего, дабы ниспослал благодать Свою свыше на сего погибающего. О, Препоблагословенная! Ты надежда ненадежных, Ты отчаянных спасение! Да не порадуется враг о душе его!" — Затем святитель Божий обратился ко Господу с молитвою: "Господи, Боже мой! Ниспосли благодать Твою свыше и ходатайством Матери Твоей, Богородицы, отжени гордого и нечистого беса от души его и согрей теплотою Святаго Духа охладевшее сердце его, дабы мог он слышать вопиющий глас от Святой Матери, соборной и апостольской Церкви, глаголющий: «Повинуйтесь наставником вашим и покаяйтесь: тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще» (Евр. 13; 17) пред страшным Судией. О Господи, помилуй немощь нашу!" Оканчивая молитву эту, высокопреосвященный проливал слезы. Ей! Не лгу, любимицы мои! Гордый бес не выдержал пламенной молитвы достойного пастыря и оставил меня: как будто кто молотом ударил меня по шее, и проснувшаяся совесть, этот неподкупный судья, сильно обличила неправоту мою; от стыда горел я как от огня. Бессовестный, говорила мне совесть, смотри, святитель Божий молится о тебе с воздетыми руками! Смотри, он плачет о тебе пред Богом, а ты, ты не устыдился сидеть перед ним в то время, когда подобало бы тебе стоять и плакать о своем заблуждении!

После сего стало уже ясным для меня то, что прежде казалось темным от помрачения бесовского. Я не отвергал уже более того, что заблуждался доселе: сердце мое смягчилось, я весь переменялся и пред владыкою стоял теперь с благоговением. Заметив во мне такую перемену, святитель продолжал делать мне увещания и делал целое утро, до обеда стоя на ногах. Наконец, он сказал мне: "Если, Ксенофонт, соизволишь с нами пообедать, пойдем, уже пришло время обедать". Такая ласковость и доброта оскорбленного мною архипастыря изумили меня. Я весь растерялся и молчал, горел от стыда и, наконец, пал ему в ноги, прося у него прощения. Простившись со мною, добрый пастырь поручил людям знающим и

обращенным из раскола побеседовать со мною, и они беседовали. Один обращенный из раскола валаамский монах Авраамий, живший прежде долгое время в Стародубских слободах, говорил, как он был на Святой горе Афонской, каких подвижников видел там и что слышал о них, как он был в Киеве. "Заклинаю себя живым Богом, — говорил он, — что почивающие в Киевских пещерах угодники имеют сложение «троеперстное», а не двоеперстное". Я поверил ему и предложил другие сомнения, которые он разрешил все. После сего я с радостью оправился к высокопреосвященному митрополиту Гавриилу, припал к его стопам и просил у него прощения в моем заблуждении и в том бесчинии, какое оказал ему, а с тем вместе просил его присоединить меня к Святой соборной и апостольской Церкви. Святитель Божий порадовался обращению моему и возблагодарил Господа и Пресвятую Матерь Его.

Я с усердием стал посещать храмы Божии. И вот мне пришло на мысль постоять в алтаре во время ранней обедни. "Господи! — зывал я к Царю Небесному, — сподоби мя сие Святое Твое тайнодействие видети". С этими мыслями, проходя по галерее, встретил я бывшего тогда наместником Лавры, а потом епископа Новгородского, Афанасия. Поклонившись ему в ноги и получив от него обычное пастырское благословение, я сообщил ему свое желание и со слезами просил его исполнить оное. "Хорошо, — сказал мне наместник, — я скажу служащему иеромонаху, чтобы он дал тебе место в алтаре". Здесь, проникнутый страхом, я с большим вниманием следил за ходом совершавшейся проскомидии, и когда служащий иеродиакон начал кадить святой алтарь, почувствовал такое благоухание, исходившее из кадила, какого не случалось мне испытывать во всю мою жизнь. Затем во все время, пока совершалась литургия, дух мой восхищен был как бы на самое Небо, так что земного ничего тогда не приходило мне и на мысль. Когда служащий иеромонах, снимая с дискаса звездницу, возгласил: "Победную песнь поюще, вопиюще..." и прочее, тогда я еще более чувствовал благоухание, чем прежде, и помысл в эти минуты говорил мне: стой, и внимай со страхом, хочет Бог чудо велие показать. Когда иеромонах стал призывать Святаго Духа на предлежащие Дары, — казалось мне, что святой престол и иерея окружили Херувимы, равно и весь алтарь наполнился ими. Сам служащий иерей, предстоящий престолу Божию, объят был весь огнем, и лишь только сделал он поклон земной пред святым престолом, вижу — белый голубь, только в меньшем размере, чем обыкновенный, слетел с вышины и стал парить над святым диском, потом возлетел на верх Святой Чаши и, сжав крылья, опустился в нее, а Силы Небесные в это время, падши ниц, поклонились святому престолу. Когда иерей возгласил: "Изрядно о Пресвятей..." и прочее, — Силы Небесные опять поклонились до земли. Когда пропели "Достойно есть", — они в третий раз поклонились, потом окружили иерея, осенили главу его как бы пречудною плащаницею и затем стали невидимы. Смотря на это чудное видение, я дивился величию таинства и в то время много плакал, повергался пред Господом, просил у Него

прощения в своих хулах на Матерь нашу, Святую Церковь. То же было за другой Божественной литургией, за которой, наконец, Господь сподобил меня причаститься Христовых Таин. Возрадовалась тогда душа моя о Господе, и радость моя усугубилась еще оттого, что день этот был праздником праздников — день Светлого Христова Воскресения. Не подумайте, любимцы мои, будто я возвещаю вам теперь о сем из тщеславия. Нет! Я верую, что все сие — плод святых молитв святителя Божиия. Если же решился сообщить на письме о всем случившемся со мною, то это сделал не по своей воле, а ради святого послушания, какое обязан я оказать отцу игумену Назарию, и ради многих братий моих, блуждающих и доселе в расколе".

(Странник, 1863)

471. Красота пасхального богослужения (Беседа на вечерни в день Святой Пасхи)

«Да не знаем, где мы были — на небе или на земле», — так говорили некогда предки наши, выслушав Богослужение в Константинопольском храме... Не повторяете ли сих слов и вы, возлюбленные братие, присутствуя ныне во храме Божиим, созерцая величественные обряды, слушая восторженные песни Святой Церкви? Какое обилие света и фимиама! Какие чудные неумолкающие славословия! Какая светлая неземная радость на душе! Воистину, мы стояли сегодня не на земле, а как будто на самом Небе — в светлых обителях Отца Небесного! И слава Богу, что Он сподобил нас такой радости! А чтобы укрепить ее в себе, чтобы яснее понимать ее, побеседуем, братие, хотя о некоторых светлых особенностях нынешнего Богослужения.

В полночь, по преданию Церкви, воскрес из мертвых Христос Спаситель наш. В полночь собрались и мы во храм, готовые, подобно мудрым девам, сретить Господа, грядущего в полунощи во славе Воскресения. Воздав Святой Плащанице подобающее поклонение, священнослужители унесли ее в алтарь и положили на Святом престоле для того, чтобы видимым образом показать, что Христос Спаситель по Воскресении Своем в течении 40 дней являлся Своим избранным Апостолам и последователям: 40 дней и Плащаница будет зрима на Святом престоле всеми верующими. После сего священнодействия из глубины святого алтаря послышалась песнь: "Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех...". Эта песнь была изображением того, что в то время, когда в Иерусалиме глубокому сну предавались жители, неутешной скорби предавались Апостолы и святые Мироносицы, — на Небе лики бесплотных уже прославляли Воскресшего. А мы сею песнью просим Господа, чтобы Он «сподобил и нас на земли чистым сердцем Его славить». Первую весть о Воскресении удостоились получить святые Мироносицы не в Иерусалиме, а в саду благообразного Иосифа,

подле Гроба, куда они ходили еще в «сущей тьме». Подобно им, и мы вышли из храма, как бы из Иерусалима, обошли его и остановились в притворе, как бы при входе во Гроб Господа. Здесь, воздавши славу Пресвятой Троице, мы в первый раз услышали "Христос воскрес" из уст священнослужителя, представлявшего собою Ангела Божия в белых ризах. С невольным трепетом сердца и сладкими слезами святой радости мы приняли эту весть, и, подобно Мироносицам и Апостолам, стали неоднократно повторять ее, ликуя вошли в храм, весь блистающий огнями, и здесь полились песни хвалы и благодарения во славу Воскресшего.

Как некогда израильтяне, спасенные чудесно от потопления в море, воспели торжественно песнь благодарности Богу, так и у нас священнослужители начинали, а лики продолжают и оканчивают чудные песнопения святого Иоанна Дамаскина, и весь храм наполняется радостными звуками, и в души всех проливается благоговейный восторг. Самыми отрадными минутами в жизни Апостолов были те, когда Господь Сам являлся им, — и вот, чтобы напомнить нам эти святые минуты, священнослужители неоднократно исходят из алтаря и обходят весь храм с крестом, свечами и кадилом. Крест, предносимый неоднократно, указывает на неоднократные явления Господа; благоухание кадила и свет свечей изображают радость, которая наполняла души Апостолов при явлениях Воскресшего. А чтобы всякий слышал причину этого торжественного хождения, священнослужители, благоухая нас каждением, многократно возглашают во всех частях храма: "Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес!" Между тем, песнь хвалы и благодарения не умолкает; она почти одна составляет все утреннее Богослужение и заменяет собою все обыкновенные чтения и песни. Прославив Воскресшего и с Собою все Воскресившего, мы стали приветствовать друг друга с великим и спасительным торжеством, а свое приветствие запечатлевать целованием. Целование это означает, что после Воскресения Избавителя мы все соделались, как и были некогда, детьми Божиими, друзьями Ангелов, братьями между собою, составили одну духовную семью, которой глава и Отец — Сам Господь. О, как блаженны те из нас, которые, давая ближнему это священно-таинственное целование, полагают твердое намерение истребить из сердца своего всякую вражду, всякое неудовольствие! «Простим вся Воскресением» — простим ближнему все ради Христа Воскресшаго, и тогда возрадуются и люди, и Ангелы, и Сам Воскресший Господь! При взаимных приветствиях мы дарим друг друга красными ящиками. Это — подражание святой Марии Магдалине, которая по Воскресении Господа предстала римскому императору, поднесла ему яйцо и словами "Христос воскрес" начала проповедь о Воскресшем Спасителе. Яйцо, как вместилище жизни, служит выражением веры нашей в бессмертие, надежды на жизнь будущую и любви нашей взаимной. Яйцо красное напоминает нам Кровь Христову, которой куплена для нас вечная жизнь.

После сего Святая Церковь предлагает нам проповедь злато-словесного учителя. Светло торжество, радостны святые песни, но у всех ли на душе светло? У всех ли в сердце чистая радость? Все ли приготовились к празднику, как должно? Нет ли таких, что были очень ленивы и небрежны в посте и молитве и теперь в смущении сознают свое недостойнство? И вот, чтобы никто не отделял себя от Святой Церкви, чтобы никем не нарушалось светлое торжество, раздается слово святого Златоуста и обращается ко всем в церкви: "Внидите еси в радость Господа своего... Никтоже да изыдет алчай... никтоже да рыдает убожества... никтоже да плачет прегрешений... никтоже да убоится смерти...". Этими словами великий святитель как бы напоминает нам Христа Воскресшего, Коего первые слова по воскресении были: «Радуйтесь... не бойтесь... мир вам!» Никого не укорял и не обличал Господь в день Воскресения, всех Воскресший приглашал к радости, и мы все приглашены к торжеству и веселию... Но при этом твердо помните, братие мои возлюбленные, что Апостолы по Воскресении остались верными своему Господу до конца, так что никакие лишения, страдания, даже самые тяжкие мучения и смерть не отторгнули их от Господа; будем же и мы верны своему милосердому Спасителю до самого конца жизни своей, ни на что не взирая.

Таковы особенности нынешней Пасхальной утрени. Литургия также имеет некоторые светлые особенности. Желая яснее показать нам, кто Воскресший, Церковь предлагает чтение из Евангелия от Иоанна, друга Христова, который удостоился возлежания на персях Христовых и особенного откровения о Божестве своего Учителя. В этом чтении раскрывается, что Христос Господь есть Предвечное Слово Отчее, Единородный Сын Божий, Бог и Творец всех, Богочеловек и наш Искупитель, от Коего мы приняли благодать на благодать. Так Он исповедуется Небом, так исповедуется и землей. И в знамение сего Евангелие читается всеми священнослужителями, сколько бы их ни было; возвещается на все страны храма, как бы во все стороны света, читается на разных языках, читается по частям, чтобы все легче могли вникнуть и понять читаемое. Наконец, чтобы сообщить светлое благовестие и всей видимой природе, как созданию Божию, при всякой части чтения колокол, благовестник молитв наших, передает благовестие всей неразумной твари, торжественным гулом своим оглашая окрестность на далекое пространство.

Воскресший Спаситель Воскресением Своим отверз Рай для нас. В видимое знамение сего царские врата алтаря постоянно открыты теперь и на утрени, и на литургии, и на вечерни, и все мы видели и освящение Даров, и приобщение ими священнослужителей, видим то, что во все другие дни сокрыто бывает от взоров предстоящих, и на что с благоговением и страхом взирают Херувимы и Серафимы. А чтобы изобразить нашу радость и торжество о Воскресении, чтобы предызобразить будущее наше блаженство на Небе, на все время от Пасхи до Пятидесятницы запрещаются земные поклоны, — в другое время Церковь заповедует их, а теперь — запрещает!

Воскресший Господь до Вознесения Своего являлся Апостолам, благословлял и разделял трапезу их, вкушал рыбу и мед, Сам предлагал таинственным образом приготовленную рыбу и хлеб. В память этих чудных явлений Его Апостолы до самой кончины своей всякий раз, когда вкушали пищу, оставляли за столом одно, и притом главное, место незанятым, и полагали на нем часть хлеба в честь Господа, как бы Он Сам присутствовал среди них. Подобно сему, и мы полагаем во храме хлеб (по гречески артос) с изображением на нем Креста — знамения победы Христовой над смертью, или с изображением Воскресения Его. С этим хлебом мы обходим торжественно кругом церкви и полагаем среди ее на особом столе, в воспоминание Христа, Который есть истинный Хлеб жизни. Вместе с этим Святая Церковь благословляет и окропляет святой водой, освящает обыкновенную пищу нашу, принесенную нами ко храму.

На вечерни праздника Святая Церковь воспоминает одно из самых важных явлений Христа Спасителя. В нем Христос Спаситель не только самым ясным образом доказал Апостолам, что Он действительно воскрес, но преподал им начатки дарований Духа Святаго и возродил в сердцах их полную радость. Чтобы эта радость Апостолов соделалась и нашей радостью, Святая Церковь предложила нам Евангельское чтение от Иоанна, возлюбленного ученика Христова, очевидца сего великого явления. И притом это Евангелие читается не обыкновенным чтецом его — диаконом, а самим священником, изображающим собою Воскресшаго Спасителя; читается оно священнодействующим, вышедшим из алтаря, как бы сошедшим с Неба, читается лицом к народу, чтобы ко всем донеслись слова Евангелия, все услышали слова Спасителя: «Мир вам! мир вам! Приимите Духа Святаго!»

С этими невыразимо радостными словами Спасителя, осеняемые Крестом, как бы благословением Самого Господа, мы изыдем, братие, из храма. Будем же помнить все виденное и слышанное в нем, будем почаще вспоминать Воскресение Спасителя, очистим свою жизнь и в церкви, и дома, и в сердце очистим чувства, да узрим в неприступном свете Воскресения Самого Христа, блистающего и нам. «Радуйтесь» — рекуща ясно да услышим. Аминь!

472. Чему учат нас святые мироносицы

1.

Третья неделя по Святой Пасхе называется Неделей святых жен Мироносиц. Чем же жены Мироносицы заслужили такую честь и память, что воспоминанию и прославлению их Святая Церковь назначила особую в году неделю? Ужели только тем, что в день Воскресения Иисуса Христа, очень рано утром, они носили миро благовонное ко гробу Его, чтобы помазать им Его Тело, за что и названы Мироносицами? Нет. Конечно, этим они доказали, что любили Иисуса Христа; но это было только последнее их дело, которое

они сделали для Него, из любви к Нему, умершему. Нет, еще прежде, гораздо раньше и гораздо больше своей любви к Иисусу Христу показали они. При погребении Его они были; при распятии Его находились; когда вели Его на Голгофу, шли за Ним и плакали; но главное — во все время, когда Иисус Христос ходил по городам и селам и учил народ, эти женщины, одни из первых, следовали за Ним и служили Ему своим именем.

Что привлекало их к Иисусу Христу? Они тогда еще не знали, что Он — Сын Божий, Спаситель рода человеческого, Творец, Вседержитель, Бог. Что же именно заставляло их так любить Его? — Учение, которое Он проповедовал. Никто еще тому не учил, чему учил Иисус Христос, и никто так не говорил, как Он говорил. Из уст Его лилось слово благое, как миро благовонное, и они отойти от Него не могли — все желали что-нибудь от Него услышать. Да, потому-то они и называли Его все больше Учителем только, почти и имени другого у них Ему не было, кроме что Учитель. Итак, вот чем жены Мироносицы заслужили честь и память у Святой Церкви — своею любовью к Иисусу Христу, особенно тем, что любили слушать Его учение и, следуя за Ним повсюду, служили Ему своим именем. Потому не только сами учились у Него, но некоторым образом помогали Ему учить других, доставляя Ему и ученикам нужное для жизни. Так, жены Мироносицы — это были особенные любительницы учения, которое Иисус Христос проповедовал, ревнительницы просвещения, которое Он всюду распространял.

При воспоминании о женах Мироносицах прилично нам вспомнить о наших женщинах. Но что мы о них скажем? Что они любят? Чем увлекаются? В чем время проводят? Чем занимаются? Бедные большей частью работают, трудятся. Но что делают не бедные, богатые? Читают ли, слушают ли что-нибудь нужное, полезное, спасительное, божественное? Некоторые умеют ли даже и читать? Жалуются они часто на пустоту в жизни, на скуку. Да как же и не скучать, как не чувствовать пустоты в жизни, когда они ничего доброго не делают, ничем хорошим не занимаются и живут большей частью себе и другим только в тягость? Ведь нас, как существ разумных, занимать и радовать может что-нибудь умное, дельное, святое, нужное для нас, полезное для других. "Что же делать нам, чем заняться?" — говорят они. — Занимайтесь учением Иисуса Христа, чтением и слушанием его. Вы полюбите Его учение и не отстанете от него. О, какой в нем свет для ума, какая отрада для души, какое веселие для сердца! День и ночь вы стали бы помышлять о нем, вовек не забыли бы его внушений, наставлений.

Что вам делать, чем заняться? Ныне везде по городам и селам так много училищ открывается. Почему бы вам, особенно богатым, достаточным из вас, почему бы не заняться этими училищами, почему бы не послужить для них своим именем, доставляя нужное учащим и учащимся в них? Сколько было бы от этого славы для Бога, пользы для ближних, утешения для вас! Ведь и в этих училищах Христово же учение преподается; таким образом служа училищам, вы, подобно святым Мироносицам, служили бы Христу, единому

во вся веки всех людей Учителю. Что вам делать, чем заниматься? О, сделайте все во имя Иисуса Христа, ради Его, на пользу других, во спасение ближних, и тогда всякое дело как миро благовонное будет улаживать и радовать вас в жизни. Вы заслужите себе добрую славу и оставите по себе добрую память, вечную. Пример святых жен Мироносиц, прославляемых ныне Церковью, да напоминает вам о том, что вы должны любить и чем преимущественно заниматься, а собственное ваше сознание в пустоте своей жизни да вразумит вас, что вы не так живете, как должно, не то любите, не тем занимаетесь, чем бы следовало. Жизнь не по Христе Иисусе, без любви истинной, святой, без дел добрых, без занятий полезных — всегда скучна, пуста. Аминь.

2.

«Мария же Магдалина и Мария Иосиева зряте, где Его (Иисуса Христа) полагаху» (Мк. 15; 47)

Мы ныне творим память святых жен Мироносиц. Достоин Святая Церковь ублажает святых жен Мироносиц за их постоянное усердие к Иисусу Христу. Мария Магдалина и Мария Иосиева непрестанно ходили за Иисусом Христом, когда Он был жив, и от бездыханного Его Тела дотоле не отходили, доколе не было совершенно окончено Его погребение. Вот как всегда обнаруживается усердие к любимому лицу.

Слушатели христиане! В храме Божиим вся жизнь Иисуса Христа повторяется и таинственно совершается: здесь Иисус Христос и рождается, и проповедует, и страдает, и распинается, и умирает, и погребается, и воскресает, и возносится. Этого мало — здесь Иисус Христос Сам невидимо священнодействует и священнодействуется, жертву приносит и в жертву приносится, и приемлет дары и раздается в дарах. Несмотря однако же на то, некоторые из христиан иногда уходят из храма, не дождавшись окончания службы. Что надобно думать о таких христианах? Что они этим обнаруживают? Очевидно, что они этим обнаруживают, — они обнаруживают этим свое невнимание к Иисусу Христу. Как же иначе объяснить сие безвременное, вовсе не христианское обыкновение — уходить из храма Божия прежде окончания Божественной службы? Кого мы любим и уважаем, о том целый день нам бы рассказывали, мы готовы бываем слушать. Но ты и одного часа не хочешь послушать об Иисусе Христе, не хочешь дослушать, как и чем оканчивается жизнь Его. Не явное ли это невнимание к Нему? Да, невнимание, и невнимание самое обидное для Него! Ты обижаешься, когда другой, слушая твой рассказ о чем-нибудь, уходит от тебя, не дослушав его; не обидно ли Иисусу Христу, когда ты, слушая служение Ему и Им Самим совершаемое, уходишь, не дождавшись конца службы? Хозяину дома оскорбительно, когда кто-нибудь из гостей прежде времени уходит от него; не оскорбительно ли Иисусу Христу, когда ты безвременно уходишь из храма Божия, в котором Он — полный хозяин, Владыка и Господь?

Так, слушатели, Иисусу Христу оскорбительно, когда кто из вас уходит из храма Божия прежде окончания службы. И потому-то Бог иногда видимо

наказывает таких людей. Один пресвитер, совершая Божественную литургию, сподобился однажды видеть по правую сторону престола светоносного Ангела, который на хартии записывал всех, кто приходил в храм, а после вымарывал тех из них, которые прежде времени уходили. И что же? Эти несчастные, прежде времени ушедшие из храма, чрез тринадцать дней после того умерли преждевременной смертью. В древности христиане до того были усердны к Божественной службе, что надобно было напоминать им, чтобы они шли из храма. «С миром изыдем», — возглашал тогда священнодействующий, как и доселе возглашается это, — «с миром изыдем», — и тогда уже все уходили с миром «о имени Господни». Будем и мы, стоя в храме Божиим, дожидаться, пока нам скажут: «С миром изыдем», — тогда и будем выходить с миром, с благословением Господним. Аминь.

(Из поучений протоиерея Р. Путятина на 3-ю Неделю по Пасхе)

473. Святая подвижница Павла

Память святой Павлы, как благоговейной путешественницы ко святым местам и редкой подвижницы во всем житии своем, чрезвычайно дорога нам. Она была уроженка Рима, знаменитого происхождения. Воспитанная среди богатства, которому тогда едва ли было равное, она выросла в чрезвычайной неге и не столько ходила, сколько была носима рабами. Но среди всей роскошной обстановки она умела воспитать в себе редкие сокровища душевные. С сердцем благородным, нежным и строго нравственным она соединяла в себе и прекрасное образование ума: говорила по-гречески, как на родном языке, и знала по-еврейски столько, что читала и пела псалмы Давида в подлиннике. В 35 лет оставшись вдовой с шестью детьми, она едва перенесла свою потерю, но восторжествовала духом и благоговейно преклонилась под Божественной десницей, столь болезненно ее поразившей. Она отказалась от света и стала расточать все свои богатства на бедных Рима. Она считала потерей для себя, если нищий и голодный получали помощь от другого. Когда родные укоряли ее, что она разоряет детей своих, она отвечала: «Я оставляю им несравненно большее наследство — милосердие Христово».

Когда вокруг нее стали раздаваться похвалы ее деятельности, она быстро решила бежать из Рима, оставляя дом, детей, родных, имения. Она взяла с собою одну дочь и отправилась в Палестину. Это было зимою 385 года, более полутора тысяч лет тому назад. В Азии, на пути, она встретилась с своим римским другом, пресвитером Иеронимом, строгим подвижником и ученым писателем. Великий знаток библейской земли, он явился для нее спутником, какого только можно было пожелать. Несмотря на все неудобства пути, на горы, веявшие холодом, на рыскавшие всюду шайки арабов, на сырую, расслабляющую зиму, Павла, согреваемая огнем веры, ехала на осле почти безостановочно и думала лишь о том, как бы поскорее достигнуть

Иерусалима. И все окружавшие ее изумлялись непобедимой душевной силе в ее слабом, изнеженном теле...

Вот она в виду Иерусалима. Начальник города выслал ей навстречу почетный конвой, предложил помещение во дворце, — но Павла избрала себе бедный домик вблизи Гроба Господня. Иерусалим был тогда в лучшей поре своего существования. Благодетельный царь Константин и мать его Елена незадолго перед тем восстановили все святые места (три века бывшие в унижении у язычников), соорудили величественные храмы, украсили их с царской щедростью; а богомольцы со всего света обогатили город. Едва появилась она в церкви над Святым Гробом и Голгофою, на нее обратились взоры всего народа, а она ничего не замечала — ни гранитных стен, ни мраморных колонн, ни раззолоченных сводов, ни народа, — она искала только святых мест и была вся проникнута сильным душевным волнением. Сколько слез, вздохов, искренней скорби и трепетного благоговения было излито ею — это знает один Господь, внимавший ей. На Голгофе, повергшись пред Крестом, она молилась так, как бы видела Самого Распятого Спасителя. В часовне Гроба Господня она припала к камню, отваленному Ангелом, обвила его руками, и никто не мог бы оторвать ее от него. Но когда она проникла в самую пещеру Гроба и колени ее преклонились на месте погребения Спасителя, она обняла руками каменное возвышение, на котором лежало Пречистое Тело, и лишилась чувств. Потом, собравшись с силами, она покрыла поцелуями эти покинутые камни, с горячим чувством припадала к ним, словно к ручью, утоляющему пламенную жажду, ручью, которого так долго искала... Проходя далее, она с трудом отрывалась от каждого святого места, и то лишь затем, чтобы поклониться пред другим.

Мы не станем следовать по всему пути Павлы и пойдем за ней прямо в Вифлеем. Вифлеем, родина Давида и Христа, был тогда простой деревней, только над Вертепом возвышался великолепный царский храм. Здесь по витой лестнице она спешно спустилась в Вертеп. Распростершись на каменном полу, погрузившись в созерцание великого таинства, совершившегося на этом самом месте, Павла пришла в тот неопиcуемый восторг, когда человек, забывая все окружающее, переносится духом в иной, неземной мир, в мир видений. "Клянусь тебе, — говорила она Иерониму, стоявшему возле нее на коленях, — я вижу Святаго Младенца. Вот Он, Дева Мать берет Его в Свои объятия, с какою нежностью заботится о ней престарелый Иосиф! Я слышу первый крик Младенца; вдали раздаются шаги пастухов и пение Ангелов...". И Павла плакала, радовалась и молилась в одно и то же время. Она вспоминала все пророческие места Писания и говорила их, как они ей приходили на память — по латыни, по-гречески, по-еврейски, и сама в пророческом восторге взывала: "И я, негодная, грешница, сподобилась целовать ясли, в которых плакал Господь-Младенец, молиться в той пещере, где Дева Отроковица родила Дитя Господа! Здесь будет мое жилище, потому что мой Спаситель избрал здесь Свое; отечество моего Бога будет местом и моего покоя!"

Все места в Вифлееме и окрестностях она осматривала как родные, с радостным волнением. А когда ей подле Хеврона предложили взглянуть на один старый город, прославленный ученостью жрецов и левитов, она улыбаясь сказала: "Ученый город! Нет, мы не нуждаемся в нем. Можно пренебрегать буквою убивающей, когда есть Дух Животворящий".

Мы не последуем за ней в ее путешествии по всей Палестине, Самарии, Галилее, где часто она шла пешком по каменистым тропинкам и взбиралась на самые высокие горы. Довольно сказать, что везде она горела тем же пламенем веры, везде сострадала несчастным, проливая слезы и молилась о всех. Посетив потом Египетскую пустыню и подвижников в ней, она возвратилась в Вифлеем, чтобы поселиться в нем с своею дочерью навсегда. Здесь она прожила 20 лет. Сначала она приютилась в тесном странноприимном домике и три года строила келлии, монастыри, гостиницы по дороге, где некогда Мария и Иосиф не нашли места, где приклонить голову. Основав женскую общину, она сама вступила в нее с своею дочерью. Здесь эти две женщины, которые не могли прежде терпеть уличной грязи, которым очень трудно было ходить по неровной почве, которых носили слуги, для которых тяжела была шелковая одежда, — эти женщины, теперь одетые в скромное грубое платье, приготовляли свечи для дома Божия, топили печь, мели полы, чистили овощи, готовили кушанья, накрывали столы, подавали чаши, проворно ходили туда и сюда и, сравнительно с прежним, стали здоровее и сильнее. Мать не уступала своей дочери ни в трудах, ни в заботах. И среди множества сестер, собранных ею из всякого сословия, она по одежде, по голосу, по виду и приемам казалась самой низшей из всех. На кровати своей она не знала мягкой постели даже во время жесточайшей лихорадки. Разостлав полость, она спала на жесткой земле. Но в отношении к другим, даже самым простым людям, никого не было снисходительнее ее, никого не было приветливее. Бедным она помогала, богатых уговаривала к помощи. Одалживая других, она часто сама делала заем, чтобы никому из просящих не отказать в помощи. Она дала обет Христу — раздать все свое богатство, самой умереть нищей, не оставить дочери ни одной копейки и лечь в свою могилу в чужом саване. "Если попрошу я, — говаривала она, — найдутся многие, которые дадут мне; а если этот бедняк не получит от меня, которая может дать ему, и умрет, — с кого тогда взыщется его жизнь?"

В обители ее каждый день в 3-м, 6-м, 9-м часу (считая по-восточному), вечером и в полночь собирались сестры и пели псалмы в обширной зале, а по воскресным дням ходили в церковь. Молодых, резвых девиц она смиряла постом; если видела какую-либо разряженную, она печально обличала и говорила, что "роскошь одежды и нега тела — признак нечистоты души". Когда заболевали другие, она доставляла им в изобилии все и даже кормила мясною пищею; но когда сама заболела, она ни в чем не ослабляла своей строгости к себе. Вот она, с истомленным, старческим, дряхлым, маленьким телом заболела жестокой горячкой в июле, только Бог мог сохранить ее. Кое-

как стала она поправляться, врачи предписали ей пить легкое вино, чтобы не развилась водяная, пресвитер Иероним упросил патриарха, чтобы он святительским словом убедил и даже принудил ее пить вино. И когда патриарх после долгих увещаний вышел от нее, Иероним спросил его, что он успел сделать, — патриарх отвечал: "Я так успел, что меня, старого человека, она почти убедила не пить вина..."

После таких 20-летних подвигов, она, наконец, заболела предсмертной болезнью и радовалась. Уже много лет она повторяла слова Апостола: «кто мя избавит от тела смерти сея?»—а теперь, когда только в груди ее трепетал огонек жизни, она шептала стихи из псалмов: «Господи, возлюбих благолепие дому Твоего... Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил!» На заботливые вопросы близких она отвечала по-гречески, чтобы сильнее уверить их, что она нисколько не печалится и на смерть смотрит спокойно. До самой последней минуты, уже бессильная поднять руку, она, положив палец на уста, творила на них крестное знамение. Последним словом ее было: "Верую видети благая Господня на земли живых". И вот, вместо плача и рыданий, над телом усопшей запели на разных языках псалмы, ее несли на руках своих епископы, другие епископы несли впереди лампады и свечи. Поставили ее среди церкви Вертепа Христова, не осталось ни одного монаха в пустыне, который бы не пришел помолиться о ней; вдовы и бедные приносили и показывали одежды, от нее полученные; нищие кричали, что они потеряли в ней мать и кормилицу; молитвы о ней почти не прерывались целые три дня, и все это время лицо, ее было исполнено некоторого достоинства и важности, так что всем она казалась уснувшей в глубокой думе. Похоронили ее тут же, подле Вертепа, под церковью. И еще до сих пор цел надгробный камень над нею; на камне — надпись, начертанная Иеронимом, и благочестивые поклонники поклоняются ее святым останкам. Рядом с нею почивает ее блаженная сподвижница — дочь Евстохия.

474. Святой инок – труженик для отечества

В юго-западном притворе Троицкого Собора Сергиевой Лавры, там, где, по преданию, была келлия преподобного Сергия, у окна под спудом почивают мощи одного из достойнейших настоятелей сей святой обители — преподобного Дионисия, Радонежского чудотворца. Это был не только великий в своем смирении инок-подвижник, но и преданнейший сын Русской земли, один из тех крепких борцов за ее целостность и благоденствие, каких Господь посылал ей в годину тяжких испытаний в лице смиренных служителей Святой Церкви Православной. Вот краткие сведения о его жизни и подвигах.

Преподобный Дионисий, в миру Давид, уроженец г. Ржева, еще в отрочестве отличался скромностью: избегал детских игр и шалостей, терпеливо переносил обиды нелюбивших его за это сверстников и с усердием

учился грамоте. По желанию родителей он вступил в брак и за свое благочестие был рано удостоен священства. Но семейным счастьем ему пришлось недолго утешаться; в течение шести лет Бог призвал к Себе его жену и двух малюток, и он, свободный от мирских забот, принял монашество с именем Дионисия в Старицком Богородицком монастыре. Там он скоро был сделан казначеем, а в 1605 году и архимандритом обители. Через пять лет Патриарх Гермоген перевел его на место настоятеля Троицкой Лавры, которая еще не оправилась после осады поляков и нуждалась в хорошем благоустройстве.

Ужасное и тяжкое то было время для Русской земли, время, которое русский народ в своей памяти прозвал "лихолетьем". Москва была в руках поляков. Народ страдал от зверства польских и казацких шаек. Толпы русских людей обоего пола, нагие, босые, измученные, бежали к Троицкой обители, как к единственной, выдержавшей напор врагов, надежной защите. Одни из них были изуродованы огнем, у иных вырваны на голове волосы; множество калек валялось по дорогам: у одних были вырезаны ремни кожи на спине, у других отсечены руки и ноги, у иных были следы ожогов на теле от раскаленных камней. Архимандрит Дионисий посылал монахов и монастырских слуг подбирать несчастных по окрестностям, привозить в монастырь и лечить. Для этого он приказал выстроить больницы и странноприимные дома; приказывал всех кормить, поить, лечить, давать одежду и обувь. Он решился употребить на доброе дело всю монастырскую казну. "От осады большой Бог избавил нас, — говорил Дионисий, — а что если за леность и скупость еще хуже смирит? Что у нас есть хлеба ржаного и пшеницы, и квасов в погребе, — все отдадим, братие, раненым людям, а сами будем есть хлеб овсяный; и без кваса, с одной водой, не умрем!"

Он сам за всем смотрел и наблюдал, чтобы у людей, которым давали приют, был мягкий хлеб и свежая пища, сам осматривал больных, давал лекарство, причащал умирающих, ни день, ни ночь не знал покоя. Но этого было мало для святой души Дионисия, его любящее сердце томилось страданиями за всю Русскую землю. И вот в келлии архимандрита собираются скорописцы и переписывают послания Дионисия и его келаря Авраамия Палицына; в этих посланиях смиренные иноки — доблестные сыны Отечества, призывают русский народ к братскому единодушию и к защите разоренной врагами родной земли. "Православные христиане, — писалось в этих посланиях, — вспомните истинную Православную веру и покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтобы быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских (изменников Отечеству) и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей! Сами видите, какое разорение учинили они в Московском государстве: где святые церкви Божии и Божии образы? Где иноки, сединами цветущие, инокини, добродетелями украшенные? Не все ли до конца разорено и поругано злым поруганием, не пощажены ни старцы, ни младенцы грудные... Пусть служилые люди без всякого мешканья спешат к

Москве... Смилуйтесь, сделайте это дело поскорее, ратными людьми и казною помогите, чтоб собранное теперь здесь, под Москвою, войско от скудости не разошлось. Если мы прибегнем к Прещедрому Богу и Пречистой Богородице, и ко всем святым и обещаемся сообща сотворить наш подвиг, то милостивый Владыка Человеколюбец отвратит праведный Свой гнев и избавит нас от лютой смерти и латинского порабощения!" — С такими воззваниями спешили из Лавры гонцы в разные города и полки России. Троицкие грамоты ободрили народ.

Особенно сильно было воодушевление в Нижнем Новгороде. Здесь восстал на защиту родной земли приснопамятный муж Козьма Минин; по его призыву собралось ополчение и под начальством князя Пожарского двинулось на защиту осажденной Москвы. Преподобный Дионисий сам благословил на горе Волкуше это воинство на брань. И с Божией помощью столица была очищена от врагов. В числе первых явился преподобный архимандрит после победы в Москву на Лобное место благодарить Бога за спасение Отечества. Среди этих забот и трудов для спасения Отечества Дионисий успел поправить и вверенную ему Лавру.

Казалось, после столь великих заслуг преподобного для Отечества и Лавры наступило для него время отдыха и упокоения. Не то судил Бог. Царь Михаил Феодорович, зная благочестие и ученость Дионисия, поручил ему в 1616 году исправить "Требник" от грубых ошибок, которые вкрались от времени. Дионисий и его сотрудники с усердием и благоразумием занялись этим делом и чрез полтора года представили исправленный ими "Требник", в Москву на рассмотрение Собора. Но Собор, по наветам врагов преподобного, без вины, как еретика, осудил его на лишение сана и заключение. За исправление "Требника" Дионисию пришлось много претерпеть незаслуженных оскорблений и мучений. Его заключили в Новоспасский монастырь, морили голодом, томили в дыму бани, заставляли класть каждый день по тысяче поклонов. Преподобный, укрепляемый Господом, не только выполнял наложенную епитимью, но еще от усердия своего клал другую тысячу поклонов ежедневно. По праздникам его водили, а иногда возили верхом на кляче еще до обедни к митрополиту на смирение. Здесь в оковах он стоял на открытом дворе в летний зной до вечерни, не освежаемый и чашею студеной воды. А грубые злобные невежды всячески ругались над ним, бранили, толкали, бросали в него грязью... Преподобный был весел, как младенец. "Мне грозят Сибирью и Соловками, — говорил он, — но я рад тому, это жизнь мне". Когда другие с состраданием говорили: "Что это за беда с тобой, отче?" — Он отвечал: "Беды нет никакой, а милость Божия; преподобный Иона, митрополит, смиряет меня по делам моим, чтобы не был я горд". Страдания его продолжались целый год и только в половине 1619 года, наконец, была удостоверена невинность преподобного приехавшим в Москву иерусалимским патриархом Феофаном. Последний испросил одобрение исправлений Дионисия от всех восточных патриархов и, служа в Лавре, сам возложил на страдальца веры свой святительский клобук.

Вся жизнь преподобного была жизнью истинного Божия подвижника. Большую часть времени он проводил в молитве: в келлии читал Псалтырь с поклонами, Евангелие и Апостол, вычитывал сполна акафисты и каноны; в церкви, выстаивая все положенные службы, Дионисий совершал, кроме того, ежедневно от 6 до 7 молебнов. Ложился спать за три часа до утрени и вставал всегда так, что успевал еще положить до нее триста поклонов. В церкви соблюдал строго церковный устав, сам пел и читал на "клиросе, выходил с братиею на черные труды и работы. В обращении с иноками был кроток, прямодушен. В самый день кончины своей он отстоял литургию и только пред вечерней, почувствовав слабость сил, пригласил братию, со всеми простился, принял схиму и мирно преставился ко Господу 12 мая 1633 года. Сам Патриарх Филарет пожелал совершить над ним отпевание, для чего святые мощи его и были привезены в Москву, в Богоявленский монастырь, а потом возвращены в Лавру для погребения.

Помолимся Господу, братие читатели мои, чтобы не оскудевали на Русской земле такие доблестные сыны Отечества и подвижники благочестия. Ими, их молитвами и трудами крепка наша святая Русь, ибо они-то и есть семя святостояния ее!

475. Слово любви старца святителя (к называющим себя старообрядцами)

Маститый первосвятитель Киевской Церкви, митрополит Платон, по случаю совершившегося в 1889 г. девятисотлетия Крещения Руси, обратился с пастырским посланием к называющим себя старообрядцами. С глубокой скорбью святитель вопрошает мнимых ревнителей старины: почему никто из них не принял участия в этом торжестве Святой веры нашей? Они-то, казалось бы, и должны были праздновать введение в России той веры Христовой, которая принята была при Князе Владимире, потому что они любят называть себя "староверами и старообрядцами". Послание все проникнуто духом отеческой любви к заблудшим. Предлагаем нашим читателям главные мысли из этого послания. Возлюбленные братья о Христе! Не по крови только вы братья наши: у нас с вами одна и та же вера, возросшая и процветшая из одного и того же корня правоверия, насажденного в Русской земле Князем Владимиром, «един у нас Господь, един Бог и Отец всех» (Еф. 4; 3,6). Вы вместе с нами принимаете и храните все, постановленное древними святыми Отцами и Соборами. Нас с вами, братья, разделяет не вера, которая, по выражению апостола Павла, есть «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11; 1) и всеми должна быть исповедуема без изменения. А во внешнем выражении (или обряде) богопочтения Церковь Христова допускает разнообразие, да и во внешнем выражении богопочтения мы расходимся только в некоторых частностях.

Мы свято чтим и храним Богослужебный чин, составленный святыми Отцами на основаниях, положенных Иисусом Христом и апостолами Его. Но ведомо вам, братия, что этот чин не вдруг устроился, а составлялся постепенно, обогащаясь с течением времени молитвами и песнопениями. В обрядах разных местных церквей история указывает разности; но эти разности не разрывали у тогдашних христиан союза мира и общения любви. Вы хулите Святую Церковь нашу за то, что она принимает не такое начертание спасительного имени Иисуса, какого вы держитесь, допускает не только осмиконечную, но и четырехконечную форму Креста, повелевает слагать не два, а три перста для крестного знамения, троит, а не двоит при Богослужениях слово "Аллилуиа " и тому подобное. Братия! Не от таких обрядностей зависит наше спасение! Богу угодна молитва наша не тогда, когда мы слагаем два или три перста для крестного знамения, когда двоим или троим слово "Аллилуиа ", а тогда, когда молимся усердно, от чистого сердца и с твердою верою в Спасителя нашего Иисуса Христа, храня между собою мир и любовь (Мк. 11; 24-26. Мф. 21; 21).

Братия возлюбленные! обратите внимание и на то, что священноначалие Российской Церкви не без нужды предприняло исправление в ней старопечатных богослужебных книг и очищение богослужебного обряда. В старых книгах, как вам известно из определений Стоглавого Собора, от неискusstва переписывающих оказалось много погрешностей, и в церковный обряд незаметно внесены были некоторые новшества, каких не было в Греческой Церкви, предавшей нам с христианскою верою весь богослужебный чин. Греческие святители, приезжавшие в Россию, упрекали представителей нашей церковной власти в сих новшествах и требовали их исправления для согласования во всем церковных уставов наших с уставами греческими. Это исправление, необходимость которого сознавалась первыми российскими патриархами, и к которому с особенным усердием приступлено было при патриархе Иосифе и его преемнике, совершено было согласно с тем, что принято было издревле и сохранилось в Греческой Церкви.

Если вы считаете наши богослужебные книги и наш богослужебный чин испорченными, пусть желающие из вас узнать истину отправятся на святой Афон, в Иерусалим, Синай — и они увидят, что в этих святых местах, где наиболее хранятся древние уставы, такой же богослужебный чин, как в нашей Церкви, и нет тех разностей, каких вы держитесь и ради коих удаляете от церковного единения с нами. Рассудите же беспристрастно, хорошо ли вы делаете, что ради таких разностей не хотите иметь, вопреки апостольской заповеди, духовного единения с нами «в союзе мира» (Еф. 4; 3); а вместе размыслите и о том, каких великих благ лишаете вы себя, уклоняясь от общения с нашей Святой Церковью, каким опасностям подвергаете свое спасение. Вы лишаете себя правильного священноначалия, которое необходимо должно быть в истинно Христовой Церкви (Тит. 1; 5), а у вас его нет (ибо известно, откуда и как вы приобрели своих епископов и священников, и кем определяются ваши наставники веры). Между тем, в

нашей Церкви оно доселе, по благодати Божией, непрерывно от апостолов передается чрез таинственное святительское рукоположение. Вы лишаете себя благодати Божией, преподаваемой в таинствах церковных, которые могут быть спасительны только тогда, когда совершаются священными лицами, законно получившими власть на это чрез преемственное рукоположение у апостолов, «строителей Таин Божиих» (1 Кор. 4; 1. Иак. 5; 14, 15. Деян. 8; 14). Чуждаясь Святой нашей Церкви, которая одна может назваться истинною Христовою Церковью, потому что имеет все принадлежности такой Церкви (именно: правую веру, Закон Божий, правильное священноначалие и законно совершаемые Таинства), вы не можете твердо надеяться и на спасение душ ваших, ибо вы знаете, что, по учению святых Отцов, «вне истинной Христовой» Церкви, как вне корабля на бурном море, «нет спасения».

Вас смущают клятвы, произнесенные на Московском соборе 1666 г. Но они произнесены не на те обряды, каких вы держитесь, в отличие от нас, а на тех, которые ради этих обрядов отступили от Православной нашей Церкви и дерзают произносить на нее тяжкие хулы. Оставьте напрасную неприязнь к ней, не противьтесь ее материнскому желанию примириться с вами, напротив, выразите сыновнюю готовность воссоединиться с нею. Тогда Святая Церковь наша примет вас в свои объятия с такою радостью, с какою милосердый отец в известной притче Спасителя (Лк. 15; 11-24) принял сына своего, удалившегося от него «на страну далече», когда этот сын с раскаянием возвратился в дом его.

Братия! Я, восьмидесятипятилетний старец, стоящий одною ногою в гробу, и слугитель Божий, обязанный поучать других истине, не могу обманывать вас, а тем паче внушать вам что-нибудь худое. Послушайтесь же меня, или лучше послушайте самого Бога, призывающего вас чрез меня в общение с нашей Церковью, и примиритесь с нею. Для этого она не потребует от вас ничего, кроме сыновнего послушания ей в духовных делах, и дозволит вам те обрядовые особенности, которыми ныне отличается ваше Богослужение от нашего, если вы оные не хотите оставить для полного согласия с нею во всем. Что же в таком случае может препятствовать воссоединению вашему со Святой нашей Церковью? Совершенно ничего. Между тем, сколько вы сделаете добра, примирившись с нею! Вы утешите эту общую Матерь нашу, искренно скорбящую о напрасном отчуждении вашем от нее, и будете пользоваться правами верных чад ее, получите то, чего недостает ныне для вашего спасения, и сбросите с себя постыдное имя "раскольников". Прекратите ваши распри и разделение с православными, весьма вредные не только для них и для вас, но и для Отечества нашего, потому что они нарушают спокойствие и ослабляют крепость его (Мф. 12; 25). Доставите тем самым великое удовольствие доброму Царю нашему, который, как истинно Благочестивейший, искренно печется о преспеянии Православной Христовой веры в нашем Отечестве и мирном житии всех подданных его «во всяком благочестии и чистоте» (Тим. 2; 2). Вот сколько

добра вы можете сделать своим примирением с нашей Церковью! Если же вы не послушаете гласа, призывающего вас к миру с нею, но упорно будете оставаться в неприязненном удалении от нее, то, со скорбью говорю, горе вам! Говорю это потому, что святые Отцы тяжко осуждают тех, которые удаляются от Церкви Божией и остаются в расколе. "Не имеющий Матерью Церкви Божией, — говорят они, — не может иметь Отцом своим Бога"; "грех отступивших от Церкви Христовой, хотя бы они предали себя смерти за исповедание имени Христова, не омоется и самою кровью"; "отделившийся от Церкви, хотя бы жизнь его была достойна похвалы, за то одно беззаконие, что он отторгнулся от единения со Христом, не будет иметь жизни вечной, но гнев Божий пребывает на нем" (Святого Киприана Карфагенского "О единстве Церкви" и блаженного Августина "Послание"). Такая страшная участь ожидает и вас, братия, если вы умрете в удалении от нашей Святой Церкви, матерински пекущейся о спасении чад ее. Поспешите же примириться с нею ко спасению душ ваших!

476. Чему учит нас святой апостол и евангелист Иоанн Богослов

Многому учит нас своей жизнью святой апостол и евангелист Иоанн Богослов. Он был возлюбленный ученик Иисуса Христа. За что возлюблен был? За то, что сам Иоанн крепко возлюбил Господа. Смотрите, при Кресте ни одного нет из апостолов, а Иоанн тут. Какого еще нужно более сильного доказательства любви?

Мы, братие, часто жалуемся и говорим: забыл нас Господь, не дает, чего мы просим у Него. Но чем говорить такие слова, лучше спросить себя: сами-то мы помним ли Его? Сами-то чем доказываем свою любовь к Нему? Ах, как часто эта любовь у нас только на словах, а на деле никакой жертвы, никакого подвига, никакого даже самого легчайшего доброго дела не сделаем во имя Его. Поститься не можем, молиться не хочется, в храм ходить некогда, милостыню подать — сами нуждаемся, обиду перенести тяжело... Сами не помним Господа, а желаем, чтобы нас Господь помнил; сами холодны к Нему, а хотим, чтобы всеми земными благами нас осыпал Он. За что же? Господь так много делает для нас, что и исчислить невозможно Его милостей, с головы до ног осыпаны Его милостями. Одно долготерпение Его к нам — какое сильное доказательство горячей любви Его к нам! Нет, не унывать нужно, когда нам кажется, будто Бог забыл нас, — неправда это, — Он ли забудет Свое создание? Надобно самим нам заботиться, чтобы всем сердцем любить Его, нашего Творца и благодетеля. Если хотим слышать правду, то надо сказать, что первый, самый главный и самый общий грех наш — это недостаток в нас самих любви к Нему. За холодность и неблагодарность к Богу много придется отвечать нам, так возлюбленным от Бога!

Иоанн Богослов был девственник — и смотрите, какая награда за соблюдение девства! Христос Спаситель Пречистую Матерь Свою, Приснодеву, вручает на попечение ему. Видите, братие, как приятно Господу девство, соблюдение чистоты душевной и телесной, как приятно Ему целомудрие! Но где ныне эти целомудренные юноши? Как немного их! Как многие из них давно-давно потеряли свою невинность, давно осквернили одежду чистоты, которую получили в Крещении! Каких слез достойны эти юноши и девы, потерявшие самое дорогое в себе, что должно более всего в этом возрасте украшать их, как христиан! Но все вы, потерявшие чистоту девства своего, подумайте, как в молитве приступите вы к Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим Матери Господа? Как приступите к Святейшему и Чистейшему паче солнца Господу Искупителю и Благодетелю своему? Как, наконец, предстанете на Страшный Суд Его? И к царю земному нельзя предстать в одежде убогой, нечистой, тем более к Царю Небесному страшно предстать с душою и телом оскверненными. Подумайте об этом все, знающие за собою грехи плотской нечистоты, вразумитесь, покайтесь и научитесь Богу Святому служить в чистоте и святости. Господи! Спаси наших юношей. Дай им дух целомудрия, — да будут они возлюблены Тобою, как возлюблен Тобой великий апостол Твой, девственный Иоанн.

Святой Иоанн был один из самых ревностных проповедников Евангелия. Он всю жизнь посвятил этому делу, всюду возвещал о Христе: и на корабле, и в заточении, и скованный, и свободный, одно он дело знал — проповедь Евангельскую. Но как же иначе? Это долг, это призвание его, это прямая обязанность его. Разве мог Апостол не говорить о том, чем преисполнена была душа его, в истине чего искренно и глубоко был убежден он? О Возлюбленном разве может не говорить любящий Его? А мы, братие, не оттого ли так мало имеем ревности о распространении веры Христовой, о водворении всюду благочестия, что сами слабо веруем, и сами не проникнуты духом благочестия и христианской любви? Призывают нас к посильным жертвам для дела распространения веры Христовой, — и как лениво, медленно, с какою неохотою откликаемся мы на это дело! Обязаны мы по своему положению быть наставниками, руководителями на пути добра для других, — и как лениво внушаем это доброе, христианское другим! Нет, если какой отец сам преисполнен веры и любви христианской, он не утерпит, чтобы эту веру и любовь не поселить в детях своих, — он немолкаемо будет говорить с ними о любви ко Христу, о жизни по святым Его заповедям, и об обязанностях христианина. Если какой начальник или хозяин, сам глубоко верующий и искренно благочестивый человек, он эту веру и благочестие всеми мерами постарается вселить и в подчиненных своих, — и беседа его с ними самая сладкая будет о жизни во Христе, и радость самая великая и святая будет о том, когда он видит, что близкие его живут во Христе, и скорбь его самая глубокая о том, когда видит упадок веры, недостаток благочестия и страха Божия в подвластных своих. Ах, как многополезна была

бы подобная ревность в нынешнее время, когда вера так падает, пороки и нечестия всюду увеличиваются!

Господи! Воздвигни подобных ревнителей о славе имени Твоего, и не дай оскудеть преподобным Твоим! Да, великое дело — ревность и распространение света Христова во всяком месте, между людьми всякого рода, но еще выше, ценнее, — ревность о спасении отступивших от веры, погибающих в расколе, ересях, в разных грубых пороках и страстях. И в этом случае Апостол служит нам образцом. Уже в летах преклонных он едет в сборище разбойников, чтобы спасти атамана их — бывшего ученика своего, и убеждением в духе кротости, обещанием всепрощения, уверением в милосердии Божиим обращает его на добрый путь. О, велика сила ревности, сила кротости, терпения! Чего нельзя сделать с этою силою? И не должен ли этою силою быть одушевлен каждый христианин? Когда мы видим, что кто-нибудь бросается в воду, в огонь, под поезд, мы спешим спасти его, — как же не поспешить вырвать ближнего из бездны пороков, к которой приблизился он? Как не употребить усилий, всевозможных способов к тому, чтобы вразумить, умолить, от всего худого отвратить его? Ужели не жалко нам погибающих? Ужели не болит сердце, не льются слезы при мысли о гибели их? Отчего же мы остаемся неподвижными для дела спасения их — и одного слова часто не хотим сказать в назидание их? Мы боимся нарушить обычный покой свой, боимся труда, подвига, мы готовы на все только из-за любимой корысти своей, только из-за нее не боимся никаких трудов, не жалеем никаких сил своих. Но отчего мы, по крайней мере, не молимся о спасении погибающих собратий своих? Но и к этому мы часто не способны... Ленивые к молитве за себя, мы еще ленивее к молитве за других. А причиною опять-таки то, что в нас нет любви, — одно равнодушие, холодность к положению другого, одна забота только о спокойствии собственном, — мы скорее осудим собрата нашего, скорее злобно посмеемся над ним, чем пожалеем, поскорбим и помолимся о нем... Ах, братие, как трудно спастись, не имея в сердце христианской любви! Как посему часто следует нам вспоминать ту ревность о спасении погибающих, какую показал апостол Христов Иоанн! Будем делать это и мы устыдимся тогда собственной холодности к жалкому духовному состоянию собратий своих. Братие! Что говорил Иоанн и повторял чаще всего и всегда, а особенно в последние дни жизни своей? — «Дети, любите друг друга!» Вот его наставление! Скажем и мы так же в заключение беседы нашей: любите друг друга, живите для спасения друг друга, и любовь спасет нас. Аминь.

(Из поучений священника о. П. Шумова)

Тропарь:

Апостоле, Христу Богу возлюбленне, ускори избавити люди безответныя; приемлет тя припадающа Иже падша на перси прияти приемый, Егоже моли, богослове, и належащую мглу языков (мрак языческих заблуждений) разгнати, прося нам мира и велия милости.

477. Что такое уния

Незнакомо это слово — уния — православному русскому человеку, живущему в пределах Великороссии. Зато сколько скорбных исторических воспоминаний возбуждает оно в душе малороссиянина, белоруса, жителя Литвы, Подолии и Волыни! Каким тяжелым гнетом лежит уния и доселе на бедных наших братиях, живущих на Галиции — этой издревле Русской земле, судьбами Божиими еще и поныне находящейся под властью латинян — немцев и венгерцев! Вот краткий рассказ о том, что такое, откуда и как произошла так называемая уния.

Еще в то время, когда Русь не знала Бога истинного, когда наш равноапостольный Князь Владимир избирал себе новую веру, являлись к нему послы от немецких папистов с предложением своей веры. Но мудрый Владимир знал властолюбие римских пап и холодно принял этих послов: "Идите себе домой, отцы наши не принимали веры от римского папы". И приняли тогда предки наши святую веру Православную от греков, и свято хранили ее без всяких изменений. Даже самые татары, наполнившие Россию ужасом и разорением, не поколебали святой веры наших предков благочестивых. Страдая под игом татар, они имели полную свободу слушать богослужение и молиться на родном языке в церквах, сиявших древним благолепием, по обрядам, единодушно хранимым во всех концах Руси православной. Бог видимо благословил землю Русскую за ее Православие: повсюду созидались святые храмы Божии и процветали святые обители, из всех сословий выходили крепкие подвижники, которые оставались непоколебимы в своей вере среди самых мучений и совершали чудеса и при жизни своей, и по смерти; самые тела их Бог прославлял нетлением и чудесами. Видели все это предки наши и славили Бога, и все больше и больше проникались любовью и уважением к своей православной родине и стали называть свою землю — Святая Русь.

Но в XIV столетии Богу угодно было подвергнуть Русскую землю новому испытанию. Киев с южными областями из-под власти татар подпадает власти Литвы; митрополиты Киевские переносят свою кафедру сначала во Владимир, потом в Москву, а литовский князь (в XV столетии) учреждает в Киеве особую митрополию, отдельную от московской. Тогда Польша, опасаясь этого союза Литвы с Южной Русью и усиления Православной веры, предложила князьям литовским свою корону: она надеялась чрез это подчинить себе и Литву, и Русь и распространить там веру латинскую. В 1569 году Литва действительно соединилась с Польшей, и литовские короли стали польскими королями. Так Южная Русь попала под власть Польши. А Польша всегда была покорной дочерью римских пап, которые всячески домогались мирской власти и особенно духовного господства над всем миром христианским.

Еще раньше того не раз присылали папы римские своих послов к нашим великим князьям, убеждали их признать над собою главенство папы и

обещали им за это награды и земные, и небесные. Но князья наши хорошо понимали, какое великое сокровище наше — святая вера Православная, ибо в ней — чистая святая Христова истина без примеси человеческих вымыслов; в ней — залог нашего народного счастья, нашей свободы и целостности государственной. Римские папы всем народам, которые принимали веру латинскую, навязывали латинские обряды, латинский язык в богослужении и ото всех требовали себе беспрекословного подчинения. Наши князья видели, что другие славянские племена, подчинившиеся римскому папе, были постепенно лишены возможности слушать богослужение на родном языке, постепенно проникались пренебрежением ко всему родному, теряли свои обычаи, даже свой язык и — или сливались воедино с теми народами, которые были сильнее их, или же становились заклятыми врагами своих же братьев, неподчинившихся римскому папе. Были некогда славяне даже в Италии, в Пруссии, по рекам Одера, Лабы, в Помории или Померании; но они приняли римскую веру и слились с тамошними народами, и не осталось от них и следа. А Польша! Сколько зла принесла она своим братьям по крови — русским! Понимали еще тогда это великое зло наши древние князья и поэтому на все лестные речи и обещания папских послов отвечали решительным отказом.

Но когда Южная Русь подпала власти Польши, то вере Православной там стала угрожать великая опасность. Поляки, особенно иезуиты (так называются латинские монахи, которые всю свою жизнь обещаются служить беспрекословно римскому папе для распространения его власти, не разбирая никаких средств), стали всячески унижать пастырей Церкви Православной, старались производить в русские архиереи таких людей, которые втайне дружили с поляками, других епископов и знатных людей обольщали хитрым ласкательством, не давали православным дворянам никаких прав, а простой народ всячески притесняли, и все это для того, чтобы ввести на Руси свои нравы, свой язык и свою латинскую веру. Много наших дворян, даже из потомков Великого князя Владимира, перешло тогда в латинство, изменило православной вере и родному народу, лишь бы сохранить свои права. Но простой народ не поддавался такому полному отступничеству, он горячо любил свою веру Православную и дорожил ее обрядами.

К великому несчастью для Южной Руси, был тогда в Луцке епископ Кирилл (по фамилии Терлецкий), опозоривший себя пороками самыми возмутительными: его обвиняли в двоеженстве, смертоубийстве, делании фальшивой монеты, покровительстве ворам... Над ним был наряжен суд от Православного Константинопольского патриарха. Нечестивый епископ, не видя себе спасения, вздумал предаться покровительству папы; мало того, он стал подговаривать и других епископов на свою сторону, и среди их нашлись такие, для которых мирские выгоды оказались дороже чистоты и святости веры Православной. И вот эти изменившие Православию епископы стали созывать соборы (в 1594-1596 годах) в Бресте, Львове, Киеве, опять в Бресте и, наконец, положили: признать римского папу главою христианской Церкви,

но с тем, чтобы церковные обряды оставить прежние и богослужение совершать на славянском языке. Этим надеялись привлечь и простой народ на сторону латинской веры. Против этого решения восстали другие православные епископы и князь Константин Константинович Острожский. Они тогда же (1596 г.), в том же Бресте составили великий Собор православных, отвергли соединение с папою и дали обет: твердо стоять за Православие до смерти. Но все их усилия были напрасны, покровительство польского короля не превозмогло, и соединение с Римом состоялось. Вот это соединение с римским папою и называется по латыни униєю, а соединившиеся из православных — униатами.

Как видите, все это было делом обмана, делом врагов наших, поляков и иезуитов, и оттого произошло много зла для Южной Руси. Киевская митрополия, по проискам иезуитов, 25 лет оставалась без архипастыря; Софийский собор в Киеве попал в руки униатов, Печерская Лавра едва-едва спаслась от них; множество русских людей было увлечено в унию и чрез то отторгнуто от своих братьев, рода, Отечества, веры и Богослужения... Правда, на первое время римское духовенство признавало священными обряды униатов, но потом мало-помалу стало изменять эти обряды, вводить вместо древней литургии краткие читанные (без пения) обедни, заменяло голосовое пение звуками органов, перестраивало церкви по латинскому образцу, вводило в них вместо славянского языка польский и латинский. А каким притеснениям подвергали православных — трудно в наше время и поверить... Никому не было пощады, одинаково преследовали и духовенство, и народ, и взрослых, и детей, и мужчин, и женщин... Народ русский был объявлен вероотступником, холопом; города и селения русские были заняты польскими войсками; во всех правительственных местах заседали поляки и творили все, что только хотели, церкви русские насильно обращали в униатские, латинское духовенство разъезжало повсюду для надзора и возить себя от церкви до церкви заставляло людей, запрягая их в повозки по 12 человек и более. А церкви тех, которые не присоединились к униии, отдавали на откуп евреям. Евреи, эти непримиримые враги христианства, эти вселенские бродяги, забирали ключи церковные и веревки колокольные к себе в корчмы и назначали денежную плату за всякую церковную службу, особенно за крестины, свадьбу, похороны, и при всяком случае нагло смеялись над святым богослужением нашим. Сами отступники-архиереи, Кирилл Терлецкий и Инатий Поцей, делали наезды на православных, производили грабежи, убийства, насилия всякого рода. Поцей с своею шайкой вторгался в святые храмы, собственноручно обдирали престолы, грабил церковную утварь, бил и бросал в тюрьмы православных священников...

Народ терпел-терпел, наконец, взялся за оружие. Начались известные войны казацкие. Но сила польская подавляла казаков, а тех несчастных, которые попадали в плен, сожигали на углях, терзали железными когтями, сажали на острые спицы, закладывали живых в каменные столбы...

Малороссия, беспощадно истребляемая и сожигаемая, казалось, должна была погибнуть, но Бог смиловался над нею: явился знаменитый гетман Богдан Хмельницкий, и по его мысли народ Южной Руси навсегда отвязался от Польши и соединился с единокровным и единоверным народом Великой России. Это произошло в 1654 году, спустя 58 лет после начала унии. А Западная Русь — Подолия, Волынь, Белоруссия, Литва, тогда не могли еще отделиться от Польши и более 100 лет оставались в прежнем положении. Мало того, здесь сама уния подверглась гонению от латинян. Латиняне заставляли униатов переходить в латинскую веру, отнимали у них церкви, монастыри, церковные доходы. Вот что такое была уния! Вот сколько зла принесла она нашим бедным братьям, которые поддались этой лести римской! Слава Богу, эта хитросплетенная сеть иезуитская теперь разорвана! Еще при императрице Екатерине II до трех миллионов русских униатов возвратилось в лоно Православной Церкви. В 1839 году еще воссоединилось более полутора миллиона; В 1875-1876 годах воссоединились и остальные униаты до полумиллиона. Так, оторгнутые насилем, воссоединены были любовью. Видно, русская душа по природе — православна, а русский человек только насилем или же своим собственным гордым невежеством может быть оторван от своей родной Православной Церкви!

478. Торжество православия над унией

"Благодарю Бога и принимаю" Николай I

Как хороши, как много говорят сердцу эти слова! Не чувствуете ли вы, братие, читатели мои, что в этих словах слышится и радость, и благоговение? Они станут более ясны, когда вспомним, что их написал блаженной памяти государь император Николай Павлович в 1839 году, 25 марта, на докладе Священного Синода о желании более полутора миллионов униатов возвратиться к древней Матери своей — Церкви Православной. Этими словами благочестивейший Государь раскрывал свои отеческие объятия детям, заблудшим было и возвратившимся. День 25 марта приходился тогда на Страстную Субботу, и, значит, царское благовестие раздалось в праздник Благовещения Пресвятыя Богородицы и накануне Светлого Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. И вот, в 1889 году минуло уже 50 лет этому радостному для Церкви и государства событию. Скажем, друга, и мы теперь: благодарим Бога и принимаем к сердцу это событие! А так как не многие из нас знают его как следует, то вспомним теперь, как оно произошло.

Много зла принесла уния Юго-Западной Руси. На первых порах, после присоединения бывших православных к римской церкви, папы римские готовы были на все уступки, лишь бы только присоединившиеся признавали папу главою Церкви вселенской, наместником Самого Иисуса Христа на земле. Но это было только искусной приманкой, чтобы потом, незаметно и

постепенно, совсем перевести их в веру латинскую. По учению латин — папа непогрешим в делах веры; как же его не слушаться беспрекословно? Кто не повинуется папе, тот не повинуется Самому Христу. Так учили и учат латины. А папа, между тем, мог распоряжаться униатами, как ему угодно. Кто же из униатов осмелился бы спорить с непогрешимым наместником Христа, каковым они же его признали? Так и случилось с нашими несчастными братьями, принявшими в 1596 г. унию с Римом. Они жестоко обманулись в своих надеждах.

Лишь только уния несколько окрепла, лишь только присоединившиеся к латинской церкви по привычке к своему положению, как усердные слуги римского папы — иезуиты и польское правительство, стали теснить униатов, вводить у них латинские обряды, требовать, чтобы богослужение совершалось или на латинском, или на польском языке. Латины принудили униатов вставить в Символ Веры свое лжеучение об исхождении Святого Духа и от Сына, ввели в богослужение органы, римские обряды при совершении Таинств, причащение мирян под одним видом (одним Телом Христовым), уничтожили в церквах православные иконостасы, стали воспитывать для униатов будущих пастырей в латинских школах. Самую унию стали презрительно обзывать верою холопскою, отнимали у униатов церкви, монастыри, церковные доходы и передавали все это латинам; униатов открыто стали принуждать к переходу в латинство. Несчастные униаты скоро увидели себя в положении беззащитных сирот и с горестью стали вспоминать о своей прежней Матери — Церкви Православной, которую они так легкомысленно покинули. Впрочем, должно сказать и то: они не столько были отдалены от нее духом, сколько печальными обстоятельствами и тем, что томились под властью Польши, которая так усердно служила римскому папе.

Почти двести лет продолжалось это тяжелое положение униатов. Все меры польского правительства, все происки латинского духовенства, все виды насилия, все уловки коварства — все было пущено в дело, чтобы ополячить русский народ, чтобы отнять у него и заставить позабывать веру отцов его, веру православную. Но, слава Богу, этого не случилось. Русский народ с твердостью переносил и насилия, и страдания, не раз проливал потоки крови и отстоял дело святое. Не много оказалось изменников этому делу, и то только из тех, для которых житейские выгоды были дороже святой веры Православной. При императрице Екатерине II некоторые области Западного края, составлявшие древнее достояние Руси, стали отходить от Польши и присоединяться к России. В этих областях униатам была объявлена полная свобода возвращения к прародительской Церкви, а так как многие из них еще живо помнили, что их отцы были православными, то три миллиона униатов в течение двух лет возвратились к вере предков своих. А те, которые остались в унии, нашли себе защиту в русском правительстве и, по крайней мере, отдохнули от преследования латинян.

В царствование Государя Императора Николая Павловича униатам стало жить еще спокойнее. В 1828 году он оградил униатов от всякого вмешательства латинян, даровал им отдельное церковное управление под председательством их митрополита, дал им большие средства для образования их юношества, для обновления их церквей. Эти милости расположили униатов с благодарностью смотреть на православное правительство — в них уже стала пробуждаться мысль о воссоединении с Православною Церковью. Больше всех в этом святом деле потрудился латинский епископ Иосиф, по фамилии Семашко. Он был родом из Киевской губернии, его родители были люди благочестивые, отец был униатским священником и потом присоединился к Православной Церкви. Иосиф с детства воспитал в себе расположение к Православной Церкви. Получив образование в главной униатской семинарии в Вильне, он поступил на службу в Петербург и здесь скоро занял почетное место в Главном управлении (Коллегии) по римско-католическим делам. Будучи очень любознательным, он принялся с особенным усердием изучать историю Русской Церкви, совершенно убедился в чистоте веры Православной и хотел уже принять Православие. Но Богу угодно было, чтобы он не один возвратился в лоно Матери Церкви, а привел с собою более полутора миллионов своих собратий-униатов. Посвященный в сан униатского епископа, он, вместе с другими двумя епископами, стал постепенно восстанавливать первобытное устройство храмов по образцу православных, и в них — древнее богослужение, прежние одежды, обряды, вводить богослужебные книги, издаваемые нашим Священным Синодом, проповедовать Слово Божие на родном языке и ставить во священники только тех, которые твердо изучили обряды и постановления Церкви Православной. В таком духе стали они воспитывать духовное юношество — будущих пастырей Церкви. Так постепенно, в течении целых десяти лет подготавливалось великое дело воссоединения наших братьев с Православною Церковью. Наконец, после неоднократных совещаний, все три униатских епископа — сам Иосиф и его сотрудники: Оршанский Василий и Брестский Антоний, вместе с старшим духовенством собрались в Полоцке 12 февраля 1839 года в неделю Православия. Они совершили здесь торжественное служение во время коего в первый раз был произнесен Символ Веры — без латинской прибавки и от Сына, — и в первый раз вместо папы были помянуты Восточные Патриархи и Святейший Всероссийский Синод. Тогда же подписали они и соборный акт, в котором засвидетельствовали свое древнее первоначальное единение со Святой апостольскою Церковью Православною, невольное отторжение от нее в смутное время подчинения своего Польше и свое чистосердечное желание признать вновь свое единство с прародительскою Православною Церковью, и положили: просить Государя принять их в свое покровительство и привести оное в исполнение. Этот акт был подписан 24 присутствовавшими духовными лицами и, кроме того, к нему были приложены собственноручные объявления о согласии на

воссоединение от 1305 священников и монахов. Старшему епископу, Иосифу Литовскому, поручено было отвезти в Петербург и этот соборный акт, и всеподданнейшее прошение униатских епископов. Благоговейно обрадовался государь император Николай Павлович этому церковно-народному движению, из глубины души возблагодарил Бога и повелел передать дело в Священный Синод на рассмотрение Священного Синода; воздав славу Богу, радостно постановил: принять униатскую церковь в полное и совершенное общение со Святой Православной Всероссийской Церковью, преподать присоединяющимся соборное благословение Синода и известить их особою Синодальною грамотою. Сей-то доклад Священного Синода и был утвержден Государем 25 марта 1839 года, а в четверг на Светлой неделе, 30 марта, епископ Иосиф, как представитель всех униатов, был торжественно введен в собрание Священного Синода.

Таким образом, на Светлой неделе 1839 года воскресло к новой жизни более полутора миллионов бывших униатов, наших кровных братьев, искони русских людей. В память сего события Государь приказал выбить медаль. Скоро последовал ряд торжественных служений в Витебске, Полоцке, Велиже, Суроже, Орше, Минске, Вильне, Жировицах. Общая радость, взаимная братская любовь напоминала первые века христианства. И вот, с той поры прошло уже 50 лет. Думаем, что и ныне у многих светло и радостно на душе при воспоминании о минувшем. Возблагодарим же, братие, Господа, возвратившего нам родных братии наших в дом Отчий — родную Святую Православную Церковь нашу! «Се ныне что добро или что красно, во еже жити братии вкупе!» В этом святом союзе да цветет наша Святая Русь ныне и присно, и да заповедает ей Господь благословение и живот во веки веков. Аминь!

479. Духовные сокровища народной мудрости

Листок первый.

Предки наши из всей жизни своей извлекали мудрое, доброе слово. Они говорили его по вековому опыту, часто его повторяли, любили слагать его складно, чтобы оно легче в памяти держалось. И это слово их не пропало, оно и доселе хранится в живой речи нашей — в пословицах, поговорках; оно собрано в книги учеными людьми с полным уважением к здравому смыслу русского народа. На него ссылаются иногда в своих проповедях наши святителя (сам митрополит Филарет Московский); его заботливо собирал другой святитель — Филарет, архиепископ Черниговский. Приведем же и мы несколько светлых мыслей и дум народных о Боге, о душе, о молитве, о доброй жизни. Предлагая их православному русскому народу, мы говорим: "Твоим добром—тебе челом". И дай Бог, чтобы это народное слово крепко держалось в молодой памяти, чтобы новые поколения оправдывали его самой жизнью. А тех неведомых-незнаемых, умных и добрых людей, которые

заповедали нам эти уроки, помянем молитвою: Пошли им, Господи, вечную память и Царство Небесное!

1. Божие всемогущество и мудрость. Без Бога свет не стоит. — У Бога-Света с начала света все доспето. — Божеское не от человека, а человек от Бога. — Божия вода по Божией земле бежит. — Божия роса Божию землю кропит. — Все в мире творится не нашим умом, а Божиим Судом. Бог дунет — все будет. — Бог делает что хочет, а человек что может. — Никто, как Бог! — Бог все строит, а что Бог не строит, все к лучшему. — Утром Бог и вечером Бог, а в полдень да в полночь никто же, кроме Его. — Не сохранит Господь града, не сохранит ни стража, ни ограда. — Бог даст день, Бог даст пищу, дал живот, даст и здоровье. — Бог лучше знает, что дать и чего не дать. Чужая тайна — Богу явна. Умная голова, разбирай Божии дела!

2. Промышление Божие о людях. Все мы под Богом ходим. — А что ж наша доля, как не Божия воля! — Человек ходит, Бог водит. — Не конь везет, Бог несет. (Потому-то и спрашивают на дороге: куда Бог несет?) Иди с Богом. — За Христом пойдешь, добрый путь найдешь. — Грозную тучу Бог пронесет. — Никто не может, так Бог поможет. — Кабы не Бог, кто бы нам помог? — Кто к Богу, к тому и Бог. — С Богом хоть за море, а без Бога ни до порога. — Как Бог наплатил — никто не видал. — Дает Бог с неба довольно хлеба. — Дает Бог и жиду, и цыгану, Господь и жидов манной кормил. — Плыдем по реке, а живот в Божией руке. — Пущен корабль на воду — сдан Богу на руки. — Быть бы худу, да Бог не велел. — Силен враг, да милостив Бог. — Человек нагрешил, а Бог заступил.

3. Милосердие Божие. Богат Бог милостию. — Бог не убог, у Бога милости много. — Божия любовь безгранична. — Божия любовь не чета человеческой. Всяк про себя, а Господь — про всех. Любовь человеческая себя любит, а Божеская — друга. — Люди с лихостью, а Бог с милостью. На всякую долю Бог посыпает. — За вдовою и Бог с сумою (в иных местах поселяне по воскресеньям, после обедни, ходят на поля вдов работать). За сиротою — Бог с калитою. — Ни отец до детей, как Бог до людей. (У пророка Исаии есть выражение еще сильнее: "Забудет ли женщина грудное дитя свое? Но если бы и она забыла, то Я не забуду"). Где голь берет? Бог ей дает. — Голенький — ох! А за голеньким Бог! — Дитя падает — Бог перинку подстилает. Оно Бога не знает, а Бог его любит. — Простачкам Бог опекун. — Бог найдет и в люди выведет. — Кого чем Господь поищет — вознесет. — Бог полюбит, так не погубит. — Твори Бог волю Свою!

4. Душа человека. Душа — Божия. — Душа дороже всего. — Руку, ногу переломишь, сживется, а душу переломишь, не сживется. — Не криви душой: кривобок на тот свет уйдешь. — Душа душу знает, сердце сердцу весть подает. Душа — вера, совесть — порука. — Хоть мошна пуста, да душа чиста. Хоть изба елова, да душа здорова! — Бог души не возьмет, сама не выйдет. — Чужая душа — потемки.

5. Вера. С верой нигде не пропадешь. — Хороша вера, да у деда. — Веру к делу применяй, а дело к вере. — Без веры Господь не избавит, без правды

не исправит. — Без веры живут на этом свете, а на том не проживешь. — Кто без крестов (без нательного креста или без скорбей), тот не Христов. — От Бога отказаться — к сатане пристать. — Отпал бес веры, не познавши своей меры. -Беден бес, что у него Бога нет!

6. Молитва. К вечерни в колокол — всю работу об угол! — Не хлебом живи, а молитвою. — Молитва — полпути к Богу. — Коротка молитва "Отче наш", да спасает. — Не для Бога молитва, а для нашего убожества. — Богу молиться — всегда пригодиться. — Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы. — Чтобы ни пришло, все молись. — Одно трости: Господи, прости! За Богом пойтить — Божие и творить. — Бог один, да молельщики не одинаковы. Всяк крестится, да не всяк молится. — Молитва без любви не бывает услышана. — Молись, а злых дел берегись. -Дома спасайся, а в церковь ходи. Молитва места не ищет (то есть в церкви не теснись вперед). Церковное стяжание — Божие. — На балалайку станет, на кабак станет, а не свечку не станет? — День свят — и дела спят. Всяка душа празднику рада. — Дурак Божиих дней не разбирает. Кто Богу угоден, тот и людям приятен. — То не спасенье, кто пьян в воскресенье. — Проси Николу, а Он Спасу скажет. Призывай Бога на помощь, а святого Николу в путь. — Когда придет тревога, поневоле ухватишься за Бога. — Нужда научит Богу молиться. — Кто на море не бывал, тот досыта Богу не молился. — Нет труднее: Богу молиться, родителей кормить, да долги платить. — Послушание паче поста и молитвы.

7. Милостыня. Милостыня — сухари на дальнюю дорогу. — Приготовь домашним пищу, а потом подай и нищу. — Просит убогий, а подаешь Богу. — Милостыня пред Богом оправдает. — Пост приводит ко вратам рая, а милостыня отверзает их. — Подавая милостыню в окно, отворачивайся и молись иконам (не гляди, кому подаешь). Подай, Господи, пищу на братию нищу! — Дай Бог подать, не дай Бог брать! — Дающего рука не оскудеет.

8. Жизнь. Труд. Терпение. Все по-новому, да по-новому, — а когда же будет по-доброму? — Жить — Богу служить. — Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит. — Живи так, чтоб ни от Бога греха, ни от людей стыда. Отвяжись, худая жизнь, привяжись хорошая! — На человеческую дурость есть Божия премудрость. — Верь Богу, а не верь себе. Будьте живы и Богу милы. — Жизнь дана на добрые дела. — Божия тварь Богу и работает. — Пораньше просыпайся, да за Бога хватайся. Бог тому подает, кто рано встает. — Не торопись, сперва Богу помолись. — Кто перекрестясь работает, тому Бог в помощь! — С Бога начинай и Господом кончай. — На Бога положишься, не обложишься. — Ты к худшему, а Бог к лучшему. — Бог труды любит. На Бога уповай, а без дела не бывай. — Без дела жить — только небо коптить. — Скучен день до вечера, когда делать нечего. — Делу — день, веселью — час. — Ты от дела на шаг, а оно от тебя на десять. — Сам будешь плох, так не подаст и Бог. — Дал Бог руки, а веревки сам вей. — Работай — сыт будешь; молись — спасешься; терпи — взмилуются. — Трудовая копейка два века живет. Доброе начало — половина дела. — С молитвой в устах, с работой в руках. — Сей, рассевай, да на небо взирай. —

В небо приходящим отказу не бывает. — Что худо, того бегай, что добро, тому следуй. — Боже помоги, но и сам ты не лежи. — На Бога надейся, а сам не плошай. — Христос терпел, да и нам велел. — Не гневи Бога ропотом, а молись Ему шепотом. — Не потерпев, не спасешься. — За терпенье Бог даст спасенье. — Во времени подождать, у Бога есть что подать. — На этом свете помучимся, на том порадуемся. — Дай Бог пожить, а то нечего тужить! — А и в горе жить — не кручину быть. — Подумаешь — горе, а раздумаешь — власть Господня! — В беде не унывай, а на Бога уповай. — В печали не унывай, в радости не ослабевай. — Здесь радость не вечна и печаль не бесконечна. — Бог по силе крест налагает. — Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст. — Чего Бог не дал, того и не домогайся. — Бедность учит, а счастье портит. — Кто малым доволен, тот у Бога не забыт. — Напитай, Господи, душу малым кусом! — Лучше "Слава Богу", нежели "Поддай, Боже?"

9. Отношение к людям. Где любовь, там и Бог, там тишь да гладь, да Божия благодать. — Где просто, там Ангелов со сто, а где хитро, там ни одного. — В простых сердцах Сам Бог почивает. — Живи смиреннее, так всем будешь милее. — Смирение — девушке (и молодцу) ожерелье. — Гордым Бог противится, смиренным дает благодать. — Дьявол гордился, да с неба свалился. — Не бойся никого, кроме Бога одного. — Делай добро и никого не бойся. — Сей добро, посыпай добрым, жни добро, одежай добром. — Доброму Бог помогает. — Кто добро творит, того Бог благословит. — Час в добре пробудешь, все горе забудешь. — Добро творить — себя веселить. — С добрым жить хорошо. — Торопись делать добро, — не равно не успеешь. — Доброму человеку Бог прибавит веку. — Доброе дело на два века: на тот и на этот. — Кто добро творит, тому Бог оплатит. — За неблагодарных Бог благодарит. — Человек не для себя рождается. — Всякий мирянин своему брату семьянин. — Дай, Боже, меж людьми быть побольше любви! — Худо тому, кто добра не делает никому. — Не рой другому ямы, сам попадешь. — Торгуй правдою, больше барыша будет. — Ищи себе прибыли, и другому не желай гибели. — Другу дружи, а недругу не вреди. — Дружбу помни, а зло забывай. — Своего "спасибо" не жалея, а на чужое не напрашивайся. — Денежка чужая твой рубль сожжет. — Неправедное собранье — прах. — Честный человек дороже каменного моста. — Не обижай голяка: у голяка такая же душа. — Бедного обижать — себе добра не желать. — Болезному милость творить — с Господом Богом говорить. — Не строй церкви — пристрой сироту. — Из-за сирот и солнце сияет. — Сиротская слеза даром на грудь не канет. — Бойся не богатого грозы, бойся убогаго слезы. — Чужой бедой сыт не будешь. — Не сбывай с рук постылого, отберет Бог милого. — Злой человек Бога не боится и людей не стыдится.

480. Без священноначалия нет и Церкви

Что не всяк может быть пастырем и учителем церковным, а только избранный, призванный самим Богом, о сем Апостол прямо говорит: «никтоже сам себе приемлет честь (власть церковную), но званный от Бога, как и Аарон» (Евр. 5; 4). Правило святых Апостолов то же утверждает: «восхищающие недарованное им раздражают Бога, также сынове Кореовы, и Озия царь...» (Правило святых Апостол 2). Пусть сему внимают у называющих себя "старообрядцами" все самозванные их учителя, уставщики: «развращающий чин священнический, яко дерзну вый таковая, не с Апостолами борется, но с Великим архиереем Христом (там же). Еда еси Апостоли, еда еси Пророцы, еда еси учителя» (1 Кор. 12; 29). Нет, но те только, «овых убо положи Бог в Церкви...» (1 Кор. 12; 28), то есть кого призвал и призывать будет Бог. Так, например, по изволению Духа Святаго, Апостолы отделили самого апостола Павла с апостолом Варнавою на служение Церкви (Деян. 13; 2). Варнава и Павел по городам, где устроили церкви, рукополагали для них пресвитеров (Деян. 14; 2). Апостол Павел, как видно из Посланий его, имел многих сотрудников в проповеди Евангельской, кои и оставались епископами разных устроенных им Церквей. Ученика своего, апостола Тимофея, он поставил епископом Церкви Ефесской (1 Тим. 1; 3). Другого ученика, апостола Тита — епископом Церкви Критской, заповедав ему: «оставих тя в Крите, да недокончанная исправиши (в благоустроении Церкви, благообразии и по чину), и устроиши (рукоположишь, как епископ) по всем градом пресвитеры» (Тит. 1; 5). Преподал епископам Тимофею и Титу и руководства: каких для Церкви Святой избирать и рукополагать служителей и строителей Таин Божиих (1 Тим. 2; 8, 3. Тит. 1; 5-9), внушал святому Тимофею: «да увеси, како подобает в дому Божии жити, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины» (1 Тим. 3; 15). Также точно поступали святой апостол Иоанн Богослов в малоазиатских церквах (Откр. 1,4 и др.), святой апостол Петр в Антиохии ("История Церкви" Евсевия. Гл. 2, 1, 3, 23), святой апостол Андрей Первозванный в Византии, откуда чрез его преемников, патриархов Царьградских, священноначалие сообщено было и Святой Церкви нашей Российской.

Следуя чину Христову и апостольскому, в Православной Церкви Российской Святейший Синод, как постоянный поместный Собор пастырей, избирает и поставляет, согласно правилу Первого Вселенского Собора и правилу Седьмого Собора, на места епископов лиц, истинно достойных высокого звания священноначальственного. Избираются всегда три лица. Вместо жребия из трех лиц одного утверждает благочестивейший государь, егоже сердце, как и жребий, в руке Божией, по учению Слова Божия (Притч. 21; 1). Утвержденный торжественно нарекается, потом торжественно рукополагается в церкви епископами... В своей епархии таковой епископ не точию преемник апостольский, но и, по слову святого Амвросия Медиоланского, «представляет лице Христа и есть наместник Господа» (Святой Амвросий. Послание 25). Ничего подобного у называющих себя

"старообрядцами" не было и нет, да и впредь быть не может, ибо нет у них епископов, значит, нет и Церкви. "Егда несть у них архиерея, таковым не дается Дух Святый", — по словам Отцов Церкви. «Аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Его» (Рим. 8; 9). Значит, все они, величающие себя "староверами древляго благочестия", не Христовы, не Его святого стада, а чьи-то другие.

Скажут: "У нас митрополит Амвросий произвел нам австрийских архиереев". У Амвросия, запрещенного, изверженного из сана своим патриархом и его Синодом, может ли что добро быть? Более тяжкого греха и попрапия всех Правил святых Апостолов и Соборных нельзя и найти нигде, как в истории лжемитрополита Амвросия и раскольников буковинских. Они учинили дело "горше самых нечистых бесов. Таковии велие и неисчетное томление (казнь) подымут: ниже бо глас Божественный от них (от Амвросия, ставленника его Кирилла и других), ниже Божественные дела: понеже благодати рукоположения не имут, рукоположенные же от них (зрите все вы, самозванцы австрийского измышления) не хиротописаны, и Крещением не крещены". (Номоканон. Потребник Иосифа). Святой Игнатий Богоносец писал: "Без епископов и Церковь не может назваться Церковью. Им должно повиноваться, как Самому Христу (Послание в Траллианам. 2, 4, 7, 12). Не позволительно без епископа ни крестить, ни совершать вечери, ни Таинства Причащения. Что он одобрит, то и благоугодно Богу. Делаящий что-либо скрытно от епископа, повинуется диаволу (Послание к Филадель. гл. 52). "Епископ Бога Отца всех образ есть: пресвитеры яко сонм Божий и союз Апостолов Христовых: без них Церковь несть избрана, ниже собрание святое, ниже сонм преподобных". (Он же. Посл. Траллианам. 10). "Подобает вам повиноватися епископу вашему и ни в чем ему не прекословити, страшно бо есть таковому пререкати... Аще нецый епископа убо нарицают, а без него вся творят, таковым речет Той, иже истинный и первый Епископ и един по естеству Архиерей: что Мя зовете: Господи, Господи, — и не творите, яже глаголю, таковии бо недобросовестнии, но лицемери и прелестницы быти". (Он же. Послание к Магнез. 2; 3). Святой Ириней: "Мы можем перечислить тех, которые поставлены Апостолами в епископов Церквей и преемников их до нас". (О ересях. Кн. 3, гл. 3). Святой Киприан: "Преемственно продолжается поставление епископов... так что Церковь устроится епископами и всякое действие церковное управляется теми предстоятелями". (Послание 27). "Церковь есть стадо, прилепляющееся пастырю, а посему знай, что епископ в Церкви, и Церковь в епископе, и кто не с епископом, тот не в Церкви". (Он же. Из письма к Флоренцию Папиану).

Что же скажут против таких свидетельств называющие себя "живущими по Писанию и по Отцам", то есть старообрядцы? Вовсе они не Церковь, а безпастырные стада, у них нет никакого священноначалия: ни епископов, ни пресвитеров — уже более двухсот лет, что они сами хорошо знают. Значит, они, не слушая законных пастырей Святой Православной Церкви Русской, не слушают прежде бывших святых Отцов и Апостолов, а потому и Самого

Главу Церкви, Христа. Они явным упорством одержимы, говорят вопиющую неправду, что живут по Писанию и по святым Отцам! Вожаки их— богоборные самозванцы, идущие против великого богоучрежденного порядка в Церкви, учение их — ложь богопротивная... Богоносный Игнатий учит: "Повинующийся епископам и священникам, служителям церковным (а не вожакам раскольничьим, самозванцам), с теми и участь им будет о Бозе. Послух ми есть (свидетель мне) Бог, егоже ради узы приях, яко от уст человеческих не разумех (не от людей узнал): Дух бо (Святой) поведает мне, сице глаголя: без епископа не творити ничтоже: идеже бо явится епископ, ту множество благих будет... Не идеже хотят и пасутся овчая стада, но идеже я пастуси снабдят (в Святой Церкви); кроме же стада и пастуха оставшия овцы расхитят зверие". Не слушают и Богоносца Игнатия вожаки-начетчики глаголемых "старообрядцев", хотя он священномученик, узник ради Бога и Его приводит во свидетели, уверяя, что Духом Святым внушено ему, чтоб никто ничего не делал церковного без благословения епископа.

Самовольники эти ни в чем не повинуются святителям церковным епископам и поставленным от них пресвитерам: творя все благословения и повеления святителей, не имеют и части с ними о Бозе. А потому всякое зло у них вместо благ Божиих: ни Святых Таин, ни священного учения, ибо без пастырей пасут, как заблудшие овцы. А потому и не спасутся. Истинно пристижимо к нашим бедным духовно, безблагодатным раскольникам слово Христово: «отнимется от вас Царствие Божие» (Мф. 21; 43). «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23; 38). На деле они — сборище только простых людей, без главы, никем не управляемых. "Церковь Христова без епископов быти не может, и нигде не была", — говорит старая рукописная "Полидония" архимандрита Киевского Захария Копытенского, уважаемая раскольниками, но прямо уличающая их в беззаконном отступничестве от Святой Церкви, хотя все они и кричат, не стыдясь никого, ни Бога не боясь: "Мы тоже церква!.."

"Большой Катехизис" учит: "Идеже несть священников, тамо ниже христианству возможно быти". Таким образом, все раскольники, оставаясь без епископов, без священников, остаются и без Церкви, следовательно, идут в погибель. По всему видно, что нет ни у кого из них никакой и тени Церкви! Остается им со смирением послушать истины, покориться Святой Христовой Церкви Российской! Если же и опять не поверят, что она истинная, то пусть спросят вселенских четырех патриархов. Они скажут и уверят отделяющихся, что Российская Церковь истинная Христова, часть вселенской, с ними совершенно единомысленная во святой вере. Бог верен и истинен сказал: «созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей». Значит, есть где-нибудь истинная Его Церковь. Она и есть Греко-Российская, с полным священноначалием и Таинствами.

(Из "Тамбовских епархиальных ведомостей")

481. Благодатный отрок

Нередко можно и в наше время встретить примеры горячего детского благочестия, продолжительных горячих со слезами молитв, любви к Богослужению, усердного стремления подражать подвигам святых отцов; это бывает в тех благочестивых семействах, в которых дети воспитываются в страхе Божиим, на чтении житий святых, под сенью храма Божия. И это чувство, эти чистые, святые стремления не скорбь и мрак вносят в юную душу, но отрадную тишину, ясность и спокойствие. Дитя черпает в них духовную силу и крепость; в его душе слагаются светлые образы (идеалы) жизни святой, жизни по Евангелию Христову, образы, которые сродняются с его юным сердцем и становятся для него на всю жизнь заветной святыней, к которой с теплым чувством обращается потом человек даже в глубокой старости. И чем сильнее эти святые стремления в детстве, тем больше они освещают впоследствии мрак жизни в этой юдоли земной, — они примиряют утомленного невзгодами жизни пришельца земли с его нерадостной долей и поддерживают, ободряют, утешают в его многотрудном странствовании к отечеству небесному.

Таким был и преподобный Сергий в детском возрасте. Рано в его душе, воспитанной примерами и уроками благочестия, раскрылось чувство любви к молитве и готовность к подвигам для угождения Богу. Простое, доброе сердце дитяти есть открытая дверь для благодати Божией, поэтому-то и сказал Господь о детях: «таковых бо есть Царство Небесное» (Мф. 19; 14). Рано низошла благодать Божия и в невинное сердце отрока Варфоломея (мирское имя преподобного Сергия) и воцарилась там. Всею душой Варфоломей полюбил Богослужение церковное и не опускал ни одной службы церковной. Дома проводил он все время в чтении духовных книг и, отчасти, в домашних занятиях по указанию родителей. Почерпая из книг уроки мудрости духовной, он тотчас же старался прилагать их к жизни своей: "Не так, — замечает святитель Филарет, — как многие долголетние ученые, которых учение цветет в словах, но в делах не созревает". Он скоро понял, что еще в отроческом возрасте страсти уже начинают проявлять свою губительную силу, которую сдержать стоит немало труда; а кто хотя бы раз поддастся в юности их влечению и попустит им связать себя порочными склонностями, тому и подавно тяжело преодолеть их. И вот благоразумный отрок принимает все меры, чтобы пресечь все пути, которыми они обвыкли находить доступ к сердцу человека. Так, прежде всего он совершенно уклоняется от детских игр, шуток, смеха и пустословия, помня, что со «строптивым» легко можно и самому «развратишься» (Пс. 17; 27). Потом, сознавая, что воздерживать себя во всем есть лучшее средство сдерживать страсти, святой отрок налагает на себя строгий пост: по средам и пятницам он не позволяет себе вкушать ничего, а в прочие дни питается только хлебом и водой. О каких-нибудь других питиях, не говоря уже о вине, он не позволял себе и помыслить всю свою жизнь.

Заботливая мать старалась умерить строгость его поста: "Не изнуряй себя излишним воздержанием, сын мой, — говорила она, — чтобы тебе не заболеть от истощения сил; тогда и нам немалую скорбь причинишь. Ты еще дитя, твое тело еще растет; другие дети семь раз на дню поедят, а ты, дитя мое, ешь только раз в день, а то и через день; перестань так делать, это тебе не по силам: всякое добро хорошо в меру и в свое время. Вкушай пищу, по крайней мере, вместе с нами". Но благоразумный отрок кротко отвечал на эти увещания любящей матери: "Не стесняй меня в этом, родная моя, чтобы не пришлось поступать против воли твоей. Не отклоняй меня от воздержания, которое так сладостно душе моей; зачем ты советуешь своему сыну бесполезное? Ведь вы же сказывали мне, что я еще в колыбели постился по средам и пятницам; как же я могу не понуждать себя угождать Богу, чтобы Он избавил меня от грехов моих?" — "Тебе нет еще и двенадцати лет от роду, — возражала ему мать, — а ты говоришь о грехах своих! Ты избрал благую часть, которая не отнимется у тебя, — что у тебя за грехи?" — "Перестань, матушка, — со сдержанным огорчением отвечал ей сын, — что это ты говоришь? послушай, что говорит Святое Писание: «никтоже... чист» пред Богом, «аще и един день житие его будет на земли» (Иов. 14; 5). Мать удивлялась разумным речам своего сына и, не желая препятствовать его добродетели, произволив о Боге, обыкновенно говорила ему: "Если ты так рассуждаешь, то делай, как хочешь; Господь с тобой, я не хочу стеснять тебя в добром, дитя мое". И святой отрок никогда не позволял себе даже отведать каких-нибудь сладких блюд или напитков, следуя мудрому наставлению святителя Василия Великого: "Аще хочещи внити в рай, воздержи чрево, бежи пьянства". Так укрощая юную плоть свою воздержанием и трудами для сохранения чистоты душевной и телесной, он ни в чем не выходил из воли своих родителей; как кроткий и послушный сын, он был истинным утешением для них.

"И виден был в нем прежде иноческого образа совершенный инок", — говорит блаженный Епифаний; поступь его была полна скромности и целомудрия; никто не видел его смеющимся, а если и появлялась иногда кроткая улыбка на его прекрасном лице, то и она была сдержанна; а чаще лицо его было задумчиво и серьезно; на глазах нередко заметны были слезы, свидетели его сердечного умиления; его уста никогда не оставляли Богодухновенные псалмы Давидовы. Всегда тихий и молчаливый, кроткий и смиренный, он со всеми был ласков и обходителен, ни на кого не раздражался, от всех с любовью принимал случайные неприятности. Ходил он в плохой одежде, и если встречал бедняка, то охотно отдавал ему свою одежду. Благоговейное устройство юной души Варфоломея естественно располагало его искать уединения, где бы мог он, наедине с Богом, изливать в слезной молитве перед Ним все святые чувства невинного сердца. Он так и делал. Особенно любил он молиться по ночам, иногда совсем проводя ночи без сна, и все это стараясь тщательно укрывать от домашних. И какой же детской доверчивостью и пламенной любовью к Богу, какой, так сказать,

мудрой простотой дышала его чистая молитва! "Господи, — так взывал он в умилении сердечном, — дай же мне измлада возлюбить Тебя всем сердцем моим и всей душой моей, и поработати единому Тебе, яко к Тебе привержен есмь от утробы матери моей. Отец мой и мать моя — придет время — оставят меня, а Ты восприими меня, соделай меня Своим, причти меня к избранному Твоему стаду! Избави меня, Господи, от всякой нечистоты, от всякой скверны душевной и телесной, сподоби меня творить святыню в страхе Твоем, Господи! К Тебе единому пусть стремится сердце мое; да не усладят меня все сладости мира сего; да не прельстят меня все красоты житейские; к Тебе единому пусть прилепится душа моя, и да восприимет меня десница Твоя... Не попусти мне когда-нибудь возрадоваться радостью мира сего, но исполни меня, Господи, радостью духовной и неизреченной сладостью Божественной; Дух Твой благий да наставит меня на землю праву!" И невольно каждый, видевший такое доброе устройство Варфоломея, любовался им, невольно говорил про себя с удивлением: "Что-то выйдет из этого отрока, которого Бог сподобил такой благодати с раннего детства?" А отрок, между тем, становился юношей и, возрастая годами, возрастал и в благочестии. И само собой зарождалось в нем желание иноческого подвига, и с каждым днем все больше и больше росло и созревало это желание, пока, наконец, не обратилось в пламенную жажду души, которой томился некогда венценосный подвижник и пророк и взывал: «Возжада душа моя к Богу крепкому, живому: когда прииду и явлюся лицу Божию?» (Пс. 41; 3).

482. Праздник Вознесения Господня в Церковных песнопениях

Господь восходит на Елеон. — Скорбь апостолов и утешение в предстоящей разлуке. — Богоматерь на Елеоне. — Слава Вознесения Христова. — "Возьмите врата!" — Ангелы. — Славословия Вознесшемуся.

"Силою Креста Твоего, Христе, утверди мое помышление, во еже пети и славити спасительное Твое вознесение".

"Величай, душе моя, вознесшагося от земли на Небо Христа Жизнодавца".

Приидите, совзыдем, вернии, на высокую гору Елеонскую, как Апостолы совосходяще, и на высоту вземше (возведя) сердца и мысли, узрим Господа ныне (облаком) носима. Темже и мы, благодарно радуящиеся, возопиим: слава Вознесению Твоему, Многомилостиве! Приидите на высоту, возведем очи и мысли, вперим виды (устремим взоры) вкупе и чувства, на небесная врата; непщуим (вообразим себя) быти в Масличной горе и взирати на Избавляющаго на облацех носима: оттуду бо Господь на небеса востече и тамо любезны дары раздая Апостолом Своим, утешив я (их) яко Отец, и утвердив я, наставив яко сынов, и рече к ним: "Не разлучаюся вас: аз есмь с вами, и никтоже на вы!" Господи, таинство (нашего спасения) еже от веков и от родов сокровенное исполнив яко Благ, пришел еси со ученики Твоими на

гору Елеонскую, имея Рождшую Тя, Творца и всех Содетеля: Той бо, в страсти Твоей Матерински паче всех болезновавшей, подобаше и славою плоти Твоя насладитися премногия радости... Глаголет Иже всяческая исполняяй ко учеником, на гору Елеонскую возшед: "Приблизися, о друзи Мои, восхождения время; шедше научите языки (народы) слову, еже слышасте от гласа Моего... — Не оставлю сырых вас, сынове и наследницы Царствия Моего; возшед же, Утешителя пошлю с высоты, вас тайно научающа. Не оставлю бо овец, яже собрах, не забуду, ихже возлюбих. Не разлучуся во веки от вас, аще и к пославшему Мя иду Отцу; идите, мир весь научите познати Мя, Бога истиннаго, соделавша преславная, яже видесте и слышасте". Егда вознесл еси, Христе, руце Твои во благословение Матери и учеников Твоих, и облак света от очес их абие взят Тя, тогда вознеслся еси во славе. Возшел еси горе' к Твоему Родителю, Егоже не разлучился еси, аще и человеком беседовал еси. Соприсутствующи божественным учеником, Пречистая, и зрящи Егоже родила еси, от земли возносима, вопияла еси: восходиши к Безначальному Отцу, славою Твоею исполняяй всяческая, препрославленный единае Господи! Ученический лик, как зряще Тебе взимаема, глаголаше: "Владыко, како ныне оставлявши рабы Твоя? И камо идеши, Иже рукама содержиши концы (мира)? Мы же, оставивше вся, Тебе Богу последовахом радуящиеся, во веки с Тобою надежду имуще быти. Не остави сырых нас, как обещался еси, Спасе наш милосерде... Не разлучися от нас, Пастырю добрый, но поели нам Духа Твоего Пресвятаго, наставляюща, и утверждающа, и просвещающа, и освящающа души наша. Духа праваго, Духа Божественнаго, Духа сущаго с Тобою нераздельнаго, как обещался еси, посли нам, на облацех славы носимый Слово Божий!" — "Егда пришел еси, Христе, на гору Елеонскую, Отчее совершити благоволение, ужасошася Небеснии Ангели, и устрашишася преисподняя, предсташа же ученицы с радостию трепетни... Престол же готовляшеся противу облак ждущий; небо же врата отверзшее, доброту (красоту и славу свою) являше... Стопы убо (Твои) возвышахуся как руце; уста же вельми благословляху; облак подъемляше, и небо внутрь прият Тебе. Дело сие, Господи, соделал еси великое и преславное, во спасение душ наших. — Господь вознесется на небеса, да послет Утешителя миру, небеса уготоваша Престол Его, облацы — восхождение (путь) Его; Ангели дивятся, Человека зряще превыше себе; Отец ждет, Егоже в недрах имать соприсносушна; Дух же Святыи велит всем Ангелом Его: возьмите врата князи (верхи) ваша; вси языцы воспещите руками, яко взыде Христос, Идеже бе первее. Дивятся бесплотных чини, смотряще Тя, Христе, носяща тело земное, и возшедша на облак, и к небесным восходяща. Начальницы Ангелов недоумевахуся друг ко другу: что видение сие? Человек убо зраком видимый, как Бог превыше небес с гатотию восходит. Твою обожившуюся плоть, Христе, зряще на высоте Ангели, друг ко другу глаголаху: воистину, Сей есть Бог наш! — Облак Тя света восприят на высоту, и Ангели со страхом и трепетом служаху Божественному Твоему вознесению. Ангельския силы горнейшим вопияху:

врата возмите Христу, нашему Царю, Егоже воспеваем вкупе со Отцем и Духом. Врата возмите, разумеите преславная: Царь всяческих, тело землено нося, прииде к нам в покой Свой, человека обожив за милосердие многое и безмерную милость. Видевше очервлены (окровавлены) ризы Твоя, Христе, Всецарю, Твоим восходом ужасошася Ангельския силы, и страхом и радостью поклонишася. — Что Твоя ризы червлены, Человеколюбче? — Силам божественным вопрошающим — "Точило ныне изгнетох" (то есть Кровь Свою пролил за спасение мира) Христос восходя вопиаше. — Белоносцы Ангели Апостолом предсташа недомышлящимся новому видению (невиданному зрелищу) Твоего Вознесения, Слове, Отцу Собезначальне, глаголюще: мужие Галилейстии, что стоите зряще на небо? Что скорбите? что же удивляетея?.. Сей Иисус, Егоже видите вознесшася, сие во славе мнозе паки приидет судити вселенней и всем дати достойная. Всед на облаки небесныя, оставив (преподав) мир сущим на земли, возшел и сел еси одесную Отца, яко единосущен Сему сый и Духу; аще бо и во плоти явился еси, но непреложен пребыл еси... Взыграшася (возрадовались) Апостоли, зряще на высоту днесь Зиждителя землема, упованием (ожиданием) Духа и страхом (исполнены) зовяху: слава восходу Твоему! Снисхоша с радостью от горы Елеонския ученицы Твои, Слове, славяще и поюще божественное Твое Вознесение. Дадим Богу величие, хвалы согласие воскликнем, воспоим, ликуем, руками же воспещим: взыде Бог наш на небеса от земли, Ангелом и Архангелом поющим Его, яко Владыку и Творца всех. Горе ко Отцу Христос восходит, и приносит плоть, юже от нас восприят: Того воспоим в похвалении днесь, победную песнь поюще. Странно (непостижимо) Твое Рождество, странно Твое Воскресение, странно и страшно Твое, Жизнодавче, еже от горы божественное Вознесение, еже изобразуя Илия четвероконный восхождаше, воспевая Тя, Человеколюбче. На гору Елеонскую пришел еси, милуяй род человеческий, и облак подыят Тя от очию учеников Твоих, трепещущим им за видение, радующимся же за чаяние Святаго Духа... Вознеслся еси во славе, Христе Боже наш, радость сотворивый учеником обетованием Святаго Духа, извещенным им бывшим благословением (когда они были Твоим благословением укреплены в вере), яко Ты еси Сын Божий, Избавитель мира. На горах святых зряще Твое Вознесение, Христе, сияние славы Отчи, воспеваем Твой светообразный лица зрак, кланяемся стражем Твоим, почитаем Воскресение, славное Вознесение славяще, — помилуй нас! Недр Отческих не разлучься, Сладчайший Иисусе, и с земными яко человек пожив, днесь от горы Елеонския вознеслся еси во славе, и падшее естество наше милостивно вознес, Отцу спосади еси; темже небеснии чинове бесплотных, чудеси удивляющася, ужасохуся ужасом, и трепетом содержиши, Твое человеколюбие величаю. С ними же и мы, земнии, еже к нам Твое снисхождение и еже от нас вознесение славословяще, молимся, глаголюще: ученики и Рождшую Тя Богородицу радости бесчисленныя исполнивый в Твое Вознесение, и нас сподоби, радости избранных Твоих, молитвами их, великия ради Твоея милости. Еже,

Христе, даровал еси мир учеником, к горним древле зосходя, той и нам богато низпосли, в любви всех содержа, яко да согласно Тебе, Спаса, величаем. Возшед на небеса, отнюдуже и сошел еси, не остави нас сырых, Господи; да приидет Твой Дух, нося мир миру; покажи сыном человеческим дела силы Твоея, Господи Человеколюбче! Еже о нас исполнив смотрение (промысление), и яже на земли соединив небесным, вознеслся еси во славе, Христе Боже наш, никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный и вопия любящим Тя: Аз есмь с вами, и никтоже на вы! — Земля празднует и ликует, и небесная (селения) веселия исполняются о Вознесении Христа, Творца твари, древле разстоящаяся соединившаго благодатию".

483. Праздник сошествия Святого Духа в Церковных песнопениях

Обетование Утешителя. — Дыхание бури и огненные языки. — Прославление Триипостасного Божества. — Славословия и моления Святому Духу.

Пятидесятницу празднуем, и Духа пришествие, и предложение обещания (Христово), и надежды исполнение, и таинство елико, яко велико же и честно (сколько таинство, столько же таинство великое и честное). Попразднственный, вернии, и конечный праздник празднуем светло, — сей есть Пятидесятница, исполнение обещания (Христово) и предложения: в сей бо (день) огонь Утешителя сниде на землю, яко в виде язык, и ученики просвети, и сия небогатаинники показа (соделал созерцателями тайн небесных), свет прииде Утешителя и мир просвети. Приидите и станем на горе Сионской, во граде живаго Бога, духоносным учеником (Христовым) ныне сликующе. Законом и пророки древле проповеданное исполнися: всем бо верным днесь благодать излися. Рекоша чистая и честная уста (Господа): "Разлучения вам (с вами у Меня) не будет, о друзи: Аз бо, на Отчем вышнем Престоле соседя, излию Духа возсияти (воссияния, просвещения) желающим благодать независтную" (неоскудевающую). Учеником, Христе, рекл еси: "Сидите во Иерусалиме, дондеже облечетесь с высоты Силою: Аз же, яко Мене, Утешителя иного, Духа Моего же и Отча пошлю, в Нем же утвердитесь." На Престоле, Христе, Отческом сед, низпослал еси учеником Твоим Утешителя, как обещался еси, Спаса, яко Бога грядуща, яко всех Содетеля, из Отца исходяща. — Преславная днесь видеша вси языцы (народы) во граде Давидове, егда Дух сниде Святыи во огненных языцех, как Богоглаголивый Лука повествует, глаголет бо: собранным учеником Христовым бысть шум, как носиму дыханию бурну, и исполни дом, идеже бяху сидяще: и вси начаша глаголати странными (чудными) глаголы, странными учении, странными повелении Святыя Троицы. Егда Духа Твоего послал еси, Господи, сидящим Апостолом, тогда еврейския дети (народ еврейский) зряще ужасохуся ужасом: слышаху бо я (их) вещающа иными странными языки, как Дух подаваше им; невежди бо суще, умудришася, и

языки (народы) в веру уловивше, божественная ветийствоваху. Неразумюще языцы (народы), Господи, бывшия силы Пресвятаго Духа на Апостолы Твоя, изменения язык (речей) пиянство быти мняху. Мы же, утвердившися от них (наставленные словом Апостолов), непрестанно сице глаголем: Духа Твоего Святаго не отыми от нас, молимтися, Человеколюбче! Спасовы рачителие (Апостолы) радости исполнишася и дерзновение прияша, прежде бояшиися, яко Дух Святый днесь свыше сниде на дом ученический и ин иная (и каждый иначе) глаголаше к людем, языцы бо разсеяшася (над ними) видимы яко огонь; и сих не опали, но паче ороси. Ныне облачатся державою (облекаются крепостью) Христовою с высоты Апостоли: обновляет бо их Утешитель. Темже просветившися оных ученьми, поклонимся Отцу с Сыном и Духом, молящися спастися душам нашим. Духовнии ветии, ученицы Спасовы, Духа органи бывше верою, разсеяшася в концы земли, честное проповедание православие сеюще. Приидите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся, Сыну во Отце, со Святым Духом: Отец бо бездетно (прежде всех веков, безначально) роди Сына Соприсносущна и Сопрестольна, и Дух Святый бе во Отце, с Сыном прославляем: Едина Сила, Едино Существо, Едино Божество. Емуже поклоняющися, вси глаголем: Святый Боже (Отче), вся содеявый Сыном, содейством Святаго Духа; Святый Крепкий (Сыне), Имже Отца познахом и Дух Святый прииде в мир; Святый Бессмертный, Утешительный Душе, от Отца исходяй и в Сыне почиваяй: Троице Святая, слава Тебе! Троицу единосущную песнословим — Отца и Сына со Святым Духом: сию бо проповедаша вси пророцы, и Апостолы, с мученики. Во дворех (во храмах) Твоих, Господи, колена душ и телес преклонше, вернии воспеваем Тя — Безначальнаго Отца, и Собезначальнаго Сына, и Соприсносущнаго и Пресвятаго Духа, просвещающаго и освящающаго души наша. От Духа Твоего на плоть всякую, как рекл еси, богато излият еси, и исполнишася всяческая Твоего ведения, Господи, яко из Отца Сын нетленно родился еси, и Дух нераздельный изыде. Языками инородных обновил еси, Христе, Твоя ученики, да теми Тя проповедят бессмертнаго Слова и Бога, подающаго душам нашим велию милость. Благословен еси, Христе Боже наш, Иже премудры ловцы (Апостолы) явлей, низпослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную: Человеколюбче, слава Тебе! Скорое и известное (истинное) даждь утешение рабом Твоим, Иисусе, внегда унывати духом нашим; не разлучайся от душ наших в скорбех; не удаляйся от мыслей наших во обстояниих (бедствиях), но присно нас предвари. Приблизися нам, приблизися, везде Сый! Как со Апостолы Твоими всегда еси, сице и Тебе желающим соедини Себе, Щедре: да совокуплени Тебе поем, и славословим Всесвятаго Духа Твоего. Утешителя (ходатая) имуще ко Отцу — Христа Бога, Утешителю иному, пришедшему к нам на землю днесь, Духу Святому, верою поклонимся. Божественный Душе Святый, Иже всем разделяяй дарования и вся творяй волею, вдохни ми светоносное Твое дарование, яко да славлю Тя, Отцу и Сыну совокупляема. Из Отца неизреченно исходяща, и на Сыне неслиянно почивающа, Духа честнаго и всесильнаго, Тя превозносим

во веки. Хотением Твоим дарования раздавая имже хощещи, Утешителю, Тебе Бога знающим, Твою благодать подаждь верою вопиющим. Песньми немолчными благодать Духа, в дыхании бурне облиставшую Богоглаголивых Апостол, согласно славим, со бесплотными лики вопиющие: свят еси, Господи! Во пророцех первее глаголавый и законом (Моисеевым) проповеданный несовершенным (людям), Бог истинный Утешитель познавается днесь служителем и свидетелем Слова. Вся подает Дух Святыи: точит (источает) пророчества, священники совершает, некнижные (Апостолы) мудрости научи, рыбаи Богословцы показа, весь собирает Собор церковный (всю Церковь). Единосущне и сопрестольне Отцу и Сыну, Утешителю, слава Тебе! Свет — Отец, Свет — Слово, Свет — и Святыи Дух, Иже во языцех огненных Апостолом послася, и Тем весь мир просвещается Троицу почитати Святую. Дух Святыи бе убо присно, и есть, и будет, ниже начинаем, ниже престаяи, но присно Отцу и Сыну счинен и счисляем (соединен и совокуплен). Живот и животворяи, Свет и света Податель, Самоблагий и Источник благодати, Имже Отец познавается, и Сын прославляется, и от всех познавается едина Сила, едино счисление (соединение), едино поклонение Святыи Троицы — Дух Святыи — Свет и Живот, и живый Источник умный (духовный), Дух премудрости, Дух разума; Благий, Правый, Умный; обладаи, очищай прегрешения; Бог и боготворяи; Огонь, от Огня происходяи; глаголай, дейи (действуя), раздавали дарования; Имже пророцы вси и божественнии Апостоли с мученики венчашася. Странное (дивное) слышание, странное видение: Огонь разделяи в подаяние дарований! О Душе премудрости и страха Божия, истины, совета и разума, мир подавай, вселися в ны, яко да освятившееся Твоим вселением, из ноци утреннююще, славословим Тя, Человеколюбче. Всесвятыи Душе, исходяи из Отца и Сыном пришедый к безкнижным учеником, Тебе Бога познавших спаси и помилуй всех! Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняи, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша. — Прииди к нам, Душе Святыи, соделоваи причастники Твояи святости, и света невечерняго, и божественныи жизни, и благоуханнейшаго раздаяния, Ты бо река Божества, из Отца Сыном происходяи. Душе правый, на пути правыи настави Тебе богословящи. Ныне в знамение всем яве языцы (огненные языки) быша. Иудеи бо, от нихже по плоти Христос, неверием недуговавшие, Божия благодати отпадоша, и (мы) сущии от языков (язычников) Божественнаго света сподобихомся, утвердившееся словесы учеников, вещающих славу Благодетеля всех Бога, с нимиже сердца с коленами приклонше, верою поклонимся Святому Духу, утвердившееся Спасителем душ наших.

484. Грех кощунства

Что такое кощунство? Кощунство — это шутка, насмешка или поругание святыни. Заметьте, друга мои, шутка над святыней — то же, что и поругание, оскорбление святыни. Это тяжкий грех против третьей заповеди Божией (смотри "Православный Христианский Катехизис"). Почему же шутить над святыней значит оскорблять ее? А потому, что где святыня, там и благодать Божия, там таинственное присутствие особенной силы Божией, освящающей и спасающей человека. А можно ли шутить, смеяться над силой Божией? Не значит ли это — нам, ничтожным тварям, смеяться над Самим Творцом своим и Богом?... И подумать, братие, страшно о такой дерзости!

При царе Давиде был такой случай. Перевозили священники израильские Ковчег Завета Божия на колеснице из одного города в другой. Некто Оза, опасаясь, чтобы Ковчег Господень не упал с колесницы, вздумал поддержать его, как обыкновенную вещь, но лишь только без благоговения коснулся его рукой, как пал мертвым. Так Господь требует почтения ко всякой святыне! Благоговейный страх, смиренное, молитвенное расположение сердца — вот чем должна быть занята душа при мысли о всем, что свято, что близко к Богу, что освящено Его благодатью. Близки к Богу святые Божии угодники: как же можно шутить или смеяться над ними? Не оскорбление ли это будет Самому Богу? Позволишь ли ты смеяться над близким тебе человеком — отцом, матерью, дорогим твоим другом или благодетелем? Нет; ты, человек, не понесешь этой шутки, оскорбительной для чести близких тебе людей: можно ли думать, что Господь ни во что поставит кощунственные речи о святых Его угодниках? Ты обидишься, если кто-то будет смеивать портрет твой или близких твоих? Как же дерзнешь ты шутить или смеяться над святыми иконами? Ты оскорбишься, если кто-нибудь станет читать твое письмо, искажая его смысл, обращая твои слова в смехотворство? Как же ты решаешься обращать в шутку святые слова Божии, начертанные во Священном Писании, прилагать их к беседе, где не подобает, возбуждать ими смех, как будто это — не слова Божии, а шутки и кривлянье балаганного скомороха?.. Удержи, брате, язык твой от грешного слова кощунного! Убойся Бога: «Бог поругаем не бывает» (Гал. 6; 7), и не допустит, чтобы ты безнаказанно позволял себе ради греховной потехи (не говорю уже — ради прямой хулы) смеяться над всем, что требует от нас благоговейного себе почтения и поклонения!

Конечно, Бог милосерд и долготерпелив; но Он — и правосуден; как и наши предки говорили: "Бог долго терпит, но больно бьет!" Вот тому примеры. В 1886 году на Черном море погиб русский пароход "Царица". Вот что рассказывает очевидец этого крушения в журнале "Благовест" (1887, № 9): "В каюте I класса стоял образ святителя Николая, около которого офицеры очень небрежно курили табак. Я заметил, что это неприлично, но в ответ получил насмешку и еще большее глумление над святыней; один из них нарочито набрал дыма в рот, и потом пустил его в самый лик святителя... Возмущенный этим кощунством я сказал офицеру: "Смотрите, святитель Николай сколь милостив, столь же и грозен; он не потерпит этого и вас

накажет." Спустя немного времени раздался страшный треск и... дальнейшие подробности крушения нашего парохода известны из газет". Рассказанный случай тем поучительнее, что святитель Христов Николай почитается в Православной Церкви покровителем в море плавающих.

А вот рассказ одного почтенного старца, простеца, о самом себе, о том, как строго наказал его Господь за кощунственное глумление над святым пророком Божиим Илией. "На грешной душе моей лежит, как тяжелый камень, смертный грех. Оттого я и не ем рыбу, не ем и молоко и мясо, и ничего скоромного шестой десяток уже в рот не беру; не в похвальбу будь это сказано: не пью я ни вина, ни пива. Смолоду было со мной сатанинское наваждение, такое ужасное, что добрым людям и рассказать страшно. Тогда я и ел, и пил, и вина-то напивался, бывало, до бесчувствия и безобразия. Что уж мне теперь, старому человеку, таиться? Расскаюсь я перед миром всем крещеным. От людей ведь утаишь, а от Бога не утаишь: Он все видит, милосердый наш Батюшка, и до поры до времени терпит нас, окаянных грешников, — тут старик рукавом кафтана отер слезы, катившиеся по бледному, изнуренному лицу, и продолжал. — Молодого-то меня уму-разуму наставлять было некому: полугодовалым остался я от кормильцев моих — от отца с матерью. Говорят, в одни сутки прибрал их Бог. Дай-то, Господи, их душенькам Царство Небесное, рай пресветлый; упокой их, Господи, помилуй их, Христос Небесный. После них я и остался один-одинешенек, как перст на свете, но недаром поговорка говорится: "Свет не без добрых людей". В нашей деревне жил мужик, кузнец, дядя Максим. Мужик он был зажиточный, а детей у него живых не было: были детки, да скоро умирали. Дядя Максим и взял меня к себе в дом, и воспитал, воскормил меня у себя вместо своего родного детища. Дядя Максим был добрый и умный мужик; всему обучил меня: и крестьянству, и кузнечному мастерству, да только та беда, что водочку очень любил, не сторожил и меня, баловал да потворствовал. Прости его, Господи! Может быть, из-за него вот я теперь наказан Господом и сижу без ног шестой десяток. У нас в деревне, у деревенского старосты был сын, мне одногодок, по имени Павел. С этим Павлом все мы и водились, и чего-чего с ним не проказили! Бывало, в праздник или в воскресенье Христово мы с ним к обедне не пойдем, а уж вместо обедни наше было дело — сходить в кабак, напиться, поплясать, побраниться, поссориться, подраться. За это и наказал же нас Господь Бог! Деревня наша вся каждый год празднует летом Илию пророка; на праздник в нашу деревню собирается народ и из других деревень. Так было и на этот раз. Пошли у нас игры, песни, пляски, разные хороводы. Денек-то выпал для праздника угодника Божия такой светлый, да теплый. К вечеру солнышко закрылось, нашла туча темная-претемная, так что в деревне ничего не стало видно, а молния-то так и сверкает, а гром-то так и гремит. Все крестятся да говорят: "Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!.." От страха разбежались все, кто куда мог: кто в избу, кто на двор, кто под навес. На улице остались только мы двое: я да Павлушка. Он на балалайке играл, а я вприсядку подплясывал, да

приговаривал: "Илья пророк... Илья пророк...". И другие такие слова я говорил, что и пересказывать не следует. Пляшем это мы, а старики, стоя на дворах, кричат нам: "Мирошка, Павлушка! Что вы? С ума, что ль, сошли? Побойтесь вы Господа Бога, нехристи вы, что ли? Перестаньте, уймьтесь. Вот вас Илья-то пророк накажет!"

А я дразню стариков, пляшу да приговариваю: "Не боюсь, тебя, Илья пророк, Илья пророк!.." Вдруг сверкнула молния, и меня как будто кто со всего размаха ударил поленом по ногам. Я свалился с ног, как сноп, и не помню, как взяли меня и оттащили домой. Павлушке оторвало обе руки по локоть; он на улице и умер, а я-то вот с той поры на всю жизнь и остался калекой. Ах, Боже мой, как вспомню, что со мной тогда было, так сердце кровью обливается. Поделом Господь наказал меня, нечестивца. Шесть недель я лежал, как пласт, в постели: не мог пошевелить ни ногой, ни рукой; и перекреститься не мог, а ел и пил только то, что хорошие люди в рот положат".

Так закончил свой рассказ наказанный и помилованный Богом старец, простец (читай в журнале "Странник", 1869, август). Много подобных рассказов можно найти в наших духовных журналах. Так, недавно один сельский священник печатно огласил поразительный случай наказания Божия за кощунство и богохульство одного крестьянина, пьяницы. Он потребовал себе в лавке в постный день ветчины, и когда продавщица заметила ему: "Что ты, родимый, разве можно ныне есть ветчину, ныне среда, постный день", он стал бранить ее — "нечего тебе меня учить; давай фунтов пять, я и сам поем, и товарищам на луг отнесу". — "Мне не жалко свинины, — сказала продавщица, — мне тебя жалко: ведь Бог тебя за это накажет..." — "Да где Бог-то твой? — отвечал ей со смехом безумец. — Он и не увидит, как я наемся; это уж мне не в первый раз..." И вот, лишь только богохульник положил первый кусок ветчины в рот, как тотчас упал на землю и богохульный язык его замолк навеки... Кусок ветчины остановился у него в горле и задушил его сразу... Воистину «страшно (есть) еже впасти в рuce Бога живаго!..» (Евр. 10; 31). (Случай этот описан в "Рязанских епархиальных ведомостях", 1887, № 5).

485. У гроба Богоматери

"О дивное чудо! Источник Жизни во гробе полагается, и лестница к небеси гроб бывает!"

Дивного Бога дивная Матерь дивна была и в зачатии Своем, дивна и в житии Своем, дивна и в Своем преставлении: воистину вся Она — одно дивное чудо! Зачатая по благовестию Ангела, Она родилась от неплодных, престарелых родителей; пребывая чистой Девой, Она стала в то же время и Матерью; будучи Матерью, Она осталась и Девой; умерла, но гробом, как лестницею, взшла на небо: поистине дивное чудо! В рождестве Дева и по

смерти жива, а гроб, как лествица Иаковлева, оставаясь на земле, делается для Нее лествицей восходящей до неба: "... и лествица к небеси гроб бывает...". Станем же, возлюбленные, у этого дивного гроба Матери Божией, станем умом нашим, и мысленными очами присмотримся, какие это ступени у этой дивной лествицы? Что за ступени, коими Матерь Божия, в час преставления Своего, взошла на небо? Ужели гроб человеческий, в три аршина длиной, поставленный прямо, может достать до неба? Понятно, что слово "гроб" означает здесь самую смерть. Смерть называется здесь гробом и лествицей, потому что как гроб измеряется тремя аршинами, так и смерть святых Божиих возводит их души к небу тремя богословскими добродетелями: верой, надеждой и любовью. Вера возводит их к лицезнению Божию, надежда — к получению тех благ, «ихже око не виде, и ухо не слыша» (1 Кор. 2; 9), а любовь соединяет их с Самим Богом, Который есть любовь. Но кто может исчислить все добродетели пресветлой души Матери Божией? Кто в состоянии поведать: как и какими добрыми делами Пречистая Дева от юности Своей до самой кончины угождала Богу, Творцу Своему? Скорее перечтешь весной цветы, летом колосья, осенью плоды, зимой снежинки, скорее сочтешь капли в море, звезды на небе, нежели добрые дела и преимущества Матери Божией. Поэтому, оставляя в стороне все неисчетные Ее добродетели, я укажу только на три, наиболее прекрасных. Итак, вопрошаю: "Кто ныне преставился?" Знаю, что каждый из вас, по своему усердию к Преставившейся, ответит мне похвальным Ей словом; один скажет: "Преставилась Матерь Божия к Своему Сыну и Богу". Другой ответит: "Одушевленное Небо взято в небесные селения". Третий: "Пречистый и Пречестный Дом Божий перенесен в нерукотворенные храмы небесные". Четвертый: "Взошло от земли на небо Солнце, в Котором положил Свое селение Вышний". А я обращаюсь к Самому этому дивному Мертвецу, на три только дня в гроб положенному, и вопрошаю: "Скажи мне, кто Ты?" И слышу в ответ смиренное слово: се, Раба Господня (Лк. 1; 38). Итак, вот Кто ныне преставился: преставилась и положена в гроб — Раба Господня! Таково смирение Матери Божией! А между тем, эта Раба Господня есть благословенная Дщерь Бога Отца, Которой Он изрек: «Слыши, Дщи, и виждь...» (Пс. 44; 11). Она же есть и Матерь Бога Сына, и безвестная Невеста Духа Пресвятого! Девственная чистота, смирение и любовь — вот те три добродетели, коими Она в течение всей Своей земной жизни приближалась к Богу, Единому в Троице; вот те ступени, коими Она и в преставлении Своем взошла на небо.

Первая ступень. От юности Своей Она была одушевленным храмом Духа Святого, ибо ни в ком так не любит пребывать Дух Святой, как в совершенных девственниках; а Пречистая Матерь Божия была совершенной Девой не телом только, но и духом. Она была Дева телом, ибо сохранила нетленным цвет чистоты Своей; Она была Дева и духом, ибо никогда и не помышляла о браке. Когда первосвященники предлагали Ей, по достижении возраста брачного, выйти в замужество, то Она отвечала им: "Я отдана

родителями Единому Богу от самых пелен, Ему и обещала соблюсти Мое девство навсегда, поэтому невозможно для Меня быть женой смертного человека". Так явилась Она первой в мире чистой Девой ради Господа, и этим девством Своим, как бы ступенью лестницы, взошла превыше небес.

Вторая ступень. То же должно сказать и о Ее смирении. Смирением Она превзошла всех святых Божиих; за смирение Свое Она удостоилась быть Матерью Сына Божия. На Ней во всей полноте и силе исполнилось слово Сына Ее и Бога: «и смиряйся вознесется» (Мф. 23; 12). Он говорил некогда ученикам Своим: «аще не обратитесь и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное». Ибо лишь «Иже убо смирится яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небеснем». Смириться яко отроча сие — значит быть кротким, смиренным, незлобивым, как дитя. «Не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте» (1 Кор. 14; 20). И в самом деле, для учеников Христовых нужно было это обращение к незлобивому, смиренному детству: в них иногда являлась мысль, — кто из них больше, кто сядет одесную или ошуюю Христа; а для Пресвятой Девы, Матери Божией, не было и нужды в таком обращении. Она с самого младенчества Своего пребывала неизменно в Своем смирении; возрастая телом, Она смирялась духом, и всегда была смиренна и незлобива, как младенец. С возрастом Она возрастала и разумом, и в Богомыслии достигала неба; вот Она уже слышит от Архангела благовестника: «радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословена Ты в женах!.. Обрела бо еси благодать у Бога...» (Лк. 1; 28, 30).

Вход в часовню гроба Богоматери.

Твой Сын будет велик, и «Сын Вышняго наречется...» (Лк. 1; 32) Какая честь, какое достоинство! И, однако же, о чем помышляет Она? Что говорит? С младенческим смирением Она отвечает: «се, Раба Господня!» Как бы так сказала: "Я недостойна не только быть, но и именоваться Матерью Господа Творца Моего; Я недостойна не только соцарствовать Ему, но и стоять перед Ним; недостойна не только носить Его во утробе Моей или на руках Моих, но и взирать на пресвятое лицо Его, на которое с трепетом взирают и Серафимы, — «се, Раба Господня!» Пусть буду Я только одной из рабынь Его!" О глубина смирения, глубина, неудобозримая и Ангельскими очами! И на кого воззрю, — говорит Господь, — «токмо на кроткаго и смиренного» (Ис. 66; 2). И вот, призрел Он на смирение Рабы Своей (Лк. 1; 48), за смирение избрал Ее Своей Матерью, смирением возвел Ее в Небесное Свое Царство. И ныне в лице Пречистой Девы смирение царствует там, откуда низвержена гордыня.

Третья, высочайшая ступень Ее к небу, это Ее любовь к Богу. А как Она возлюбила Бога — это не может изъяснить никакой язык, не может постигнуть никакой ум. Любовь есть одна из неведомых тайн сердечных, ведомая только Единому Богу, испытующему сердца и утробы. Она любила Бога всем сердцем, всей душой и всем Своим помышлением. Она возлюбила Бога теплейшей любовью паче всех святых Божиих, прежде Нее и после Нее когда-либо живших на земле. Поэтому и Бог возлюбил Ее паче всех, как Сам

же Он изрек: «Аз любящая Мене люблю». И поставил Ее ближе всех к Себе; «предста Царица одесную Тебе...»

Вот, возлюбленные, те три ступени (не говорю уже о прочих), коими Матерь Божий ныне восходит в горные обители: к Богу Духу Святому — девственной чистотой, к Богу Сыну — смирением, к Богу Отцу — любовью, а лучше сказать, всеми тремя ступенями вошла к Единому в Троице Богу. Ибо чем Она угодила Богу Духу Святому, тем угодила и Богу Сыну, и Богу Отцу. Чем угодила Она Богу Сыну, тем угодила и Богу Отцу, и Богу Духу Святому. И чем угодила Богу Отцу, тем угодила и Богу Сыну, и Богу Духу Святому. Мы же, этому Ее восхождению удивляясь, с трепетом взываем: "О дивное чудо!.. Лествица к небеси гроб бывает!" Аминь.

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

486. Страждущая добродетель

«И абие послав царь спекулятора, повеле принести главу его. Он же шед усекну его в темнице, и принесе главу его на блюде, и даде ю девице, и девица даде ю матери своей» (Мк. 6; 27-28)

На самой середине жизни, проводимой в строжайшем исполнении закона Божия, перед тем как увидеть «Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк. 9; 1), для чего все ветхозаветные праведники готовы были бы восстать из гробов, вдруг лишиться жизни — в угоду бесстыдной любодейце, и отдать главу свою на блюдо спекулятора (оруженосца), чтобы она служила зрелищем среди безумного пира, — может ли быть участь плачевнее сей участи? И кого же постигла такая участь? Святейшего проповедника истины и добродетели, Пророка, Предтечу и Крестителя Сына Божия, того, более которого, по свидетельству Самого Христа, «не воста в рожденных женами болий» (Мф. 11; 11).

Боже мой, что же после этого значит наша жизнь и смерть, что Промысл Небесный и добродетель, что мир сей и все, что в нем? Верно, братие, не так должно взирать на жизнь и смерть, как мы обыкновенно взираем; видно, у Творца нашего есть другие законы, по которым величайший праведник может окончить земное течение свое так, как окончил его Иоанн, и, напротив, величайший грешник, каким был Ирод, может не знать печали и слез до самого конца своего. Можем ли мы знать эти законы? Можем и должны. У Промысла Божия много тайн, но в этом отношении довольно света для самых близоруких очей. Дабы мы не имели причин для ропота и несли благодушнее каждый свой крест, в слове Божиим ясно открыты нам как причины, так и цель невинных страданий в этом мире. Раскроем это в утешение страждущих и для вразумления тех, которые заставляют невинно страдать других.

То, что за невинностью должны следовать радость и мир, а не гонение и слезы — это закон вечный, непреложность которого сердце наше признает

вопреки всем мудрованиям ума строптивного, вопреки всем примерам гонимой добродетели и торжествующего порока. Невольно и охотно веришь, что было время, когда добродетель и блаженство были заодно, и что снова будет время, когда они станут заодно. С другой стороны, кто, не сводя взоров с лица Отца Небесного, может сказать, чтобы источник страданий для праведных брал начало свое на небе, от Него, премудрого и всеблагото Отца нашего? Кто может сказать это? Нет! Человек сам не захотел сохранить своего счастья и блаженства, сделался несчастным сам и распространил несчастье по всему лицу земли. С тех пор и страдают праведные. С тех пор и торжествуют нечестивые. Многие здесь не на своем месте и происходит не так, как бы надлежало: правое сделалось левым, а левое — правым; тьму называют светом, а свет тьмой. После этого искать в нашем падшем мире строгого порядка правды, верного сочетания счастья и добродетели — значило бы искать благоразумия в доме лишенных ума. "Но, — говорят, — где же Промысл?" — Везде, где есть в нем нуждающиеся. — "Что делает он?" — Все, что нужно для блага гонимых, и даже гонителей.

В самом деле, все, чего должно желать теперь и на что можно по праву надеяться от Промысла Божия, — все это состоит в том, чтобы поставлена была граница безумию человеческому, чтобы страдания людей добродетельных были как можно менее, и обращались во благо для страждущих, чтобы зло погребалось в самом торжестве своем, а правда воскресала со славой из самого гроба своего. Но все это и сделано Промыслом Божиим, и притом так, что самый взыскательный ум не может пожелать большего и лучшего. И, во-первых, далеко ли может простираться свирепость самых лютых гонителей человечества над людьми? Не далее, как до отнятия жизни тела, каким образом и пострадали многие мученики, — сам Иоанн Креститель и Сам Спаситель: «лишше что», говоря собственными Его словами, мучители не могут «сотворити» (Лк. 12; 4); души коснуться не в их власти, тем паче совесть остается всегда собственностью человека, недоступной никакому внешнему могуществу. Но много ли значит потеря тела брэнного, которое и без мучений через несколько лет должно соделаться добычей болезней и тления, — много ли значит потеря этого тела для духа, который не знает смерти и конца, и, совлекаясь с брэнной храмины телесной здесь, где она тяготит его непрестанно, тотчас находит для себя «храмину нерукотворену, вечну», созданную Самим Богом «на небесех» (2 Кор. 5; 1), облекаясь в тело духовное, славное и бессмертное? Не то же ли в этом отношении значит самая мученическая смерть, как если бы кого насильно извлекли из бедной хижины и бросили на вечное жилище в чертоги царские? И мучители в этом случае не являются ли благодетелями мучимых, как последние действительно нередко и называли их? Точно, благодетели, хотя сами не ведают этого, и думают делать для мучимых ими зло нестерпимое: они отнимают временное, а лишаемые приобретают вечное; огонь скорбей и мучений очищает последние остатки нечистот греховных, которые в самых праведных людях остаются иногда надолго. Все дело страждущих, таким

образом, состоит в том, чтобы уметь переносить страдания в духе веры и обращать их к духовной пользе своей, к очищению сердца и совести, чтобы через страдания теснее соединяться с Господом и Спасителем своим, Который есть вождь, образец и друг всех страждущих во имя Его. Кто страдает таким образом, в духе веры и любви, без ропота на Промысл, без ненависти к своим гонителям, тот имеет все причины радоваться, ибо он явно среди царского пути; над ним уже веет знамя победы, перед ним уже открыты ворота рая!

Приложим эти истины к радостно-печальному событию, нами воспоминаемому. Иоанн по своей ревности к правде и закону не мог не обличать Ирода; Ирод с Иродиадой, по своей злобе и развращению, не способны были принимать с пользой обличений святого мужа. Правда встретила таким образом и сразилась с пороком: каждый, так сказать, сделал свое дело, и каждый получил свое. В Иоанне обнаружилась вся сила веры и добродетели; в Ироде явило себя преобладание могущества земного. Сила веры не убоялась обличить порок, прикрытый царской порфирой, могущество земное не устыдилось усекнуть того, кто, по признанию всех, был величайшим из Пророков. Победа, по-видимому, осталась на стороне нечестия: глас, вопиявший в пустыне, умолк, светильник света погас; а порок остался в любезном ему безмолвном мраке. Но на самом деле произошло совершенно противное: Иоанн из пустыни восхищен в рай, от акридов — на вечное блаженство; спекулятор был как бы Ангелом, который возложил на него венец мученический. Ирод продолжал пиршествовать, пиршествовал несколько лет, а потом увидел и над собой спекулятора, который исторг душу его из тела и поверг туда, где огонь не угасает и червь не умирает. Кто теперь приобрел, и кто потерял? Ирод или Иоанн?

Если бы убийце Иоаннову предложено было возвратиться на землю, каких смертей не согласился бы он претерпеть, только бы возвратить безумное повеление, данное против Иоанна? А Иоанн? Мученический венец его так величественен, что ему не для чего возвращаться на землю, даже за всеми венцами в мире. И из нас теперь, несмотря на слабость нашу в добродетели, кто, если бы довелось избрать одно из двух, — кто захочет стать на месте Ирода, и не предпочтет участи Иоанна? Одно имя последнего уже возбуждает благоговение у всех и любовь; напротив, имя Ирода всегда означало и будет означать извергов, играющих человечеством. Таким образом, братие, и всегда страдает здесь невинность, — страдает временно, дабы получить награду вечную, — страдает потому, что ее не может терпеть неправда, равно как и сама она не терпит неправды, страдает для усовершенния себя в бескорыстном служении Богу.

Помня об этом, будем великодушны в перенесении бедствий; не станем роптать на Промысл Божий за то, что он допускает торжествовать нечестивым; здесь их «година и область темная» (Лк. 22; 53), но будет время воздаяния и Суда, день торжества для праведных и гонимых; тогда-то явится во всей силе, кто потерял и кто приобрел, — те ли, «сеющие слезами» (Пс.

125; 5), или те, которые рассеивали жизнь среди безумных радостей и смеха. В ожидании этого славного и грозного дня, будем с терпением нести крест, нимало не страшась порока, как бы он ни был могущ и дерзок. Человек, делающий правду, ходящий в законе Божиим, должен быть выше всего и бояться Единого Бога. «Ей, глаголю вам, братие, кого убойтесь: убойтесь имущаго власть» и душу и тело «вовреци в дебрь огненную» (Лк. 12; 5), — а не Иродов, не Каиаф и Пилатов! Аминь.

(Из "Слова " Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического на великий праздник Усекновения главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна)

487. Ничто не наше на земле

У тебя все не свое — и богатство, и дар слова, и сама душа, ибо и она от Господа. Поэтому, когда потребует нужда, отдай и душу свою. Если же ты любишь ее и не хочешь отдать, когда тебе повелевается, то ты уже не верный домостроитель. Можно ли противиться, когда повелевает Бог? Я вот что скажу: потому особенно я удивляюсь человеколюбию Божию, что Бог, имея возможность взять у тебя все против твоей воли, не хочет делать этого без твоей воли, дабы ты заслужил награду. Например, Он может взять твою душу без твоей воли, но хочет, чтобы ты отдал ее по своей воле. Он может лишить тебя почестей без твоей воли и сделать тебя униженным, но хочет, чтобы это было по твоей воле, дабы ты получил воздаяние. Он может сделать тебя бедным против твоей воли, но хочет, чтобы ты сделался таким добровольно, дабы даровать тебе венцы. Видишь ли Божие человеколюбие и наше ослепление? Достиг ли ты высокой степени достоинства и получил власть? Не высокоумствуй; не ты достиг этой чести, а Бог облек тебя ею; береги ее, как чужую: не злоупотребляй на то, на что не следует; не гордись и не присваивай себе, но считай себя бедным и незнатным. Если бы тебе поручено было хранить царскую порфиру, то ты, конечно, не стал бы злоупотреблять этой одеждой и портить ее, но с великим тщанием хранил бы ее для вручившего тебе. Получил ли ты дар слова? Не гордись и не надмевайся; это не твой дар; не будь неблагодарен за дары Господни, но разделяй их с подобными тебе рабами; не превозносись ими, как своими, и не жалеяй их разделить с другими. Имеешь ли детей? Ты получил их от Бога; если так будешь думать, то имея — будешь благодарить, а потеряв — не будешь скорбеть.

Таков был Иов, который говорил: «Господь даде, Господь отъят» (Иов. 1; 21). Все мы получили от Христа; от Него имеем и само бытие, и жизнь, и дыхание, и свет, и воздух, и землю. Если бы Он лишил нас чего-нибудь из этого, то мы погибли бы и истлели; ибо мы — странники и пришельцы. Слова "мое" и "твое" суть только пустые слова, а на деле не то. Например, если ты назовешь своим дом, — это пустое слово, не соответствующее

предмету; ибо Творцу принадлежат и воздух, и земля, и вещество, и ты сам, построивший его, и все прочее. Если же он в твоём употреблении, то и это не вечно, не только по причине угрожающей смерти, но и прежде смерти по причине непостоянства вещей. Представляя это непрестанно, будем любознательными, и получим от этого весьма важную двойную пользу: будем благодарными и при потере, и не станем раболепствовать предметам преходящим и не принадлежащим нам. Лишает ли нас Бог имущества, Он берет Свое; лишает ли тебя чести, славы, тела, души, или сына твоего, Он берет не твоего сына, а Своего раба; ибо не ты, а Он сотворил его; ты только содействовал явлению его, а все сделал Бог. Будем же благодарны, что мы удостоились содействовать делу Его. Но ты хотел бы навсегда удержать то, что имеешь? Это свойственно неблагодарному и не знающему, что у него все чужое, а не свое. Кто знает, что находящееся у него не принадлежит ему, тот расстанется со всем благодушно, а кто скорбит при лишении, тот присваивает себе принадлежащее Царю. Если мы сами не свои, то как же прочее — наше? Ибо мы принадлежим Богу — и по сотворению, и по вере. Так, Давид говорит: «И состав мой от Тебе есть» (Пс. 38; 7). Так же и Павел говорит: «о Нем бо живем и движемся и есмы» (Деян. 17; 28); и, рассуждая о вере, пишет: «несте свои; куплены бо есте ценою» (1 Кор. 6; 19-20). Все — Божие. Поэтому, когда Он требует и хочет взять обратно, то не будем противоречить, подобно неблагодарным рабам, и присваивать себе принадлежащее Господу. Душа твоя — не твоя; как же имущество — твое? И как ты чужое тратишь на то, на что не должно? Разве ты не знаешь, что мы будем осуждены за то, что худо употребляли данное нам? Что не наше, а Господнее, то нам следует употреблять на подобных нам рабов. За это и богач был осужден, что не делал этого, равно и те, которые не почитали Господа. Не говори же: я издерживаю свое и наслаждаюсь своим; это не твое, а чужое. Говорю: чужое потому, что ты сам так хочешь. Бог желает, чтобы то, что вручено тебе для братий, сделалось твоим; чужое делается твоим, когда ты употребляешь его на других; а когда невоздержно употребляешь на себя, тогда твое делается чужим. Ибо все твое есть общее для тебя и твоего ближнего, как общее солнце, и воздух, и земля, и все прочее.

Скажу яснее: пища телесная, если достанется одному желудку, то не может свариться и питать; от этого делается чужой и для желудка; а сделавшись общей, она становится собственностью и его, и всех членов. То же и с имуществом: если ты один будешь пользоваться им, то терпишь вред и ты, потому что не получишь награды; если же будешь разделять его с другими, то оно будет более твоим; тогда и получишь от него пользу. Не видишь ли, как руки служат, уста разжевывают, а чрево принимает пищу, и чрево не говорит: я приняло, потому и должно удерживать все у себя? Не говори того же и ты об имуществе. Кто принимает, тот должен и давать. Как у чрева было бы пороком — удерживать пищу у себя и не отдавать, потому что это погубило бы все тело, так и у богатых — порок удерживать свое имущество у себя, потому что это губит и их самих, и других.

Ноги одни ходят, но не себя только переставляют, а переносят все тело. Так и ты не удерживай один того, что тебе вверено; потому что таким образом повредишь всем, а более всех самому себе. И не на членах только телесных можно видеть это. Кузнец, если не захочет ни с кем делиться своим искусством, то нанесет вред и себе, и другим искусствам. Также сапожник, земледелец, хлебник и всякий, занимающийся каким-нибудь необходимым ремеслом, если не захочет сообщать другим произведений своего искусства, повредит не только другим, но вместе с другими и себе. Почему я говорю о богатых? Потому что и бедные, если бы стали подражать вашей злобе, корыстолюбивые богачи, то причинили бы вам великий вред, скоро сделали бы и вас бедными или, лучше сказать, погубили бы, если бы не захотели отдавать свое тем, кто нуждается в них, например: земледелец — труды рук своих, кормчий — искусство мореплавания, воин — воинскую храбрость. Устыдитесь же, если не другого чего, то хотя бы этого, и подражайте их любомудрию.

Ты не хочешь никому ничего отдавать из своего богатства? Не бери же и сам ничего у других. А если будет так, то все придет в расстройство; потому что давать и принимать во всех областях есть источник многих благ — и в сеянии, и в учении, и в искусствах. Если бы кто захотел не передавать своего искусства, то погубил бы и себя и все общество. Земледелец, если бы стал хранить семена у себя дома, закопав их, произвел бы страшный голод; так и богач, если сделает то же с имуществом, прежде бедных погубит себя самого, навлечет на свою голову страшный пламень геенны. Учителя, хотя бы и имели много учеников, сообщают каждому свое знание; так и ты старайся иметь многих благодетельствованных тобой. Пусть все говорят о тебе: он такого-то избавил от бедности, такого-то от опасности, такой-то погиб бы, если бы, по милости Божией, не получил его помощи; он такого-то излечил от болезни, другого освободил от клеветы, странника принял в дом, нагого одел. Такие отзывы лучше неисчетного богатства и многих сокровищ; они привлекают всех гораздо больше, нежели золотые одежды, лошадь и рабы. Последнее представляется несносным и делает человека ненавистным, как общего врага, а первое показывает его общим отцом и благодетелем, и, что всего важнее, такие благодеяния всегда сопровождает благоволение Божие. Пусть один говорит о тебе: "Он помог мне выдать дочь мою замуж"; другой: "Он постарался вывести сына моего в люди"; третий: "Он спас меня от опасностей". Такие слова лучше золотых венцов и являются как бы бесчисленными проповедниками твоего человеколюбия в целом городе; такие слова гораздо приятнее и сластнее голоса вестников, предшествующих повелителям. Эти слова: "спаситель", "благодетель" — названия, свойственные Богу, чем корыстолюбец, гордец, ненасытный скупец. Будем, увещаваю вас, домогаться названий не этих последних, а противных им. Ибо если такие отзывы еще на земле делают человека столь славным и знаменитым, то, когда они будут написаны на небе и Бог провозгласит их в день будущий, представь, какая будет тебе честь, какая

слава, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

(Из творений святителя Иоанна Златоуста)

488. Духовные сокровища народной мудрости

Листок второй.

1. Царь. Родная земля. Бог на небе, Царь на земле. — Один Бог, один Государь. — Сердце Царево в руке Божией. — Бог милостив, а Царь жалостлив. — Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится. — Все Божие да Государево. Все по власти Божией да Государевой. Никто против Бога да против Царя. — Коли Царь Бога знает, Бог и Царя и народ знает. — Нельзя земле без Царя стоять; без Царя земля вдова. — Народ тело, Царь голова. — Государь — Батюшка, Царица — Матушка. — Надежда — Государь. — Душа Божия, голова царская. — Царю правда лучший слуга. — Светлые царские очи далеко видят. — Не всяк Царя видит, а всяк за него Бога молит. — Где ни жить, а одному Царю служить. — За Богом молитва, за Царем служба не пропадают. — Русская земля вся под Богом. — Велик Бог русской земли! — Русским Богом да Русским Царем святорусская земля стоит. — Умри, да не сходи с родительской (родной) земли! — Где выросла сосна, там она и красна. — Где кто родится, там и пригодится. — Не место человека красит, а человек место. — Недолго той земле стоять, где начнут уставы ломать. Наши отцы и деды того не делали, да и нам не велели. — Худая та птица, которая гнездо свое марает.

2. Родители. Семья. Почитай отца да Бога, будет тебе повсюду дорога. — Не оставляй отца и мать на старости, и Бог тебя не оставит. — Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает. — Материна молитва со дна моря вынимает. — На свете все найдешь, все купишь, только отца с матерью не купишь. — Без отца полсироты, а без матери и вся сирота. — Пчелки без матки пропащие детки. — Нет такого дружка, как родная матушка, да родимый батюшка. — Мать праведна ограда каменна. Днем денна моя печальница (попечительница), в ночь ночная богомолица. — Родительское слово мимо не молвится. Родительское благословение на воде не тонет, на огне не горит. — Отцовская клятва сушит, а материнская с корнем вырывает. Отцовским умом деткам жить, а не отцовскими деньгами. — Живых родителей почитай, померли — поминай. — Паси, чтоб вскормить (детей), не паси, чтоб озолотить. — Отца с матерью Господь прибирает, а к детям приставника приставляет. — Доброе братство милее богатства. — Братская любовь крепче каменных стен. — Вся семья вместе, так и душа на месте. — Не нужен и клад, коли у мужа с женой лад. — На что и клад, коли в семье лад? — Муж в дому, что глава на церкви. — Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит. — Ищи кротости, чтобы не дойти до пропасти. —

Жену с мужем некому судить, кроме Бога. — Горе тому, кто не порядком живет в дому. — Духом кротости (действуй), а не палкой по кости. — Не слушает духа кротости, так палкой по кости. — Держи голову поклонную, ретиво сердце покорное. — В любви жить — раем жить, от любви прочь — от рая прочь. — Не будет добра, коли меж своими вражда. — Ищи добра на стороне, а дом держи по старине. — Будь большой, а слушай и меньших.

3. Друзья. Соседи. Не купи себе дом, а купи соседа. — Своих друзей наживай, а отцовских не теряй. — Нового друга желай, а старого не забывай. — Счет дружбе не помеха. — Без друга сирота, а с другом семьянин. — Друг и брат великое дело: не скоро добудешь. — Нет друга, так ищи, а нашел, так береги. — Будь друг, да не вдруг. — Друг познается в несчастье. — Неизведан — Друг, а изведан — два. — Старый друг лучше новых двух. — Не имей сто рублей, а имей сто друзей. — Друг денег дороже. — Кто друг прямой, тот брат родной. — Пьешь у друга воду слаще меду. — Два горя вместе, третье пополам. — Ум хорошо, два лучше, а три — хоть дело брось (в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «Мирствующии с тобою да будут мнози, советницы же твои един от тысяч»). (Сир.6; 6). — Добрая голова сто голов кормит. — Кто добрых людей не слушает, тот Богу спорник. — С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь. — Хлеб-соль — отплатное (взаимное) дело. — За хлеб-соль считается грех. — Спасибо тому, кто поит да кормит, а вдвое тому, кто хлеб-соль помнит. — Хорошо тому, кто добро делает; еще лучше тому, кто добро помнит. — В мире жить — с миром жить. — Добра себе желаешь, добро и делай (другим). — Доброму человеку что день, то и праздник. — Добрым путем Бог правит. — Добро худо переможет. — Не устоять худу против добра. — Никакое худо до добра не доведет. — Спорить можно, а браниться грех. — На брань слово купится (собирается вкупе, накапливается непрерывно и быстро, а не покупается, как многие думают). Нет лучше брани, как: "Господь Бог с вами!"

4. Молодость. Старость. Молодой работает, старость ум дает. — Молодецкое сердце неуклончивое. — Молодой на битву, а старый на думу (крепок). Чем старее, тем правее; чем моложе, тем дороже. — Молодость плечами покрепче, старость — головой. — Не смейся над старым, и сам будешь стар! — Молодость не грех, а и старость не смех. Коротать молодость — не видать старости!

5. Правда. Неправда. Правда живет у Бога. — Где правда, как не у Спаса? — Бог правду любит. — Не в силе Бог, а в правде. — Кто правды желает, тому Бог помогает. — Кто правду хранит, того Бог наградит. — Кто правдой живет, тому Бог дает. — Кто правды ищет, того Бог сыщет. — Нечего Бога гневить, надо правду говорить. — Что ни говори, а правда надобна. — На правду мало слов. — Знай Бога, да сказывай правду. — Стой за правду горой, и Бог будет с тобой. — За правду Бог и добрые люди. — Правда солнца светлее. Правда свет разума. — Правда — кус молебный, неправда — проклятой. — В ком правды нет, в том и добра мало. — Все минется, одна правда останется. — Правда груба, да Богу любя; а ложь да

обман Православию изьян. — На льстивые речи не мечись, на грубую правду не сердись. — Где виден путь прямой, там не ездь по кривой. — Делай не ложью, так все пойдет по-Божью. — Станешь лукавить — Бог веку убавит. — Правду похоронишь, да сам из ямы не вылезешь. — Соврешь — не помрешь, да вперед не поверят. — Ржа на железе, а неправда на человеке не утаится. — Без правды жить легче, да помирать тяжело. — Без правды не житье, а нытье. — Без правды не живут люди, а только маются. — Без правды жить — с бела света бежать. — Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом. — Правда шутики не любит. — Деньги смогут много, а правда все. — Засыпь правду золотом, а она всплывет. — Не с деньгами жить, а с добрыми людьми. — Не ищи правды в других, коли в тебе ее нет. — Всякая неправда — грех. — Горе от Бога, а неправда от диавола. Неправдой зайдешь далеко, да назад не воротись. — Кто неправдой живет, того Бог убьет. — Иной продает с барышом, да ходит нагишом. — Чужое добро страхом огорожено. — Пожалеешь чужое — Бог даст свое. — Всякую ложь к себе приложь (приятно ль тебе будет?).

6. Совесть. Стыд. Беззуба, а с костями сгложет. — От человека утаишь, от совести не утаишь. — С совестью не разминуться. — От совести никуда не убежишь. — Как ни мудри, а совести не перемудришь. — Сам от себя утаишь, сам себя и обличишь. — Наперед спросись у совести. — Совесть с молоточком: и постукивает, и послушивает. — Добрая совесть — глас Божий. — За совесть да за честь — хоть голову снести. — Чужая совесть — могила. — В ком есть Бог, в том и стыд. — В ком нет стыда, в том нет и Бога. — В ком стыд, в том и совесть. — От стыда некуда глаз деть. — Стыдливый покраснеет, а бесстыжий побледнеет. — Убьет Бог стыд — все нипочем! (То есть, если бы Бог заглушил совесть, все бы погибло).

7. Ученье. Ум. Разум. Мудрость. Век живи, век учись. — Ученье свет, неученье — тьма. — Ученье — красота, а неученье — простота (или сухота). — Красна птица пением, а человек ученьем. — Ученье лучше богатства. — Кто грамоте горазд, тому не пропасть. — Немного читай, да много разумей. — Не пером пишут, а умом. — Не красна книга письмом, а красна умом. — Кто хочет много знать, тому надо мало спать. — Божией волей свет стоит, наукой люди живут. — Наука верней золотой поруки. — Не выучит школа, выучит охота. — Дай, Боже, все самому уметь, да не все самому делать. — Все знать Бог человеку на дал. — За все братья — ничего не сделать. — Учись доброму, так худое на ум не пойдет. — К добру гребись, а от худа шестом отталкивайся. — Ум разумом крепок. — Смешай, Господь, ум с разумом. — Ум без разума — беда. Разум (или совесть) не велит, ума не спрашивайся. — Разум — душе во спасенье, Богу на славу. — Умный молчит, когда глупец ворчит. — Умный смиряется, глупый надувается. — И на милость разум нужен. — Доброта без разума пуста. — Кто умен, тот умеет и безвременье (невзгоды, скорби) терпеть. — Кто сам собою не управит, тот и другого на разум не наставит. — Много на свете умного, да хорошего мало. — Всякая мудрость от Бога. — Премудрость одна, а мудростей (мудрований)

много. — Око видит далеко, а мысль еще дальше. — По капле дождь идет, а дождь реки поит, реками моря стоят. — Не глаза видят, а человек; не ухо слышит, а душа. — На то и два уха, чтобы больше слышать.

8. Язык. Слово. Речь. Дай Бог сказать, да не солгать. — Бойся Вышняго, не говори лишнего. — Бог наставит, Бог на разум наведет. — Право — великое слово! — Кто ломает слово, тот ломает веру, тот ломает душу. — Рцы слово твердо. — Слово — закон; держись за него, как за кол. — Дав слово — держись, не дав — крепись. — Тот в слове стоит твердо, кому слово дорого. — Кто не устоит, тому да будет стыдно! — Язык с Богом беседует. — Язык — телу якорь. — Язык мал, да всем телом владеет. — Умную речь хорошо и слушать. — Ласково слово — что вешний день. — Доброе слово лучше мягкого пирога. — От приветливых слов язык не отсохнет. — Ласковое слово и кость ломит. — Кто слова не боится, тому и плеть не страшна. — Слово во время и кстати сильней письма и печати. — Лишнее слово досаду приносит и до стыда доводит. — Сказанное слово — серебро, несказанное — золото. — Доброе молчание — чем не ответ? — Кто много говорит, тот мало делает. — Лучше не договорить, чем переговорить. — Красна нива пшеницей, а беседа смирением. — Красна речь слушанием, а беседа смирением. — Старая пословица во век не сломится. — Слово не стрела, но пуще стрелы. — Не спеши языком, торопись делом. — Говори с другими поменьше, а с собой побольше. — Худого не хвали, хорошего не кори. — Кто говорит, что хочет, тот сам услышит, чего не хочет. — Слово слову рознь: словом Господь мир создал, словом Иуда Господа предал. — Шутки шути, а людьми не мути. — Ты, язычок, помалкивай: я за тебя бедку плачивал!

489. Знаю, что умру, но когда – не ведаю

«Прииди и виждь», — так говорил Филипп Нафанаилу, желая, чтобы он уверовал во Христа (Ин. 1; 46). "Пойди, сам посмотри", — так говорим мы, когда хотим убедить друг друга в земных вещах. Стоит только прийти, посмотреть и — уверишься. Но вот вещь, которую мы видим постоянно, а верим ей с трудом: мы всегда видим господство страшной усмирительницы всего — смерти; видим ее во всякое время, во всяком возрасте, на всяком месте. Весь здешний свет не столько жилище живых, сколько кладбище бесчисленных мертвых. Наше ежедневное дело — одним умирать, а другим погребать; сегодня — нам плакать по другим, завтра — другим плакать по нас.

Но, Боже мой, какой жалкое ослепление постигает нас при этом! Мы видим, как умирают другие, но плохо верим, что умрем и сами; мы говорим, что все мы смертны, а живем так, как будто мы бессмертны, и проживаем всю жизнь свою во грехах, без покаяния... Но — «кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти?» (Пс. 88; 49). Ты и родился для того, чтобы

умереть; одно тебя избавило бы от смерти, если бы ты не родился никогда! Что это, братие мои, за ослепление такое? Отчего оно? Да оттого, что нам не хочется умирать, хочется все жить и жить, всегда жить; не хочется и думать о смерти; а чего не хотим, о том и не думаем, того и не ждем; живы сегодня, — думаем, что живы будем и завтра, будто дух злобы постоянно шепчет нам в уши: «не смертию умрете» (Быт. 3; 4). Так шептал он и праотцам нашим в раю; Бог сказал им: «смертию умрете» (Быт. 2; 17), и они не поверили Богу; диавол сказал им: «не смертию умрете», — и они поверили диаволу... Но Адам и Ева не видели в раю никого, кто бы умер; а мы видим смерть всегда и живем так, будто она нас не посмеет коснуться... Вот, ты уже похоронил отца или мать, сына или дочь; ты закрыл глаза своей жене, ты плачешь по брату, по другу; видишь, — все умирают, неужели один ты не умрешь? Кто же тебя прельщает? Все тот же, кто прельстил праотцев, — он шепчет и тебе: «не смертию умрете». И ты вовсе не думаешь о смерти. Если бы ты думал о ней, то оставил бы сребролюбие, боялся бы обижать ближнего, творил бы милостыню, прощал бы врагам, перестал бы осуждать людей и заботился бы только о своей душе; но как мало об этом думаешь ты, старик, уже при конце жизни находящийся, а еще меньше думаете вы, которые переживаете возраст мужества или юности!.. Из другой ли земли вы созданы? иная ли природа у вас? или Господь дал вам грамоту на бессмертие? или вы заключили договор со смертью, чтобы она к вам никогда не приходила?.. О бедные, жалкие люди! Слушайте, что говорит нам Сам Господь: «земля еси, и в землю отыдеши!» (Быт. 3; 19). Всю жизнь вы гоняетесь за славой, но слава ваша угаснет как молния. Вы всю жизнь мучаетесь, чтобы накопить себе богатство, но отойдете нагими в землю, а богатство ваше попадет в другие руки. Вы воздвигаете палаты высокие, но одна темная могила будет жилищем вашим. Вы широко распространяете свои поместья, а вам не останется ничего, больше чем три аршина земли, чтобы поместить гроб ваш! А слава, а власть, а гордость ваша, а мечты, а роскошь и забавы — все это только одна тень, которая мимо прошла! Одно только останется несколько дольше — имя, но и то редко доброе, а чаще худое, и во всяком случае такое, которое все же станут порицать те или другие люди...

Итак, нет на свете ничего более известного, чем смерть! Все прочее — неизвестно. Вот, одни путешествуют, другие торгуют, иные землю возделывают, а те воюют, и никто из них заранее не знает, чем кончатся его труды. Известна одна только смерть: хочется тебе или не хочется, но непременно ты умрешь; земля ты, «и в землю отыдеши». Таково непреложное определение Божие!

О, смерти, смерти, как ты горька! Горе мне, когда приидет тот час! Родители, братья и друзья, — я вас оставляю! Жена и дети, — я уже вас не увижу! Вотчины, богатство, суетные мои труды, — я ныне с вами расстаюсь! Почести, успехи, радости, — я уже вас лишаюсь! Свет, — ты исчезаешь от очей моих. Жизнь, — как ты сладостна! О смерть! как ты горька!

А если необходимо мне умереть, о чем же я думаю? Я — прах и пепел, для чего же и чем я горжусь? Зачем я так тружусь, чтобы нажить всего побольше, если мне придется все здесь покинуть? Зачем иметь так много "хочу", когда сам я не вечен? Зачем столько заботиться о здешней жизни моей, которая кончится, а не подумать о душе моей, которая бессмертна? Мне надобно умереть, и я должен потрудиться, чтобы умереть в покаянии и с добрыми делами. Боже мой, объяви конец мой! Боже мой, скажи мне, сколько времени еще прожить мне, чтобы я мог к смерти приготовиться!..

Увы! Это-то время моей смерти мне и не дано знать. Знаю я, что умру, но когда — не ведаю. Бог, открывший мне столько тайн, не открыл мне, когда настанет час смерти моей, не открыл для того, чтобы я всегда думал о вечном спасении своем и всегда готов был умереть. Евангелие подтверждает нам, что смертный час приходит как тать, и что поэтому нам всегда надобно быть осторожными.

Говорят: сколько Бог определил тебе прожить, столько и проживешь, а раньше не умрешь. Так ли это? Конечно так, если будешь жить по-Божии, если будешь во всем воздержен, будешь беречь силы и здоровье, как Божий дар. А если сам сократишь свою жизнь греховными привычками и умрешь, то уж никак нельзя сказать, что так было Богу угодно. Вот тебе сравнение. Сколько масла мы нальем в лампаду, столько и гореть она будет, и только тогда она угаснет, когда все масло в ней выгорит. Но ежели лампада опрокинется и масло прольется, или если над ней пронесется ветер или просто дуновение, то лампада погаснет и прежде времени. Сбереги огонек лампы от всякой случайности, и она будет гореть до тех пор, пока масло до последней капли в ней выгорит. То же самое можно сказать и о жизни нашей. Сколько лет нам Бог назначил, столько и прожить мы должны; но — горе нам — сколько помех и опасностей встречается в нашей жизни! Бог дал тебе крепкое сложение, и ты, по своей природе, мог бы прожить сто лет, но роскошь, пьянство, невоздержанность, труды и заботы, грусть и печали, болезни и немощи сокращают чуть ли не половину жизни, и ты умираешь прежде времени. Другие, по своей природе, должны бы умереть в последней старости, но является внезапная смерть, и похищает их в молодости. Тех потопило море, этих убил гром, поразила молния, тех задавило землетрясение, этих истребил огонь... Как сохранить жизнь от всех этих бедствий? Как ее уберечь, когда будущего не видит глаз твой?.. Бедный человек! ты бережешься от неприятностей, а умираешь от приятелей; бережешься моря, а тонешь у берега; бережешься неба, а постигает тебя бедствие от земли; бережешься от того, что видишь, а как уберешься от того, чего не видишь?.. Легко уберечься тебе от оружия неприятеля, но как уберешься от яда, которым незаметно опойт тебя предатель, — слуга, подкупленный твоими врагами? О, сколько несчастий встречается в жизни с человеком! Берегись, сколько хочешь, а откуда ты не опасешься, откуда не думаешь, оттуда к тебе и смерть приходит!.. Итак, неизвестна нам смерть и страшна; но есть еще больший страх, приходящий с ней. Несчастный

грешник! Что, ежели придет к тебе смерть в тот час, когда ты ее вовсе не ждешь, и там, где ты о ней вовсе не думаешь? Ежели придет и застанет тебя в объятиях блудницы? Если застанет тебя с руками, полными крови бедных, с совестью, отягощенной великими грехами, с сердцем, переполненным ядом от ненависти? Застанет тебя в такую пору, что ты уже не будешь иметь времени призвать к себе духовника для исповеди и причащения?.. Несчастный грешник, что тогда будет с тобой? Это еще не беда, что ты потеряешь жизнь, богатство, наслаждение, но ты потеряешь душу и спасение, будучи осужден на вечное мучение! Где ты найдешь тогда слезы, чтобы оплакивать такую участь? Где возьмешь силы, чтобы возвратить прошедшую жизнь хотя бы на один час?.. И ты, живя в такой неизвестности, ты спишь беспечно? Ты живешь без покаяния? Как не задумаешься, хотя бы на минуту?

О, подумайте, братие, каждый о себе, о своей участи; скажи каждый своей совести: мне известно, что я неизбежно умру, а умереть надо достойным милости Божией; но мне вовсе неизвестно, когда я умру; итак, надо всегда быть готовым к смерти. Думайте же, братие, всегда о смерти, чтобы вы могли хорошо жить и еще лучше умереть и наследовать Царствие Божие. Аминь.

(Из "Поучительных слов " святителя Илии Миняitia)

490. Счастье родителей

Святое, поистине святое и великое дело — воспитывать детей в страхе Божиим. Родители, и все вы, кому вверено от Бога воспитание детей! Помните, что детские лета — такое время, когда легче всего направить человека или на путь добра, или же, наоборот, на путь зла. Счастливы вы, если ваши питомцы с раннего возраста встанут на спасительную стезю заповедей Божиих: ваши нелегкие труды воспитания не пропадут даром. Жизнь святого славного великомученика Христова Димитрия служит прекрасным примером того, как семя благочестия, вложенное в душу отрока, росло и принесло обильный плод. Благочестивые родители великомученика жили в такое время, когда христиане терпели гонение от царей языческих; исповедуя втайне Христову веру, они с благоговением хранили в своем доме, в особой молитвенной горнице, две святые иконы, украшенные золотом и драгоценными камнями. Одна из них изображала Христа Спасителя, а другая — Его Пречистую и Преподобную Матерь. Перед этими святыми иконами родители святого Димитрия ежедневно возжигали свечи, воскуряли фимиам и усердно молились Господу и Пресвятой Владычице Богородице. В эту потаенную свою молитвенную храмину привели они однажды малютку сына, показали ему на святые иконы и сказали: "Вот это — изображение Единого истинного Бога, сотворившего небо и землю, а вот это — изображение Пречистой Девы Богородицы". И тут же, в молитвенной

горнице, под сенью икон святых, стали они поучать мальчика святой вере христианской. Внимательно слушал святой отрок наставления своих родителей. Благодать Божия коснулась его юного сердца, и он, поклонившись святым иконам, с усердием и слезами поцеловал их. Так приступали к святому делу обучения своего дитяти истинам веры святой благочестивые родители великомученика Димитрия. И юный Димитрий радовал своих родителей и успехами в учении, и своим добрым поведением. В его чистом детском сердце все сильнее и сильнее разгорался благодатный огонек любви к Богу, и когда достиг он возраста мужеского и был назначен воеводой града Солуня, то запечатлел свою любовь к Богу мученической своей кровью. Таковы были благословенные плоды того доброго семени, которое брошено было в детское сердце Димитрия его благочестивыми родителями!

Возлюбленные о Господе братья! И всякое доброе дело должно начинать молитвой и Божиим благословением; а такое святое дело, как обучение детей истинам веры святой, нам, христианам православным, и стыдно, и грешно начинать без Божия благословения. Так думали, так делали, так и нам заповедали делать наши предки благочестивые. Они приводили дитя в храм Божий, просили священника служить молебен Господу Богу при начале "учения отроком"; служитель алтаря Господня исполнял их желание, окроплял дитя святой водой Богоявленской, благословлял его Крестом животворящим и давал ему просфору, из коей вынута частица о здравии отрока, начинающего учиться. Так делают и теперь благочестивые родители. Нередко они путешествуют со своими детьми перед началом их учения к святыням Русской земли: кто в Киев, кто в обитель преподобного Сергия, а кто в ближайшую обитель иноческую; здесь они молятся сами, и учат детей своих молиться и просить Божией помощи и Божия благословения на благое учение книжное; здесь же, во святых местах, покупают они святые иконы и книжицу — азбучку на благословение малюткам своим. Так, благословясь, начинают они святое дело обучения детей грамоте; начинают с молитвы и продолжают с молитвой. И по вере их бывает им: благословение Божие нисходит на главу их дитяти, и дитя учится успешно, и радуется родителей своими успехами, своим послушанием и добротой сердечной.

Кто из вас, возлюбленные, не пожелал бы себе такого счастья в своих детях — умных, добрых и послушных? А если желаешь, то что же мешает тебе с колыбели приучать дитя к страху Божию, сеять в его нежном сердечке святое семечко любви к Отцу Небесному? Ты скажешь, может быть, что малютка ничего не понимает — как-де говорить ему о Боге? Ах, брат любезный! Если ты любишь свое дитя христианской любовью, если ты сам любишь всем сердцем Господа Бога, то эта твоя любовь и научит тебя, как учить дитя страху Божию. Ведь вот малютка узнает же тебя, узнает свою мать и протягивает вам свои ручонки... Поднесите же его к святым иконам, какие есть у вас в доме: покажите ему лик Христа Спасителя и Пречистой

Его Матери, как показали своему сыну родители великомученика Димитрия, — покажите и скажите: "Вот это — образ нашего Спасителя, Господа Иисуса Христа, а вот это — лик Его Пресвятой Матери! Перекрестись, милое дитя, и поцелуй их!" И сами помогите малютке сложить персты для крестного знамения, научите его, как следует осенить себя этим спасительным знамением, и сами приложитесь, и дитя приложите к святой иконе. Верьте, други, что Господь незримо благословит вас тогда Своим благословением небесным!

А сколько каждый день встречается случаев для воспитания в дитяти страха Божия! Вот ударили в колокол соседней церкви к службе Божией: перекреститесь сами с молитвой и дитя заставьте то же сделать. Вот садитесь вы за обед—молитесь сами и дитя учите тому же. Молитесь неопустительно утром и вечером, и детей приучайте к тому же. Возжигайте лампы перед святыми иконами, если не можете каждый день, то хотя бы в праздники: пусть дитя испытает своим нежным сердцем то тихое чувство умиления, которое испытываешь ты сам, взирая на лик Спасителя или Богоматери, при свете горящей лампы во тьме ночной... Ходите в церковь Божию и детей водите непременно с собой. До семилетнего возраста дитя ваше — невинный младенец; Святая Церковь благословляет ему причащаться Животворящей Крови Христовой когда вам угодно, хоть каждый день; пользуйтесь же чаще этим спасительным Таинством во исцеление души и тела вашего малютки, и внушайте ему благоговение к этой неизреченной святыне Господней. Встретили священника — просите у него Божия благословения и себе и детям своим. Садится дитя за книжку — пусть прежде помолится Господу Богу. А книжки давайте ему Божественные, а не сказки пустые, бесполезные. И будет расти ваше дитя под сенью благодати Божией, — и пребудет близ него Ангел-хранитель его неотлучно, и возрастет оно вам на радость и утешение, ближним на пользу и Господу Богу во славу. Да будет так! Аминь.

491. Праздник введения во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы в Церковных песнопениях

Листок первый,

Приглашение к торжеству. — Обет Богоотцов. — Его исполнение. — Радость Иоакима и Анны. — Беседа Анны с Захарией. — Святая святых. — Небесная пища. — Обращение к пророкам.

«Ангели, вхождение Пречистыя зряще, удивившася, како Дева вниде во Святая святых. Величай, душе моя, приведенную во храм Господень и благословенную руками иереевыми».

Возсия день радостен и праздник всечестен: днесь бо яже прежде рождества и по рождестве Дева пребывши, в храм Господень приводится: и радуется Захария старец, родитель Предтечев, и вопиет весело: приближися Предстательница скорбящих в храм святой, яко свята, освятится во

обителище (жилище) Всецаря. Да веселится Иоаким праотец и Анна да радуется, яко принесоша Богу непорочную Владычицу; матери, срадуйтесь; девы, възграйте, и неплоды, ликовствуйте, яко отверзе нам Небесное Царство пронареченная (пророками предсказанная) Всецарица; радуйтесь, людие, и веселитесь! Днесь собори верных сошедшеся, духовне да торжествуим и благочестно восхвалим Богоотроковицу Деву и Богородицу, в храм Господень приводиму, предызбранную от всех родов во обителище всех Царя Христа и Бога: девы, свечи носяще, предыдите, чтуще честное происхождение (шествие во храм) Приснодевы; матери, печаль всю (всякую) отложивше, радостно споследуйте Матери Бога бывающей и Ходатаице радости (для всего) мира; вси убо радостно еже радуяся со Ангелом возопиим Обрадованней (Благодатной), присно молящейся о душах наших.

Рождше паче надежды Пречистую Деву, Иоаким и Анна благочестно обещахуся принести (Ее) Богу, и исполняют (обет свой) днесь, дающе Рожденную от них яко жертву в дом Божий.

Празднуим, вернии, праздник духовный, Матерь Божию воспевающе благочестно: есть бо святейша небесных умов.

Как цветы различныя собравше от разумных цветников — Духа словес, похвальные венцы Деве радостно исплетем и празднственный дар Ей достойно принесем.

Стецемся днесь, Богородицу почитающе песньми, и торжествуим духовный праздник: в храм бо Богу (обещанный родителями) Дар приносится.

Начинайте, девы, и воспойте песни, руками держаще свечи, хваляще предшествие Чистой Богородицы, ныне грядущия во храм Божий...

Девы — свещеносицы, ликовствуйте, начните (пение) днесь, и матери — воспойте Царице Матери, приходящей в храм Царя Христа.

Девы — Деву и матери — Матерь благочестно стецытесь с нами почтити Рождшуюся, яко непорочную жертву, и рождшую (Анну), Богу плодоносящую (приносящую плод своего чрева): вси убо светло празднуим.

Священницы Божии, облецытесь в правду благодатию, и срящите светло, входы подающе (открывая двери) Дщери Царя и Бога во Святая.

Песнями да воспойм славное предшествие Богородицы: к храму бо днесь, яко Храм Божий, приносится пророчески (будучи Сама, по слову пророков) дар многоценный.

Трилетствующая телом и многолетствующая духом, ширшая (пространнейшая) небес и горних Сил (небесных воинств Ангельских) превысшая, да восхвалится песньми Богоневестная.

Дверь славная, помыслы непроходимая (умом непостижимая), отверзши двери храма Божия, ныне повелевает нам совшедшим (войдя с Нею) — Божественных Ея чудес насладитися.

Днесь одушевленный Храм Святыя Славы Христа Бога нашего, Едина в женах Благословенная Чистая, приводится в храм законный (ветхозаветный)

жити во святых: и радуются с Нею Иоаким и Анна духом, и девственнии лица Господеви поют, псаломски воспевающе и чтуще Матерь Его.

Приводящи иногда Пречистый Храм (свою Дщерь) в дом Божий, Анна вопиющи с верою рече священнику: приими ныне Чадо, от Бога данное мне, введи во храм Зиждителя твоего, и радуяся пой Ему...

Видев духом иногда, Захария рече Анне: Жизни Матерь вводиши истинную, Юже светло пророцы Божии Богородицу проповедаша, и како храм вместит Ю?

Раба Божия бых аз, отвеща Анна ему, призывающи (приглашая тебя) верою и молитвою прияти моя болезни Плод, по приятии же Рожденную привести Давшему Ю.

Законное воистину дело есть, священник рече ей, странну же весьма вещь (непонятное дело) поразумеваю, зря приводимую в дом Божий, преславно превосходящую Святая (самое Святая святых) благо датию...

Возмогаю (ободряюсь), рече Анна ему, знающи яже глаголеши, разумееш бо сия Духом Божиим, яже (что касается) Девы — ясно проповедал еси; приими убо Пречистую в храм Создателя Твоего.

Светоносна нам возжеся свеща (возопи священник), радость величайшую светящи во храме; души пророческия да срадуются мне, яко зряще преславная, совершаемая в дому Божии...

Устами светлыми Анна возопи в храме Божии: Тебе, о Владыко, привозлагаю юже мне дал еси Отроковицу, из Неяже, за милосердие неизглаголанное, Плотносец явился, спасеши мир, егоже создал еси, возвеличив Ю, яко Матерь Твою.

Анна непорочная радовашеся матерински (как мать), яко дар многоценен Богу приносящи в храм; Иоаким же с нею торжествует светло.

Во Святая-святых Святая и Непорочная Святым Духом вводится и святым Ангелом питается, сущи святейший Храм Святаго Бога нашего, всяческая (все) освятившаго входом Ея и обожившаго естество земных отпадшееся (падшее).

Приемлющи пищу небесную (Святая Дева) преспеваше мудростию и благодатию, бывши Мати по плоти Христа Бога.

И телом и духом радовашеся Мария непорочная, пребывающи во храме Божии, как сосуд священнейший.

Сказати хотя языком (народам) Свое спасение, Господь неискусобрачную (безмужную) ныне от человек прият, (как) знамение примирения и обновления.

Из неяже (от нее, то есть от жены) преступление произыде древле роду человеческому, из тоя исправление и нетление процветше — Богородица, днешь приводимая в дом Божий.

Радовахуся Ангелов чини, веселяхуся праведных души, яко Божия Мати во Святая приводится.

Иоакиме и Анна, веселитесь ныне, во храм Господень приводяще будущую Чистую Матерь Бога Христа Всецаря, от вас же рождшуюся.

Да дароносят днесь всяческая (все создания) Царице Матери Божии, небо и земля, Ангелов чини, и человеков множество, и да вопиют: во храм вводится Радость и Избавление.

Восхвалите девы, матери празднуйте, людие Славословите, священницы благословите Пречистую Матерь Божию: плотию бо младенствуици прежде, во храм принесесея, яко храм Божий святейший, Темже праздник духовный совершающе, воспоим Ю, яко Предстательницу рода человеческого.

Вся земля да видит преславныя, странныя же и дивныя вещи, како Дева от Ангела пищу приемлющи образы строения носит (являет на Себе знаки домостроительства Божия).

Давиде, предыди во храм Божий, и радуяся приими Царицу нашу и Той возопий: вниди, Госпоже, в храм Царев, вниди, Еяже слава покровенна разумеется, из Нея же хочет источитися нам всем Свет Христов.

Пророче Исаие, прорцы нам, кто есть Дева, имущая во чреве? — "Яже из Иудина корене прозябши и рождшися из Давида Царя, Семене святаго плод благославный".

Пророцы, апостоли и мученицы Христовы, Ангелов чини и вси земнороднии, почтим песнями Деву Чистую, яко благословенную Матерь Высочайшаго.

Приидите, вси вернии, Едину Непорочную восхвалим, от пророков проповеданную и в храм приведенную, прежде век пронареченную Матерь, и в последняя лета явившуюся Богородицу. Господи, молитвами Ея, мир Твой подаждь нам и велию милость".

492. Как помочь нашему общерусскому горю?

Если хочешь себе добра, сын мой, то вот тебе мой родительский совет и завет: Бога ради, не пей ты вовсе никакого вина. Счастлив тот человек, который и вкуса не знает этого зелья: его никогда и не тянет к вину, и всегда-то он в своем здравом уме, и всякое дело у него спорится, и видимо почивает на нем Божие благословение", — так говорила одна благочестивая мать, давая на одре смертном последние наставления своему послушному сыну. Со слезами внимал словам умирающей матери добрый сын, и глубоко воспринял их в свое сердце, и во всю свою жизнь ни разу не позволил себе отведать никакого вина. И почил на нем Божие благословение в благословении родительском, и был он счастлив в своей семье, в своих детях и внуках, а дом его был — полная чаша...

Ах, если бы побольше было таких разумных, благочестивых матерей, таких послушных, добрых детей! Нужно ли говорить, братие возлюбленные, сколько зла, самого ужасного зла творится у нас на Руси от водки, от пьянства! Сами знаете, каждый день видите и слышите — сколько гибнет молодых сил, отравленных пьянством; сколько безвременно умирает людей, которым бы только жить да трудиться, да Бога хвалить; сколько сирот ходит

по миру, сколько домов (семей) разоряется, и все это — от пьянства!.. Посмотрите, что творится по селам, по деревням: корчемницы на каждой улице, люди забыли страх Божий, забыли Церковь Божию, забыли, что они носят на себе образ Божий и уподобились скотам несмысленным... Горько подумать, сколько бед бывает на родной нашей земле от водки, от пьянства-окаянства! И еще больше будет, еще хуже будет жить на свете, если мы не опомнимся, если не начнем крепко бороться с этой ужасной отравой, губительницей русского православного народа.

Но с чего же начать? Как помочь этому горю — нашему общерусскому великому горю? Как бороться с этим страшным врагом?

К вам слово мое, добрые русские юноши, ко всем: и учащимся, и неучащимся! Вы — цвет и надежда родной страны; вы еще не окунулись в омут житейский, еще не загрязнились его суетой; ваше сердце еще открыто для всего доброго и прекрасного. Многие из вас еще счастливы тем счастьем, о котором так хорошо сказала добрая христианка-мать своему сыну: "Счастлив, кто вкуса не знает в вине!"

Есть, други мои, духовные наклонности и привычки, зародыши которых глубоко лежат в нашей природе, грехом поврежденной: всякий человек, например, от природы самолюбив, и потому с самолюбием необходимо бороться всякому и побеждать его смирением и любовью к ближнему. Слава Богу, этого нельзя сказать о пьянстве. Напротив, кто сроду не пьет водки, того и не тянет к ней. Такой человек поистине счастлив: счастлив тем, что враг-искуситель и доступа к нему не имеет. Такому счастливцу остается одно: зорко следить за собой, и строго держаться правила: отнюдь не пробовать вина во всю свою жизнь, и вкуса его не знать... Продлите же, други юноши, это свое собственное счастье, не вводите сами себя в искушение, не пробуйте, не отведавайте никакого вина никогда-никогда! Это — самая крепкая ограда против искушения. Пусть тебя соблазняют, пусть говорят тебе, что "с одной рюмки пьян не будешь", что "рюмка водки полезна для здоровья, и трудящемуся человеку нельзя не выпить", что "вино и святые люди пили", — ты не слушай и стой на одном: "Не пробовал и пробовать не хочу, не буду, не стану! Жил доселе без водки и, слава Богу, здоров, буду жив без нее и всегда, и, Бог даст, здоров буду без этого "лекарства". А про себя не мешает знать и думать: "Отведаешь раз, помилуй Бог, понравится, еще захочешь, — еще выпьешь, а там, кто поручится, что еще и еще не потянет?.. И без того много в сердце грешном разных страстей и похотей, воюющих на душу, — с которыми, хочешь не хочешь, а надо бороться; к чему же наживать себе еще нового внутреннего врага?.." Я знал, други мои, таких людей, которые с одной, только с одной рюмки делались пьяницами... Ведь и всякий грех так: стоит раз только согрешить — повторить грех будет уже легче, а там, раз от разу, все тише будет говорить совесть, все больше будет слабеть воля; и грех незаметно станет хозяином в твоей душе, и станешь ты рабом греха, по слову Спасителя: «всяк творяя грех раб есть греха» (Ин. 8; 34). А какое это ужасное зло — всякая греховная

привычка! И не хочет человек грешить, а сил нет удержаться; не буду, говорит, не стану, — а сам уже тянется за рюмкой; плачет иной несчастный, а с собой не совладеет — и пьет, пьет до бесчувствия! Спаси, Господи, и помилуй всякого человека от такой беды, — горя лютого!

Понятно после этого, как враг овладевает несчастным пьяницей: долго ль до греха? и совсем овладеть может, и в петлю втянет, или заставит броситься в омут головой... А с чего начал погибший человек? С рюмочки, с одной рюмочки! За одной потянул другую, третью, а там уже и совладать с собой не смог... Вот до чего доводит иногда одна рюмка водки! А кто никогда ее не касался, тому и не грозит эта беда. Если ты, брат мой, по милости Божией, еще не знаешь вкуса в вине, то и слава Богу, и дай тебе Бог никогда не знать этого вкуса. А чтобы еще крепче оградить себя от искушения, то когда сам будешь хозяином в доме, поставь себе за правило: вовсе не иметь в доме никакого вина и никого им не угощать. Может быть, сначала соседи и осудят тебя, посмеются, побранят; а потом, мало-помалу, присмотрятся, привыкнут, — так и будут уже знать, что ты не пьешь, и угощать тебя никогда не будут: "Он-де никакого в рот не берет, нечего его и угощать". А иной умный сосед и пример с тебя возьмет... И век ты проживешь трезвым человеком, и детям своим оставишь дорогой завет: никогда не пробовать никакого вина, — завет, не словом только сказанный, но и примером доказанный.

Ах, если бы побольше было таких непьющих людей! Если бы они заключали между собой дружеский, братский союз; не только самим не пить, но и соседей всячески отклонять от водки! Как бы хорошо, тихо, мирно жилось в наших селах и деревнях! Братья-юноши! Кто мешает вам теперь же соединиться в общество трезвости с тем, чтобы поддерживать друг друга, а потом привлекать в это, Богу угодное, содружество и тех, кто пьет вино, но желает бросить его, — желает, но сам с собой не сладит?.. Но к одним ли юношам прилично слово это? Братие, православные русские люди! Соединимся во имя любви к ближнему, любви к родной земле, к нашим детям и внукам против общего врага — пьянства! Любовь — искра Божия, любовь изобретательна: возлюбим друг друга, брат брата, полюбим и этих несчастных, часто добрых, способных, но слабых людей, и любовь научит нас, как и чем помочь им. Поможем им добрым словом, сердечным участием, советом и молитвой. Жалкие они люди! Их томит страсть к вину; часто они и сами не рады, и хотели бы не пить, да тоска одолевает, сил нет бороться, вот и пойдем к ним на помощь в таких случаях. Позовем их в свободное время, особенно когда тянет их в корчемницу, — позовем их с собой в церковь Божию, помолимся с ними и за них, а потом пригласим к себе на дружескую беседу, поговорим о вреде пьянства, о пользе трезвости, почитаем вместе Слово Божие и писания отеческие, напомним им по-братски и о том, как полезно проводить время в труде, чтобы избежать искушения... А когда пожелают они совсем бросить водку, то посоветуем им закрепить свое намерение усердной к Богу молитвой и обещанием не пить — сначала день,

два, потом неделю, месяц, год, а там, Бог даст, они окрепнут и станут людьми трезвыми. И возрадуются этому подвигу любви нашей Ангелы Божии на небе, а Бог за это «покроет множество (наших) грехов...» (Иак. 5; 20). Не судить, не бранить несчастных пьяниц надобно; а плакать о них, плакать, молиться за них и делать, что можно, чтобы вырвать их из бездны погибельной... Возлюбленные о Господе братья! Не тот велик перед Богом, кто гордо величается своими добродетелями, а тот, кто ближнего возлюбит всей душой. Хорошее дело, если сам ты не пьешь вина; еще лучше будет, если и сосед твой будет трезвый трудолюбец. И чем больше вас, трезвых людей в деревне, тем лучше; и, даст Бог, вы добьетесь того, что и корчемнице не будет у вас места, и ваше селение будет очищено от этой лютой проказы, пьянства, навсегда, и ваши дети, и внуки не увидят близ себя соблазна — никогда!..

Упомянув о детях, невольно задумаешься: а много ли ныне таких счастливых, которые вовсе не знают вкуса вина? С горечью обращаю слово мое к вам, несчастные отцы, зараженные тяжким недугом винопития! Уж если вам не дорога ваша собственная душа (а ведь и за нее Христос пострадал на кресте, — подумайте!), — то хотя бы детей-то своих пожалейте! Ведь сердце кровью обливается, когда видишь, как вы — вы сами иногда отравляете своих несчастных детей! Вы сами пьете и напиваетесь, — напиваетесь, и ради безумной потехи, ради какого-то (жестокое слова, но я скажу его не обинуясь), — ради какого-то бесовского удовольствия вы насильно поите детей-малюток своих и любуетесь их пьяным видом — вы, несчастные развратители ваших собственных детей! Опомнитесь, что вы делаете? Есть ли в вас хоть искра — одна только искра страха Божия?.. Ведь вы губите души невинные! Или совесть ваша молчит? Или вы никогда не слышали грозного слова Христова на таких соблазнительей?.. Слушайте же, так говорит Господь: «А иже аще соблазнит единого малых сих... уне (лучше) есть ему (соблазнителью), да обесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей» (Мф. 18; 6), — лучше бы ему в море утопленному быть, чем малютку соблазнить!

Христиане ли вы? Умоляю вас именем Христа Господа нашего: не губите соблазном малюток своих! Пощадите их, не оскверняйте их детских невинных уст этим губительным зельем! И что за бесовское наслаждение — видеть невинного ребенка пьяным!.. Несчастное дитя! Он еще перекреститься, как должно, не умеет, ни одной молитвы не знает, а вкус водки уже знает, к этой отраве уже ручонки простирает...

О Господи, до чего мы дожили! Не погуби нас со беззакониями нашими! Аминь.

493. Что такое просфора?

В житии преподобного Зосимы, Соловецкого чудотворца, есть такой рассказ: однажды преподобный дал в благословение от своего священнослужения просфору каким-то приезжим купцам; на пути из церкви они ее обронили. Проходит случайно инок Макарий и видит: над просфорой стоит пес и всячески пытается схватить ее зубами, но каждый раз от святого хлеба исходит огонь и опалает пса. Макарий подходит ближе — огня не стало видно. Осенив себя крестным знаменем, инок берет просфору и относит ее к святому старцу. Такова святыня просфоры, полученной от алтаря Господня. И слава Богу: любят и благоговейно чтут эту святыню православные русские люди; со всем усердием и сердечной верой приносят они на проскомидию просфоры о здравии и о упокоении близких своих; с благоговением потом вкушают от этих священных хлебов во здравие души и тела. Но всякому ли известно, что такое просфора? Для чего просфоры приносятся к Божественной литургии? И есть ли какое различие между ними?

Слово просфора — греческое и значит по-русски: приношение. На Востоке, в Православной Греческой Церкви, литургия совершается большей частью только на одной просфоре, имеющей пять печатей. У нас, в России, употребляется для этого пять отдельных просфор. Собственно, для совершения Таинства Тела и Крови Господней необходима одна просфора, из которой во время проскомидии вынимается Святой Агнец, то есть тот святой хлеб, который во время Божественной литургии пресуществляется или таинственно непостижимым действием благодати Божией претворяется в самое Тело Господа нашего Иисуса Христа (так же, как вино — в Пречистую Кровь Господню). Остатки или обрезки этого святого хлеба называются "антидором", что в переводе с греческого языка означает: "вместо дара", потому что антидор после литургии раздается тем, кто не причащался Святых Тайн. Конечно, антидор, сам по себе, не может заменить Божественного Причащения, ибо ничто ни на небе, ни на земле не может заменить Животворящих Тайн Христовых; однако же святой антидор служит в благодатное утешение и освящение православным христианам, подобно тому как освящаются они, вкушая, например, святую воду Богоявленскую. Церковные правила повелевают вкушать святой антидор непременно натошак, прежде принятия всякой пищи, и лучше всего употреблять его в церкви же, не относя домой. Давать антидор неверным, а также находящимся под епитимией — строго запрещается. Все это показывает, что из всех просфор, приносимых на Божественной литургии, святой антидор — самая священная просфора, потому что из нее взята часть в воспоминание Самого Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Вторая просфора приносится в честь и память Препоблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

Из третьей просфоры вынимается девять частиц в честь и память всех святых, Богом прославленных (в просторечии она называется девятичинной).

Из четвертой просфоры вынимаются частицы о здравии и спасении всех живущих православных христиан, начиная со Святейших Патриархов Православных, Священного Синода и Государя Императора.

Из пятой — о памяти и оставлении грехов всех, в православной вере почивших отцов и братьев наших.

Вот те пять просфоры, которые нужны для совершения литургии по чину и уставу нашей Православной Церкви. Все другие просфоры, сколько бы их ни было (в святых обителях в большие праздники их приносят по несколько тысяч), имеют то же самое значение, как и две последние: из них вынимаются частицы за живых и умерших православных христиан поименно. Все эти частицы, начиная с вынутой из второй просфоры в честь и память Матери Божией, и заканчивая частицей, вынутой за всякого православного христианина, во время проскомидии полагаются в особом порядке на дискосе рядом с Агнцем, а на литургии, после освящения Святых Таин, они опускаются в Святую Чашу и погружаются в Пречистую Кровь Господа Иисуса Христа, со словами: "Отмый, Господи, грехи zde поминавшихся Кровию Твоею честною!" Вот почему все просфоры, из которых вынуты эти частицы, суть священные хлебы, как бы остатки нашего посильного приношения Господу — Единому Вечному Архиерею, принесшему Себя Самого в жертву искупления за грехи всего мира на алтаре крестном. За всех нас пострадал Господь наш; никто из людей не может спастись, если не будут грехи его омыты Честной Кровью Христа Спасителя; все святые Божии, даже Сама Пречистая Матерь Его — через Него же, Единого Спасителя нашего, вошли во славу Его Небесного Царствия. Поэтому все просфоры, кроме антидора, в сущности, имеют одинаковое значение: частицы, из них вынутые, изображают собой всех людей, искупленных Кровью Христовой. Из всех просфор церковные правила отличают только Богородичную, по особенному благоговению к Пречистой Матери Божией, честнейшей Херувимов и Серафимов и почтенной превыше всех святых Божиих. Эту просфору церковные правила предписывают разделять предстоящим в церкви вместе со святым антидором, как бы в напоминание верующим, что по Вознесении Господа на небо Матерь Божия осталась с верующими для их утешения. Конечно, и девятичинную просфору ради чести святых Божиих нельзя равнять с теми, из которых вынуты частицы за нас, грешных; однако же, церковные правила ничего особенного об этой просфоре не говорят, и потому приписывать ей особенную силу, особенное значение — не подобает. К сожалению, есть неразумные люди, которые всячески стараются получить именно эту, девятичинную просфору; ей приписывают особую какую-то силу к исцелению от всяких болезней и думают, что от другой просфоры они этой пользы не получают. Странное рассуждение! Ужели они думают так потому, что из этой просфоры вынута девять — именно девять частиц? Но разве благодать Божия соразмеряется с числом вынутых частиц?.. Думать так — значит оскорблять Божию благодать. А если скажут, что эта просфора потому важна, что приносится за всех

святых Божиих, то почему же забывают о Матери Божией, нашей Заступнице усердной?.. Кто из святых Божиих сравнится с Ней в Ее любви к роду человеческому, в Ее Матернем дерзновении ко Господу? В наших древних летописях есть такое сказание: один благочестивый муж с детства имел обычай принимать от священника антидор и хлеб Пречистый. Он их вкушал после обедни перед обедом. Однажды он позван был знакомыми на обед; при обеде бывший здесь же священник раздавал именно хлеб Пречистый, часть которого и взял теперь благоверный муж. На этот раз он не съел хлеба, а завязал его в платок, чтобы съесть его на следующий день дома, куда и отправился. Путь был далек, и наш путник, не дойдя до своего двора, почувствовал усталость и лег в пустом месте. Невдалеке, впрочем, были людские дома, откуда приметили его. Он заснул крепко; платок с хлебом был в руке спящего; и вот, дьявольским наваждением подошли пры и, ощутив хлеб, хотели вырвать его из руки, но тотчас появился от хлеба и опалил их огонь, и это повторялось столько раз, сколько раз они покушались приступить к хлебу. Люди, наблюдавшие из домов за спящим, пришли отогнать псов и разбудить его, но сам пробудившийся уже видел совершавшееся чудо. Об этом рассказали архиепископу Новгородскому. Тот повелел поставить на этом месте церковь в честь Рождества Пречистой Богородицы, при которой тогда же устроили монастырь девичий, причем на том месте, откуда выходил огонь, был поставлен святой престол. Это — церковь на Молоткове, в Великом Новгороде, на Торговой стороне (Полное Собрание Русских Летописей, III, с. 218).

Заметьте, что в этом сказании идет речь не о той просфоре, из которой на литургии вынимается частица в честь и память Матери Божией, а о хлебе Пречистом, который и теперь в обителях разделяется на трапезе в память явления Матери Божией апостолам в третий день по Ее честном Успении. Этот хлеб вкушают после обеда, а просфору Богородичную подобает вкушать натошак. Вкушай же ее, брат возлюбленный, с верой в великое заступление Богоматери, и по вере твоей будет тебе это вкушение во здравие души и тела. Не мудрствуй по своему смыслению; не думай, будто на той просфоре и благодати больше, из какой больше частиц вынута; благодать Божия числом частиц не измеряется, и думать так — значит грешить грехом суеверия. Всякая просфора, от алтаря Господня взятая, есть святыня; но просфора Богородичная есть святыня по преимуществу, как запечатленная именем Той, Которая предпочтена честью превыше всех святых Божиих.

494. «Я не твой брат...»

Слышим, что один другому говорит: "Я-де не твой брат". Чудно, что человек человеку говорит, и не стыдится говорить: "Я-де не твой брат!" Осмотришь, человеке, от какого духа слово это произносишь: "Я не твой брат", — и сам увидишь, что это дух гордости издает так свой запах злой.

Если ты не его брат, то чей же? Он — человек, а тебя как назвать — ангелом или бесом? Скажи, скажи пожалуй; ведь сам ты говоришь человеку: "Я не твой брат!" Я-де высокий, а он низкий; я-де богат, а он нищ; я-де благородный, а он незнатный; я-де господин, а он раб; я-де человек, а он злой, и прочее. О человеце, посмотри на Христа, Сына Божия; кто Его выше, кто Его благороднее, кто Его богаче, кто Его славнее, кто Его лучше, кто Его премудрее? Никто с Ним сравниться не может и ни в чем. Он есть Бог вечный, Царь царствующих и Господь господствующих, и во свете живет неприступном. И хотя столь велик Он и славен, однако ж не стыдится человеков братиею Своею «нарицати... глаголя: возведу имя Твое братии Моей... И паки... идиже ко братии Моей и рцы им: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему» (Евр. 2; 11-12, Ин. 20; 17). А ты кто, который говоришь человеку: "Я-де не твой брат", — и не хочешь подобного себе братом назвать? Знатный ли ты, но такой же человек, как и незнатный. Благородный ли ты, но такой же человек, как и худородный. Властелин ли ты, но такой же человек, как и подчиненный твой. Господин ли ты, но такой же человек, как и раб твой. Богатый ли ты, но такой же человек, как и нищий, и прочее. А что добрым себя человеком называешь, а другого злым, то еще неизвестно, кто лучшие: ты ли, или он, которого ты злым называешь. Не тот добр, кто себя называет добрым, но тот, кто добро творит и кого Бог, Праведный Судия, похваляет. Посмотри во гробы мертвых и увидишь, что и ты брат всякому человеку. Вы же (князья, вельможи — славные, благородные, господа, — богатые и знатные, как боги в мире почитаемые, «яко человецы умираете» (Пс. 81; 7). Пойми же, возлюбленный, что и ты — человек такой же, как и прочие, что именно об этом день рождения и смерти показывает тебе, и, отложив гордость, возлюби смирение Христово; тогда будешь всякого человека и даже самого незнатного братом своим называть. «Всяк возносяйся смирится, смиряли же себе вознесется» (Лк. 18; 14).

(Из творений святителя Тихона Задонского)

Плоды гордости

«Бог гордым противится, смиренным же дает благодать» (1 Пет. 5; 5)

Премерзкий грех — гордость, но мало кто сознает его в себе, потому что он глубоко в сердце укрывается. Начало гордости есть незнание себя самого. Это незнание ослепляет человека, и потому человек гордится. О, когда бы человек познал себя самого, познал бы свою бедность, нищету и окаянство, он никогда бы не гордился! Но тем более несчастен человек, что не видит и не познает бедности и окаянства своего. Гордость познается от дел, как дерево от плодов. Посмотрим же, каковы плоды этого горького семени — гордости.

Первый: Гордый человек всячески ищет себе чести, славы и похвалы; он всегда хочет показаться чем-нибудь и другим указывать, повелевать и начальствовать. А кто препятствует желанию его, сильно на того гневается и злобится.

Второй: Лишившись чести и начальства, он ропщет, негодует и бранится: "Чем я согрешил? в чем я виноват? того ли труды мои и заслуги достойны?" А часто бывает, что такой человек в отчаянии сам себя и жизни лишает.

Третий: Он берется за дела выше сил своих, дела, которые не может сделать. О человеце! Что касаешься бремени, которого не можешь понести?

Четвертый: Он самовольно вмешивается в чужие дела: везде и всякому хочет указывать, хотя и сам не знает, что делает. Так гордость ослепляет его.

Пятый: Без стыда хвалит себя и возвышает: я-де то и то сделал, такие-то и такие заслуги обществу показал. О человеце! Исчисляешь свои заслуги; но почему же о погрешностях своих не говоришь? А если стыдно их объявлять, то стыдись и себя хвалить.

Шестой: Других людей презирает и унижает: он-де подлый человек, он негодный, и прочее. Человеце! Он такой же человек, как и ты; вси бо человеки есмы. Он грешник, но думаю, что и ты от этого имени не отречешься; он в том согрешил или грешит, а ты в другом, а может быть, что и в том же. «Вси бо согрешиша и лишены суть славы Божия» (Рим. 3; 23).

Седьмой: Власти и родителям своим не покоряется, не повинуется: у гордых выя жестока и непреклонна. Они всегда хотят поставить на своем.

Восьмой: Добро, какое имеет у себя, себе самому приписывает, своему тщанию и трудам, и своему разуму, а не Богу. О человеце! Что ты от себя можешь иметь, когда сам нагим исшел из чрева матери твоей? Что можешь иметь, если Бог, источник всякого добра, не подаст тебе? Что тщание и труд наш может сделать без помощи Того, Который един все может, и без Которого всяк ничто, как тень без тела?

Девятый: Обличения и увещания крайне не любит; считает себя во всем исправным, хотя и весь замаран.

Десятый: В унижении, в презрении, в бедах и напастях не терпит, негодует, ропщет, а часто и хулит.

Одиннадцатый: В словах и поступках показывает надменность и пышность.

Вот плоды гордости, Богу и человекам ненавистой! Горьки эти плоды, потому что горько и семя, от которого рождаются они. «Еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом» (Лк. 16; 15). Почему и писано есть: «всяк возносяйся смирится» (Лк. 14; 11). Противоположная гордости добродетель есть смирение. И сколь гнусна и мерзка гордость, столь благоприятно и любезно Богу и человекам смирение. Ни на что великий и высокий Бог так милостиво не взирает, как на смиренное и умиленное сердце. Поэтому и Пресвятая Богородица глаголет о Себе: «призре на смирение рабы Своея» (Лк. 1; 48). Когда гордость отступает от человека, то вселяется в него

смирение, и чем более уменьшается гордость, тем более возрастает смирение: одно другому, как противное, место уступает. Тьма отходит, и наступает свет. Как рассудим себя самих и познаем наше бедствие и окаянство, то довольно будем иметь причин к смирению. Рождаемся мы нагими и с плачем; живем в бедах, напастях и грехах; умираем со страхом, боязнью и воздыханием; погребаемся в земле, и в землю обращаемся. Тут не видно, где богатый, где нищий, где благородный и где незнатный, где господин и где раб, где мудрый и где неразумный лежит. Все там сравнялись, потому что все в землю обратились. Почему же убо земля и гной возносится? Почему гордится земля и пепел? Возлюбленные христиане! Познайте бедность свою и окаянство, и «смиритесь... под крепкую руку Божию, да вы вознесет во время» (1 Пет. 5; 6). Познаем, возлюбленные, что мы христианами именуемся от Христа, кроткого и смиренного сердцем; стыдно и весьма неприлично гордиться христианам, когда Христос, великий и высокий Бог, смирил Себя. Срамно гордиться рабам, когда Господь их смирен. Нет ничего столь неприличного и непристойного для христиан, как гордость, и ничто так не показывает христианина, как смирение. От смирения познается человек, что он — истинный ученик кроткого и смиренного сердцем Иисуса. Если хотим показать свидетельство, что мы — истинные христиане, то научимся от Христа быть смиренными, как Сам Он увещевает нас: «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф. 11; 29). «Вы глашаете Мя Учителя и Господа, и добре глаголете: есмь бо. Аще убо Аз умых ваши нозе, Господь и Учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе. Образ бо дах вам, да, как Аз сотворих вам, и вы творите» (Ин. 13; 13-15). Воззрим на этот живой образ смирения, и последуем Ему; посмотрим в это зеркало и очистим себя от гордости нашей; не постыдимся послужить рабы рабам и грешники грешникам, когда Господь рабам Своим служить не постыдился. Нет ничего выше смирения, и нет ничего подлее гордыни; смирением люди возносятся, а гордостью смиряются; смирением из грешников делаются праведниками, а гордостью из праведников делаются грешниками, смирение и Богу благоприятно, и человекам любезно. Научимся убо смирению, да Бог призрит на нас, и оправдает нас. Напишем и углубим в памяти нашей вышеположенное слово апостольское: «Бог гордым противится, смиренным же дает благодать». Аминь.

(Из творений святителя Тихона Задонского. Т. V, с. 100, 209-210)

495. Молитесь, матери, за детей своих!

«Помилуй мя, Господи, Сыне Давидов, дщи моя зле беснуется!» (Мф. 15; 22).

Так умоляет Христа о своей дочери женщина Хананеянка. Тягостно было положение ее! Бес жестоко мучил ее дочь. Взирая на страдания дочери, она не менее того страдала сама. Страдали обе: и мать, и дочь. И вот, мать

придумала средство облегчить свое положение, — она решилась обратиться ко Христу. Давно она искала Его, давно желала где-нибудь встретить Его, — и вдруг слышит, что Христос Сам пришел к тем городам, близ которых жила она. Увидев Его, она бежит за Ним, бежит и кричит, повторяя свою мольбу к Нему: «Помилуй мя, Господи, Сыне Давидов..». Долго Христос не исполнял просьбу ее, испытывая веру и терпение ее, наконец — одним словом заочно исцелил дочь ее, и бес оставил ее. Вот какую силу, какое действие имеет перед Богом молитва матери! Но это молилась язычница, услышана в молитве та, которая не имела права на милость. Какую же, значит, силу будет иметь перед Богом молитва матери-христианки, когда она молится о чадах своих! И как нужна такая молитва! Нужна детям молитва матери, когда они еще во чреве матери. Она низводит на зачатый плод росу благословения Божия; она еще прежде рождения делает его любезным Богу. Многие матери во время чревоношения имеют обыкновение освящать себя исповедью и причащением Святых Таин. Прекрасный обычай! Но это делается у нас часто из-за опасения за жизнь свою и для подавления страха смерти; делайте же это, главным образом, с целью освящения носимого плода, и плод ваш будет освящен Духом Святым, подобно как исполнены были этим Духом еще во чреве матери Иоанн Предтеча, Самуил, Самсон и другие избранники Божии. Но во всяком случае молитесь, и молитва ваша будет спасительна для вас и для младенца.

Молитесь, матери, о детях, когда они увидят свет Божий, когда они просветятся Святым Крещением, когда они находятся в состоянии детства. О, как нужна и в это время молитва материнская! "Что-то будет отроча сие?" — говорили все при рождении Иоанна Предтечи. Подобный вопрос не просится ли на ум при виде всякого дитяти? Что-то будет с ним, с этим только что рожденным, затем новопросвещенным, и наконец с этим беспечно ревящимся малюткой? Как он пройдет скользкий и тернистый путь жизни, на который вступил? Преодолеет ли опасности? победит ли искушения, ожидающие его тут, исполнит ли обеты, данные при Крещении? будет ли христианином по жизни, или только по имени? Что, если мать девять месяцев носила его под сердцем только затем, чтобы он потом своей жизнью унижал имя Божие, жил во вред другим и погибель себе? Но вы, матери, боитесь и представить себе это. Так молитесь же за дитя, молитесь именно в то время, когда оно только вступит в водоворот жизненный. Много случаев вы можете иметь к этой молитве. Вот дитя на руках ваших прильнуло к груди вашей; оно смотрит на вас то весело, то как будто уныло; оно чего-то все еще точно ждет от вас. О, в этот момент вознесите за него к Богу сердечный вздох, произнесите слово, хотя краткой, но горячей молитвы, и это будет самый дорогой подарок для него. Вот вы сидите над колыбелью своего дитяти, убаюкиваете его. Вокруг тишина, а мысли ваши носятся туда и сюда, а больше склоняются к любимому вами предмету — вашему детищу. О, и в это время пролейте над ним слезу горячей молитвы за счастье его, наипаче же за спасение души его, которое нужнее всего. И поверьте, ни один вздох, ни одна

слеза, пролитая за дитя ваше, не будут забыты у Бога, но привлекут милость Божию к нему. Дитя ваше ходит в школу. Не оставляйте его и здесь без молитвенного напутствия, молитесь, да развивается ум его прежде всего к познанию Бога, а сердце его пусть исполняется страхом Божиим и любовью ко Христу Спасителю. Молитесь, матери, о детях, когда дети ваши достигнут возраста зрелого, будут хорошо образованы, хорошо устроены, будут полезными общественными деятелями, добрыми христианами; вознесите за них Богу молитву благодарственную. Вот вы молились о детях в их детстве, и Господь внял вашей молитве, — как же теперь не возблагодарить Его? Вознесите за них молитву просительную, чтобы счастье не надмевало их, изобилие жизненных средств не вредило душе их, — молитесь, чтобы они веру и благочестие соблюли до конца.

И на самом тихом море бывают бури. И в жизни каждого человека бывают падения, искушения, встречаются несчастья, даже опасения за самую жизнь. О, молитва матери в это время — какая ему подмога, какая сила и защита! Видели ли вы такой случай, как нежно любящая мать отправляет сына своего на войну? Сколько благожеланий, сколько благословений льется прямо из сердца материнского и посылается вслед его! Сколько молений о сохранении жизни его! И напрасны ли эти моления? Бывали случаи, что образ, носимый сыном на груди, которым благословила его мать, этот образок, принятый с верой, оказывался охранителем от смерти даже среди тысячи смертных случаев вокруг. Так молитесь и вы за чад своих, и вы спасете их не от одного, быть может, преткновения, не от одной опасности на жизненном пути.

Но Бог не порадовал вас детьми покорными, добрыми. Дети вас огорчают своим дурным поведением; они своей порочной жизнью бесчестят род ваш, заставляют страдать семью, губят себя. Душа ваша болит за них, сердце трепещет при мысли, что ожидает их в будущем. О, не унывайте, не падайте духом, не приходите в отчаяние, а молитесь! Был порочный сын у одной матери. Мать видела гибель сына и плакала, все меры испытала к его исправлению и ни от чего успеха не видела. Тогда обратилась она к Богу и слезно молилась, чтобы Сам Господь, какими знает путями, извлек погибающего ее сына из бездны порока. С глубокой скорбью пришла она однажды к епископу и исповедала ему свое горе, прося у него слова утешения. "Молишься ли ты о сыне?" — спросил ее епископ. "Молюсь, — отвечала мать, — день и ночь молюсь, слезно молюсь". — "Поди с миром, — сказал он ей, — поступай так; не может быть, чтобы погибло дитя стольких слез и молений". Слова этого пастыря оправдались на деле. Сын ее исправился, стал вести строгую жизнь и сделался не только радостью для своей матери, но и утешением для всей Церкви Христианской. Это был блаженный Августин — великий учитель Церкви. Таково действие материнской молитвы! Она может спасти чадо, стоящее на краю гибели, всеми обреченное на погибель. Молитесь же, матери за детей своих, как бы далеко ни ушли они по пути порока, — тем усерднее, тем пламеннее

молитесь, чем порочнее они, — не оставляйте молитв, хотя бы Господь долго и не внимал вашей молитве. Почему знать? Дурные дети — это, может быть, нам наказание от Господа за наши прегрешения; а сознавая это, как не усиливать свою молитву и о себе и о детях наших?

Но скажут: "Какая же мать не молится о детях своих?" О, есть матери, которые, будучи постоянно огорчаемы детьми своими, во гневе и злобе на них подвергают их даже проклятию, или желают смерти им. Ах, какой страшный грех проклинать детей! Думают ли матери, какой из-за этого вред делают и себе самим, и детям своим? «Благословение бо отчее, — говорит Премудрый, — утверждает дома чад, клятва же материя искореняет до основания» (Сир. 3; 8,9). Слышите, что делает клятва матери! И бывают случаи, что слова эти исполняются в точности. Блаженный Августин, в своих сочинениях рассказывает об одном таком случае, бывшем в его время. Одна мать за дерзости и грубости прокляла девять сыновей своих, и что же? Они все впали в расслабление, так что все члены их стали дрожать; они бросили свой дом и стали скитаться из города в город, а сама мать, увидав, как неблагоприятно во гневе своем поступила, с отчаяния и горя лишила себя жизни.

Так вредно, губительно проклятие материнское и для проклинающей, и для проклинаемых. Итак, матери, не гнева Божия, но благословения и милостей Божиих испрашивайте детям своим, молитесь за них, как за добрых, так и за дурных. Господь терпит нас, оскорбляющих Его своими грехами; потерпите и вы детей своих, когда они не таковы, каковыми бы вы желали их видеть. Вам нужно утешение и подкрепление, ищите и просите их у Господа Иисуса и Пречистой Матери Его. Она — Мать всех скорбящих. Ужели вас одних Она забудет и не утешит? Нет, к вам-то Она особенно и близка. Матери и дети, радующиеся и скорбящие, все будем прибегать под кров Матери Божией и после Бога на Нее единую возлагать свое упование.

Мати Божия! Молись за нас пред Сыном Своим и подавай каждому то, что ему нужно для пользы души его! Аминь.

(Из книги "Сборник поучений" священника П. Шумова)

496. Святая икона Божией Матери «Троеручица»

Не краскам и деке мы воздаем честь, поклоняясь иконе святой, а тому, кто изображен на ней. Не от самого изображения мы надеемся милость и помощь получить, а от того, чей лик видим на нем. И упование веры не посрамляет верующего: кто воздает честь, например, святой иконе Богородицы, того Она, преблагословенная Владычица наша, берет под Свой благодатный покров и заступление, тому Она Сама — и помощь, и защита во всякой скорби и напасти. И если бы можно было собрать все известные примеры Ее благодатного заступления притекающим с любовью к Ее святым иконам, то можно было бы наполнить ими многие книги; поэтому приведем

здесь только одно поучительное сказание о святой иконе Ее, именуемой "Троеручица".

История этой чудотворной иконы тесно связана с историей жизни великого песнописца Православной Церкви — преподобного Иоанна Дамаскина. Эта святая икона была его келейной иконой; перед ней он всегда совершал свое молитвенное правило, перед ней изливал свои сердечные чувства, перед ней воспевал свои дивные песнопения, коими и доселе благоукрашается наше Православное Церковное Богослужение. В скорбное для Церкви Божией время жил Иоанн; это было время тяжкого гонения на святые иконы от царей-иконоборцев: Льва Исаврянина (с 717 по 741 годы по Р.Х.) и сына его Константина Копронима (с 741 по 775 годы по Р.Х.). Святые иконы, по указу царскому, выносили из церквей и подвергали всяческому поруганию и уничтожению, православные, почитавшие их, терпели пытки, изгнания, а нередко и смерть. Иоанн родился и вырос в Сирии, в городе Дамаске, где отец его был министром при дворе Дамасского калифа (князя); калиф полюбил молодого, прекрасно образованного Иоанна и сделал его градоначальником в Дамаске. Нелегко было Иоанну смотреть на притеснения христиан от турок неверных; но еще тяжелее было слышать, как преследовал православных за почитание святых икон свой же, христианский император, Лев Исаврянин. Не стерпел он неправды этой и написал сочинение в защиту святых икон. "Вижу, — писал он, — что Церковь Божия волнуется жестокой бурей, и думаю, что теперь не время молчать; боюсь Бога более, чем государя земного; а власть государя легко может увлекать народ". Это сочинение он послал в Царырад своим друзьям и просил их распространить его среди православных; по просьбе друзей он написал и еще два послания о том же. Эти послания повсюду читались с жадностью, и колеблющиеся укреплялись в Православии, а иконоборцы краснели от стыда и кипели злобой на мудрого защитника святых икон. Узнал об этих письмах Иоанновых и сам царь-иконоборец Лев; понятно, что он не мог простить Иоанну такой, по его мнению, дерзости против его нечестивых указов, но Иоанн жил не под его властью; оставалось действовать против него только хитростью. И вот, он призывает искусного писца, приказывает ему достать какое-нибудь письмо, писанное рукой Иоанна, изучить по этому письму почерк руки Иоанна и потом написать его под черком подложное письмо на имя императора, будто бы Иоанн предлагает ему передать город Дамаск посредством измены калифу в руки греков. Сказано — сделано, и это подложное письмо царь Лев посылает калифу, уведомляя его, что он, как добрый сосед, не хочет пользоваться изменническим предложением Иоанна и выдает его на суд законному государю.

Можно себе представить, каким гневом воспылал калиф на невинного Иоанна! Он не стал слушать никаких его оправданий и тотчас же приказал отсечь ему кисть правой руки, будто бы изменившей долгу верности и признательности. Приказание исполнили; Иоанн, обливаясь кровью, в изнеможении от страшной боли был отведен в свой дом, а его рука, на страх

всякому изменнику, вывешена на городской площади. Настал вечер; невинный страдалец, полагая, что разгневанный калиф несколько уже успокоился, посылает к нему близких друзей своих с такой просьбой: "Государь! я страдаю ужасно от нестерпимой боли; смилуйся надо мной: прикажи отдать мне мою руку; я думаю, что когда предам ее земле, мне легче будет!..." Калиф смиловался, и кисть руки была возвращена страдальцу. Тогда Иоанн затворился в своей молитвенной комнате, приложил мертвую отсеченную кисть к руке и с горькими слезами пал перед иконой Матери Божией... Нужно ли говорить, как пламенна была его молитва? Со всей силой сердечной веры он умолял Заступницу рода христианского исцелить его усеченную руку, дабы он мог продолжать свои писания в защиту икон святых, на пользу Церкви Православной и во славу Божию. Обессиленный страданиями, он наконец впал в дремоту, и вот, в тонком сне, он видит, что лик Владычицы взирает на него с иконы светлым и милостивым взором; Она говорит ему: "Вот, твоя рука теперь здорова; не скорби же, и исполни то, что обещал ты в молитве своей". Иоанн пробудился: ощупал, осмотрел свою руку и едва мог поверить своим чувствам: рука, как и прежде, была целой, ни следа болезни; только там, где она была отсечена, как бы в удостоверение чуда, остался признак кровавого усечения, подобно розовой нити... Так скоро услышала скорбную молитву Своего избранника Мать милосердия! В полноте благодарного чувства Иоанн воспел в честь Ее новую песнь: "О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь", — ту дивную песнь, которую Церковь повторяет на литургии Василия Великого во дни Святой Четырнадцатницы. В память дивного исцеления Иоанн вычеканил из серебра кисть руки и приложил ее к иконе, перед которой молился об исцелении, отчего эта икона и получила название: "Троеручица". Недолго прожил после этого святой Иоанн в шумной столице калифа; несмотря на просьбы и увещания Дамасского владетеля, он вскоре раздал все свое имущество бедным и удалился в тихую пустынную лавру преподобного Саввы Освященного, взяв с собой единственное сокровище — икону Матери Божией. Здесь провел он много лет в строгих подвигах послушания; здесь писал он свои вдохновенные песнопения, здесь и почил от трудов своих на сто четвертом году своей святой жизни. А его неразлучная спутница — святая икона "Троеручица", через пятьсот лет после его кончины, была вручена на благословение великому Сербскому подвижнику, святителю Савве, посетившему лавру своего святого соименника. Святитель Савва Сербский отнес икону в родную Сербию, откуда она через некоторое время, по воле Самой Царицы Небесной, прибыла, наконец, на Святую гору Афонскую, в монастырь Хилендарский, и поставлена в алтаре соборного храма. Однажды умер в обители игумен; в среде братии возникли споры, кого избрать во игумена? Одни стояли за того, другие за другого. В их спор вступила Сама Мать Божия: однажды, когда братия собрались к утрени, они увидели на игуменском месте икону "Троеручицы". Ее снова поставили в алтаре, но наутро она оказалась опять на месте игумена. И снова перенесли ее в алтарь,

а двери церкви запечатали, чтобы никто не мог войти туда. Но и на третий день икона оказалась на игуменском месте. Пока братия рассуждали, что это значит, — пришел известный в их обители затворник и сказал: "Не трогайте святую икону с игуменского места: Сама Матерь Божия желает Своей иконой быть нам вместо игумена...". С той поры в Хилендаре нет игумена, а только — наместник игуменский; церковники берут благословение на всякое послушание у святой иконы Треручицы. Одевшись в мантию, они делают перед ней два земных поклона, с крестным знаменем целуют ее руку, а потом, как перед Настоятельницей, падают в землю уже без крестного знаменья... И сознаются иноки благоговейные, что, подступая к иконе святой, они ощущают невольный страх, как перед начальником, а вместе с тем и чувство детской любви, как перед Матерью вечной любви и утешения...

497. Забудь свои добрые дела

От самохвальства фарисей стал хуже мытаря. Если хочешь доказать великую добродетель, не высокоумствуй, и тогда покажешь еще большую; не думай, что если ты уже совершил что-нибудь, то все уже сделал. Если смиренномудрие из грешников делает праведников, хотя это не есть смиренномудрие, но только искреннее сознание; и если искреннее сознание имеет такую силу в грешниках, то смотри, чего не сделает смиренномудрие в праведниках? Итак, не губи труды свои, не делай, чтобы твой пот был пролит напрасно, и ты, пробежав тысячи поприщ, лишился всякой награды. Господь гораздо лучше тебя знает твои заслуги. Если ты дашь чашу холодной воды, Он и этого не презрит. Если подашь одну полушку, если только вздохнешь, — Он примет все это с великой благосклонностью, и вспомнит, и определит за это великие награды. Для чего же ты рассматриваешь свои добродетели и всегда показываешь нам оные? Или ты не знаешь, что если хвалишь самого себя, не будешь похвален Богом? Равным образом, если ты унижаешь самого себя, Он непрестанно будет прославлять тебя перед всеми. Ибо Он не хочет уменьшить награду за труды твои. Что я говорю, уменьшить? Он все делает и устраивает, чтобы и за малое увенчать тебя, ищет всяких предлогов, за что бы избавить тебя от геенны.

Поэтому-то, если ты потрудишься лишь одиннадцатый час дня, Господь даст тебе полную награду. Если только вздохнешь, только прослезись, Он Сам тотчас воспользуется всем этим, как случаем к твоему спасению. Итак, забудь о своих добрых делах. Но ты скажешь: "Как можно не знать того, что нам совершенно известно?"

Что ты говоришь? Ты непрестанно оскорбляешь Господа, живешь в небрежении и не знаешь того, что ты грешил, а не можешь позабыть о своих добрых делах? Каждый день оскорбляя Бога, мы не обращаем на это и внимания. А если подадим бедному хотя малую монету, то занимаемся этим

непрестанно. Это крайнее безумие! Забвение добрых своих дел есть самое безопасное их хранилище. И как одежда и золото, если мы раскладываем их на торгу, то они привлекают многих злоумышленников, а если убираем и скрываем их дома, то они находятся в безопасности, так если и добрые свои дела мы постоянно держим в своей памяти, то тем оскорбляем Господа, вооружаем врага и возбуждаем его к их похищению. Если же никто не будет знать их, кроме Того, Кому знать оные надлежит, то они пребудут в безопасности. Итак, не хвались ими, чтобы кто-нибудь не лишил тебя оных, чтобы с тобой не случилось то же, что с фарисеем, который носил их на языке своем, откуда и похитил их диавол. Хотя он и с благодарением припоминал себе оные, и все возносил к Богу, но и это не спасло его. Ибо благодарящему Бога неприлично поносить других и превозноситься перед грешниками. Если ты благодаришь Бога, то тем только и довольствуйся; не говори о том людям и не осуждай ближнего. Ибо это уже не есть дело благодарности. Если же ты хочешь знать, как выражать благодарность, то послушай, что говорят три отрока: «яко согрешихом и беззаконновахом... яко праведен еси, Господи, о всех, яже сотворил еси нам... яко истиною и судом навел еси» (Дан. 3; 29,27,28). Ибо исповедовать свои согрешения значит благодарить Бога. Итак, будем остерегаться говорить о себе что-нибудь доброе; потому что это делает нас и перед людьми ненавистными, и перед Богом мерзкими. Поэтому, чем больше будем делать добра, тем менее будем говорить о себе. Таким только образом можем приобрести величайшую славу и у Бога, и у людей; вернее же сказать — у Бога не только славу, но и награду, и великое воздаяние. Итак, исповедуй, что ты спасаешься благодатью, чтобы Бог и Сам признавал Себя твоим должником. Ибо когда мы делаем добро, то Он нам должен бывает только за наши дела, а когда вовсе и не думаем, что сделали какое-нибудь доброе дело, то Он нам остается должным и за такое наше расположение, и притом более, нежели за дела; так что это наше расположение равняется самым добродетелям, а без оногo и самые дела неважны. И мы тогда особенное оказываем благоволение нашим слугам, когда они, во всем услуживая нам с усердием, думают, что еще ничего не сделали для нас важного. Поэтому, если ты желаешь, чтобы твои добрые дела были велики, то не почитай их великими, и тогда они будут велики. Так и сотник говорил: «несмь достоин, да под кров мой внидеши» (Мф. 8; 8); и через это сделался достойным, и заслужил уважение паче всех Иудеев. Так и Павел говорил: «несмь достоин нарещися Апостол» (1 Кор. 15; 9); и через это сделался первым из всех. Так и Иоанн Предтеча говорил: «несмь достоин отрешити ремень сапогу Его» (Лк. 3; 16); и за это был другом Жениха, и ту руку, которую считал недостойной прикоснуться к сапогам, Христос возложил на Свою главу. Ибо ничто столь не приятно Богу, как если кто считает себя в числе величайших грешников. Смиранный и сокрушенный никогда не будет тщеславиться, гневаться, завидовать своему ближнему, словом, — не будет питать в себе ни одной страсти. Разбитую руку, сколько бы мы ни старались, никак вверх поднять не можем; если подобным образом

сокрушим и душу, то хотя бы тысяча страстей, надмевая, воздымали ее, она нисколько не поднимется. Кто же, скажешь ты, может так сокрушить свое сердце? Послушай Давида, который особенно этим прославился, посмотри на сокрушение его души! По совершении бесчисленных подвигов, когда должно было ему лишиться отечества, дома, самой жизни, во время несчастья он видит, что один низкий, презренный воин ругается над его бедствием и поносит его; и не только сам не отвечает ругательствами, но запрещает одному военачальнику, который хотел убить его, говоря: «оставьте его... ибо Господь повелел ему» (2 Цар. 16; 11). И в другой раз, когда священники просили у него позволения нести за ним кивот, то он не согласился, но что сказал? «Возврати кивот Божий во град, и да станет на месте своем; аще обрящу благодать пред очима Господними, и возвратит мя. И покажет ми его и лепоту его. И аще тако речет: не благоволих в тебе: се, аз есмь, да сотворит ми по благому пред очима Своими» (2 Цар. 15; 25-26). А то, что он делал в отношении к Саулу, — не раз, не два, но многократно, какую показывает высоту мудрости!

Такое поведение было выше Ветхого Закона и приближалось к заповедям Апостольским. Поэтому он все принимал от Господа с любовью, не исследуя того, что с ним происходит, но стараясь единственно о том, чтобы всегда повиноваться и следовать данным от Него законам. И по совершении столь великих подвигов, видя принадлежащее ему царство в руках мучителя, отцеубийцы, братоубийцы, притеснителя, беснующегося, он не только не соблазнился этим, но говорил: "Ежели угодно Богу, чтобы я был гоним, скитался и бегал, а враг мой был в чести, то я принимаю это с любовью, и еще благодарю за бесчисленные бедствия". Он не так поступал, как многие бесстыдные и дерзкие, которые, не совершив и малейшей части его подвигов, едва увидят кого-нибудь в благополучном состоянии, а себя хотя бы в малой скорби, бесчисленными хулениями губят душу свою. Не таков был Давид, но во всем показывал кротость. Поэтому и Бог сказал: «обретох Давида сына Иессеова, мужа по сердцу Моему» (Деян. 13; 22; Пс. 88; 21). Постараемся и мы иметь такую душу, и что бы с нами ни случилось, будем переносить равнодушно, и здесь, до получения Царства, соберем плоды смиренномудрия. Ибо Господь говорит: «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем; и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11; 29). Итак, чтобы нам наслаждаться покоем и здесь и там, со всем тщанием будем водворять в душах наших матерь всех благ, то есть смиренномудрие. Ибо таким образом возможем без волнений переплыть море этой жизни и достигнуть оной тихой пристани, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

(Из творений святителя Иоанна Златоуста)

498. Чему учат нас пастыри Вифлеемские

Приветствую вас, други мои, со всерадостным днем Рождества Христова! И как не радоваться нам в этот день!.. Чему же нам и радоваться, если мы не будем радоваться рождению Спасителя нашего?.. Вижу, и на лицах ваших изображается радость праздника Господня. О чем же мне и беседовать с вами ныне, как не о том, чем занята душа наша, — о чем, как не о рождении Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего?

Знаете ли вы, как и где родился Господь наш Иисус Христос, и кто первым удостоился узнать о рождении Его и поклониться Ему? Конечно, должны знать; но что радостно, о том всегда будешь говорить и никогда не наговоришься! Господь Иисус Христос, Бог истинный и Сын Божий, прежде век от Отца рожденный, ради нашего спасения пришел на землю и родился в вертепе, по-нашему — в каменной пещере, в которой обыкновенно стояли домашние животные. Родился и положен был в ясли, из которых животные ели. Вот как смирился ради нас Христос Господь, как в самом раннем младенчестве Своем Он начал уже терпеть за нас нужду и скорби... Все это делал Он из любви к нам, грешным.

Послушайте же теперь, братие, о том, кто и как первый узнал о рождестве Христа. Когда родился Господь Иисус Христос и положен был в яслях, в это время, как повествует богоглаголивый апостол Лука, «пастырие беху в тойже стране, бдяще и стрегуще стражу нощную о стаде своем... И рече им Ангел: не бойтеся: се бо, благовествую вам радость велию, яще будет всем людем: яко родися вам днесь Спас, Иже есть Христос Господь, во граде Давыдове. И се вам знамение: обрящете Младенца повита, лежаща в яслех. И внезапно бысть со Ангелом множество вой небесных, хвалящих Бога и глаголющих: слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение! И бысть, яко отъидоша от них на небо Ангели, и человецы пастырие реша друг ко другу: преидем до Вифлеема и видим глагол сей бывший, егоже Господь сказа нам. И приидоша поспешшесе, и обретоша Мариамъ же и Иосифа, и Младенца лежаща во яслех. Видевше же сказаша о глаголе глаголаннем им о Отрочати Сем. И еси слышавшии дивицася о глаголанних от пастырей к ним» (Лк. 2; 8-18).

И подлинно, братие, удивительны, чудны дела Господни! В Вифлееме было тогда много народа. Конечно, между ними были тогда мудрые и знатные — книжники и фарисеи. Отчего же Господь не благоволил им открыть Свое воплощение? Чем бедные пастыри заслужили преимущество перед ними? И не только им первым дано было узнать о рождении Христа Спасителя, но и узнать об этом от Ангела, а затем слышать и видеть радость множества воинств небесных, воспевающих славу в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение? Много было тогда мудрых в Иудее, немало их было и в Вифлееме, но они были мудрые для себя, а не для Бога: Божие слово они толковали по-своему, Господни заповеди по-своему, да еще и хвалились своей неразумной мудростью, а то и забыли, что говорил им Господь через пророка: «погублю премудрость премудрых и разум разумных сокрыю» (Ис. 29; 14). Не таковы были Вифлеемские пастыри! Они не думали

о своем уме, а с простотой сердца внимали слову Божию, всей душой старались исполнять то, что слышали, а потому и сбылось на них слово Господне: что Господь утаил от премудрых и разумных, то открыл младенцам, — младенцам по простоте сердечной, по доверенности к старшим себя, по той покорности, с которой они исполняли все поведенное им.

Вот каковы были пастыри Вифлеемские, и вот за что они первые удостоились услышать радостную весть о рождении Спасителя. Братие мои! Вы, по своему званию и состоянию, сходны с Вифлеемскими пастырями, о которых теперь идет речь. Нередко попрекают вас тем, что вы мало знаете; самая простота ваша в словах и жизни нередко служит для вас упреком. Вы сами привыкли говорить о себе: "Мы люди темные". Ведайте, други мои, что смирение и простота сердечная — были бы они только искренние, и вместе с ними были бы у вас соединены послушание и повиновение слову Божию, уставам Матери нашей Церкви и всякому поставленному над вами начальству и власти, — суть первые ваши добродетели, которыми вы особенно можете угодить Господу Богу. «И на кого воззрю, — говорит Сам Господь, — токмо на кроткаго и молчаливого и трепещущаго словес Моих» (Ис. 66; 2)

Святой евангелист Лука, говоря далее о пастырях, замечает, что они в то время, когда родился Спаситель, «беху... бдяще и стрегуще стражу нощную о стаде своем». Братие мои! Человек для того и рождается, чтобы, исполняя на этом свете какую-нибудь обязанность, тем самым угодить Господу Богу и получить в Небесном Царствии вечное блаженство. И там Господь не спросит, почему ты не был богат, знаменит и славен между людьми, а спросит, как ты исполнял свое дело, хотя бы ты и был простой пастух? Исполнял ли ты его с усердием или ленился? Если не ленился, то трудился ли ты для того, чтобы доставить пользу ближнему, угодить Господу Богу, или только для того, чтобы разбогатеть, чтобы прославиться? Будьте же вы всегда усердны к своему делу, трудитесь и работайте всегда, сколько Господь сил дал, во славу Божию, на пользу себе и ближним, — и вы этим уподобитесь Вифлеемским пастырям и будете угодны, как и они, родившемуся ради нас Господу.

Еще: пастыри Вифлеемские, услышав от Ангела о рождении Спасителя, «приидоша» к Нему, на поклонение «поспешшеся», то есть как только могли, скоро пошли туда, куда указал им Ангел Господень, где надеялись они увидеть рождшегося Спасителя и поклониться Ему. Заметьте, тогда была ночь, и у них были стада в поле, кроме того, по всему видно, что не близко от города. Но весть о рождении Спасителя была для них так радостна, желание поскорее поклониться Ему было в них так сильно, что они оставили все, что имели, и — побежали. Вот, братие, еще один прекрасный поступок пастырей Вифлеемских. Запомните его и старайтесь подражать ему. Бывает нередко — наступит какой-нибудь праздник Господень, или просто — воскресный день, и вот, на нашей колокольне раздастся звон колокола, извещая всех, что

Господь в храме, что Он ждет к Себе усердных поклонников... Но звуки колокола раздаются иногда в нашем селении, как в какой-нибудь пустыне, и церковь наша, как она ни мала, бывает очень просторна!.. Посмотрю я тогда на немногих, собравшихся в храм Божий, и думаю: "Нет, мои прихожане не похожи на Вифлеемских пастырей!" И вот, я слышу, что мимо храма Господня проехала одна повозка, потом другая, еще несколько. Куда спешат мои прихожане мимо храма Господня, во время службы Божественной? И мне отвечают, что они спешат в ближнее село; там торговый день! Но скажите мне, разве нельзя отправиться туда, если нужно, после Божественной литургии? Да и для чего вы имеете обыкновение отправляться туда иногда целыми семьями, вместо того, чтобы пойти только одному кому-либо из семьи?.. Итак, вот отчего иногда бывает храм Господень пуст! "Нет, — повторяю я тогда, — мои прихожане не похожи на Вифлеемских пастырей!"

Нередко также бывает еще вот что: отправив службу Господню и возвращаясь домой, вижу: в одном месте кто-то молотит, в другом — кто-то перевозит с поля хлеб; нередко увидишь еще кого-нибудь, который строит что-то в своем дворе. Все эти люди вовсе не думали о том, чтобы, подобно пастырям, поспешнее прийти на поклонение Господу! Но что же? Неужели они думают, что в час, Самим Богом определенный для поклонения Ему, они могут что-нибудь приобрести для своего хозяйства? Нет! «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии», — говорит Священное Писание (Пс. 126; 1). Итак, если уж не из любви ко Господу Богу, если не из благодарности за Его милости к тебе, то, по крайней мере, для того, чтобы твоя работа шла успешнее, ты бы пришел в храм Господень и помолился.

Братие мои! Ныне праздник, и праздник великий. Не с тем говорил я все это, чтобы опечалить вас; пусть ничто не мешает вашей радости о празднике Господнем. Но не забывайте того, что я сказал вам о рождении Спасителя нашего и о пастырях Вифлеемских, которые первыми удостоились поклониться Ему. Не забывайте, и дай Бог, чтобы мы сколько-нибудь были похожи на этих пастырей! Аминь.

(Беседы сельского священника с прихожанами)

499. Праздник Рождества Христова в Церковных песнопениях

Листок второй.

Пастыри в долине Вифлеемской. — Явление им Ангелов. — Их поклонение Богомладенцу Спасителю. — Прибытие волхвов с Востока. — Встреча их Богоматерью. — Дары волхвов. — Таинственное знаменование этих даров. — Волхвы — начало верующих из язычников. — Смущение Ирода. — Его замыслы. — Бегство Святого Семейства в Египет. — Избиение младенцев. — Чудесное сокрытие младенца Предтечи. — Младенцы-мученики.

Пастырие свиряюще (бодрствовавшие на поле) ужасно светоявление получиша (удостоились чудного явления света); слава бо Господня облиста их, и Ангел, воспойте, вопия, яко родися Христос. Внезапу с словом Ангеловым небесная воинства "слава" вопияху, "в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение: Христос возсия, отцев Бог благословенный!"

Что (означает) сей глагол? рекоша пастырие: прешедше увидим бывшее, Божественнаго Христа. Вифлеема же дошедше, с Рождшею (с Матерью Его) покланяхуся, воспевающе: отцев Боже, благословен еси.

В Вифлеем стекошася пастырие, истиннаго возвещающе Пастыря, сидящаго на Херувимех и возлежащаго в яслех, Младенца зрак (вид) восприимшаго нас ради.

Господа ведяще Тя, небеса поведают Твою славу, Спасе, звездою (призывающе) волхвы ныне с дары к познанию Твоему и Божественному поклонению.

Дары Тебе приносяще, Сыне (вещала Дева Матерь), царие приидоша восточнии, Царя Тя уведевше родитися, ливан и смирну и злато: и се стоят пред дверьми. Сим повели видети Тя Младенца, на руку Моею держама, древняго Адама старейша.

Чистая, услышавши волхвов пред вертепом купно предстоящих, к ним рече: кого ищите вы? яко вижду бо, от инодальных стран приидосте, персский образ (наружность персов) и мудрование имуще. Странен исход и шествие сотвористе (необычное путешествие предприняли вы), и к Странствовавшему свыше (с неба) и странно (чудесно) в Мя Всельшемуся, яко весть, со тщанием приидосте Тому поклонитися, дарующему миру велию милость.

Приидите, внидите со тщанием, Дева рече древле волхвом: и видите Невидимаго — видите явлынагося, и Младенца бывша. Они же со усердием внидоша, и поклонишася, и дары принесоша, пророчество Божественное исполнивше.

Волхвы перситстии царие, познавше яве на земли рождшагося Царя Небеснаго, от светлыя звезды водими, достигоша в Вифлеем, дары носяще избранныя, злато и ливан и смирну, и падше поклонишася: видеша бо в вертепе Младенца лежаща Безлетнаго.

Господу Иисусу рождшуся в Вифлееме Иудейском, от восток пришедше волхвы, поклонишася Богу вочеловечшуся, и сокровищи своя усердно отверзше, дары честныя приношаху — искушено (чистое) злато, яко Царю веков, и ливан, яко Богу всех, яко тридневному же мертвецу — смирну, Бессмертному. Все языцы, приидите поклонимся Рождшемуся спасти души наша.

Смирною смертью, златом царскую державу, Ливаном же Божества преимущество проявляют царие языков, начатки дароносяще Тебе, в вертепе рожденному Вифлеемстем, из неискусомужных Матере.

Ученики волхва Валаама, волхвы зовут к разуму (к познанию) звездой Христос; облака же небо одевая пеленами повивается; и в яслех возлежит, Егоже трепещут Херувими; в вертепе же вмещается Исполняяй вся.

Тайноводяще волхвы, Божия мудрость созывает начаток от языков; безсловесныя прежде напитати таинственно (желая таинственно напитать уподобившихся безсловесным), в безсловесных яслех Трапеза лежит тайная, к Нейже тщатся с дарами путешествующе, звезде предсияющей.

Тебе Младенцу лежащему во яслех, небо принесе (привело) начаток языков (начаток верующих из язычников), Тебе звездой волхвы призывая, яже и ужасу (которых приводили в изумление) не скипетры и престолы, но последняя (крайняя) нищета: что бо худшее вертепа? Что же смиреннее пелен, в нихже просия Божества Твоего богатство? Господи, слава Тебе!

Языки Богу наследие Сын приносит, подая тамо неизреченную благодать, идеже множайший процвете грех.

Горним и дольным ныне вкупе веселящимся (в то время, когда и небо и земля ликовали) во явлении всех Царя, Ирод сам (один) токмо с пророкоубийцы Иудеи сболезнует. Лепо бо самем им токмо (так и подобало только им одним) рыщати, не бо отныне царствовати имут (ибо отныне они не будут более царствовать); но Царство Господне и еще державствовати имать, дерзости врагов отражающее, и множество верных созывающее, с честными младенцы взирати, Иже во яслех Младенца лежаща.

О чудес новых (небывалых)! о благостыни! о неизреченнаго терпения! Се бо яко Младенец вмещается в вышних Живый, и волею бегают Бог — Ирода.

В страннем Твоем рождестве болезней избегши преестественно (вещала Богоматерь), ублажихся, безначальне Сыне! Ныне же Тя зрящи Ирода бегающа, оружием печали смущающа душою, взывающа: спасай Тебе почитающа!

Зрите, друзи, и не бойтесь, безумный бо Ирод всеу шатается Зиждителя убити рождшагося: но Той, яко жизнь и смерть содержай, живет и спасает мир, яко Человеколюбец.

Удивися, увидав Ирод царь лютый, яростию противу боря Рождшемуся на земли Царю юному, Христу, и боязнию и страхом многим содержимь, посылает воинство убити с яростию дети в Вифлееме младенствующа, купно с ними убити покушающа Создателя.

О слепотнаго скверноубийства, вседерзостне! имже забвение получил еси (ты забыл, ослепленный злобой), яко Бога никтоже, ем (взяв) руками, убьет: преразжегся же яростию, свирепе младенцы закалаеши, Ироде!

Ирод пребеззаконный, видя звезду паче всея твари светлейшую, смущашеся и млекопитаемая младенцы из объятий матерних восхишаше. Елисавет же, взявши Иоанна, камень (каменную гору) моляше, глаголющи: приими мать с чадом. Гора прият Предтечу; ясли же храняху сокровище, Егоже звезда возвести, и волсви поклонишася: Господи, слава Тебе!

О слепотного неразумия дерзости! Емуже бо иноплеменницы (волхвы), яко избавителю Христу, поклонившася, с дары почествовавшие, — домашнии же (свои соплеменники) неистовне искаху убити Рожденного. Пощади души наша, Христе Боже, и спаси нас!

Иисусу рождшуся в Вифлееме Иудейстем, Иудейская держава упразднися: да играют младенцы, за Христа закалаемии; Иудея да рыдает: младенцы бо избив, Ирод пребеззаконный исполняше Писание, Иудею насыщая неповинныя крове, и земля убо червленьяшеся (обагралась) кровьюми младенцев, от язык же (из язычников) Церковь таинственно очищается и в красоту одеяется.

Пречистому Твоему рождеству, Христе Боже, первая жертва бысть младенцы: Ирод бо, яти Тя неятаго восхотев, не позна, мученический приводя Тебе лик.

Царя Безлетного, под летом бывша, царь пребеззаконный взыска, и не обрет убити Его, младенцев пожат неискусозлобное (невинное) множество, яже содела мученики, яко не мняше (о чем и не думал), и гражданы вышняго царствия, того во веки пребезумие обличающия.

Детоубийца, но не Христоубийца явися Ирод лютый: аще бо и младенцы пожат горько яко траву, но Класа жизни не возможе удержати и умертвити: Жизни бо сый Податель, утаися гонителя, яко Бог, Божественною силою".

500. Черниговская икона Богоматери

В двух с половиной верстах от Троице-Сергиевой лавры, за Гефсиманским скитом, красуется новый пятиглавый храм, ярко сияя на темной зелени окружающего леса своей средней золотой главой и пятью большими узорчатыми золотыми крестами. Храм этот построен над пещерами, где в полумраке нижнего храма смиренно избрала себе место новопрославленная чудесами святая икона Матери Божией, именуемая Ильинско-Черниговская. Кротко, но и царственно-величественно смотрит на богомольца лик Владычицы мира, Матери всех скорбящих и обремененных; а Ее сын, Богомладенец, нежно склонив Свою царски венчанную голову к Пречистой Деве—Матери, простирает Свою десницу на благословение всех, с любовью к Ней притекающих. Тихий свет многочисленных лампад радужными переливами отражается на золотом окладе иконы, на алмазах и бриллиантах, украшающих короны и венцы, на множестве разных привесок, этих безмолвных, но красноречивых свидетелей чудес, здесь, перед святой иконой, совершившихся.

Счастливо наше отечество —Святая Русь, цветущая православием. Как в древние века Господь изливал на нее благодать Свою, так и ныне не оставляет ее Своей милостью. К знамениям милосердия Божия к нам, недостойным, должно отнести совершившееся в недавнее время прославление цельбоносными чудотворениями и этой иконы Богоматери,

именуемой Ильинско-Черниговская. Эта чудотворная икона дана вкладом в пещерный храма Гефсиманского скита девицей Александрой Григорьевной Филипповой. Она писана на полотне в XVII столетии и имеет размеры: в длину — один и три четверти аршина, в ширину — один аршин и пять вершков. Икона помещена в нижней пещерной церкви Архистратига Михаила на левой стороне иконостаса. В 1869 году Господу благоугодно было прославить эту святую икону чудесами. Первое чудо совершилось 1 сентября. В этот день при иконе Богоматери внезапно исцелилась от тягчайшей болезни уроженка Тульской губернии, Богородицкого уезда, Дедловской волости, деревни Черной Грязи, государственного крестьянина Прохора Адрианова Ельчищева жена Фекла Адрианова, двадцати восьми лет. Вот некоторые подробности об этом исцелении. Фекла подверглась совершенному расслаблению всех членов тела, и так страдала в продолжение девяти лет; шесть лет лежала она неподвижно на одном боку, руки и ноги ее не действовали, голова не подымалась, и пищу принимала она лежа, из рук других. Неоднократно лечили ее врачи, но болезнь не уступала их усилиям, а, напротив, все более и более усиливалась и делалась мучительнее. В скорби души своей больная находила одно утешение в молитве, в Одного только Господа веровала и надеялась получить исцеление. По истечении шести с лишним лет, проведенных в таком болезненном состоянии, родные ее, по неотступному ее прошению, предприняли с ней путешествие по разным святым местам; была она в лавре преподобного Сергия, в Задонском монастыре, в Воронеже, в Киеве прожила восемь месяцев, и на обратном пути приехала в Воронежский Покровский монастырь и убедительно просила игуменю Анастасию дозволить ей хотя бы временно пожить в обители, в надежде исходатайствовать себе увольнительную бумагу для поступления в монастырь. Больная провела в Покровском монастыре два года. В августе 1869 года она опять привезена была в лавру преподобного Сергия; здесь она пожелала посетить окружающие лавру обители. 1 сентября в 9 часов 30 минут утра подвезли ее к пещерам Гефсиманского скита; она попросила, чтобы отнесли ее в пещеры, в которых прежде она не бывала. Привезший ее на своей лошади крестьянин Богородицкого же уезда, деревни Березовки, Анастасий Яковлев, с помощью сопровождавшей ее крестьянской девицы того же уезда, деревни Сухановки, Дарьи Евдокимовой, снял больную с повозки, затем в сопровождении проводника пещерного, послушника Николая Сергеева и некоторых богомольцев понесли больную в пещеры. Когда она была внесена в храм Архистратига Михаила, ей овладел какой-то страх, соединенный с радостью; ей казалось, что она в Киеве, и стала она с благоговейным трепетом и со слезами прикладываться к иконам пещерного храма. Когда же поднесли ее к Черниговской иконе Богоматери, больная вдруг громко возопила: "Пустите, пустите меня!" Державшие ее крестьянин Анастасий и девица Дарья в страхе недоумевали, что делается с больной, и чувствовали, что будто какая-то сила тянет ее из их рук к иконе; кости и суставы в теле больной хрустели; ее выпустили из рук и, к общему

изумлению, больная внезапно встала на ноги и потом упала ниц перед иконой Богоматери, в слезах умиления изливая перед иконой чувство благодарности. Вопли ее и рыдания привели всех бывших тут в умилительно-благоговейный страх; все видели, что перед глазами их совершилось чудесное действие милосердия Царицы Небесной. По молитве, поднявшись с помощью сопутствовавших, исцеленная могла уже сама идти, легко поддерживаемая, к прочим местам пещеры. После этого она стала ходить свободно без посторонней помощи и действовать руками также свободно; только в ногах ощущала еще некоторую слабость. В гостинице при пещерах и потом в лавре пробыла она после этого три недели и чувствовала себя совершенно здоровой.

Святитель Иннокентий, митрополит Московский, по прибытии в лавру к празднику преподобного Сергия Чудотворца, пожелал видеть новоисцеленную Феклу Адрианову, лично расспрашивал ее о жизни, о болезни, от которой она страдала, и о чудесном ее исцелении. На другой день, 26 сентября 1869 года, митрополит прибыл в Гефсиманский скит и в пещерном храме, приказав совершить молебное пение перед чудотворной иконой Богоматери, молился со слезами.

С того времени чуда от святой иконы Черниговской потекли обильной благодатной струей. Исцелялись страдавшие помрачением ума, расслаблением всех членов тела, слепые, хромые и вовсе ногами не владевшие; исцелялись страдавшие неизлечимым раком, слоновой проказой, падучей болезнью, параличом и многими другими недугами. Однажды принесли к святой иконе младенца (дочь посадского мещанина), все тело которой покрыто было желваками с куриное яйцо и сплошными гнойными струпьями; страдальца не могла даже глаз открыть... Отслужили молебен, дали ей святой водицы, помазали ее струпья маслом из лампы, горячей перед иконой Богоматери; на другой день малютка открыла глазки; ее продолжали врачевать теми же благодатными средствами и через месяц все прошло — болезни как не бывало... Более ста засвидетельствованных чудес описано в особой книжице; и конечно, еще более их записано в благодарных сердцах тех, кто удостоился милости от Царицы Небесной.

И редкий богомолец, поклонившись мощам великого печальника Русской земли, преподобного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, не посетит пещер при ските Гефсиманском, чтобы здесь, перед новопрославленной иконой Заступницы усердной, излить свои скорби, свое горе, или принести Ей, Утешительнице всех скорбящих, молитву сердечной благодарности за Ее милости...